

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

XXV ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
XLIX МЕЖДУНАРОДНОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ
ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВЕРБИЦКОЙ
(1936–2019)

Санкт-Петербург, 2020 г.

• ВВМ •

Санкт-Петербург
2020

УДК 378(470.23-25)+39(=163.2)+75(497.2)+811.162+821.162
ББК 81.2
Д22

Рецензенты:

доктор филол. наук *М. Ю. Котова*
канд. филол. наук *О. В. Васильева*

Ответственные редакторы:

доктор филол. наук *Е. Ю. Иванова*,
канд. филол. наук *З. К. Шанова*

Д22 **XXV Державинские чтения** : Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики : Сборник статей по материалам XLIX Международной филологической конференции, посвященной памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Санкт-Петербург, 2020 г. / Филологический факультет. СПбГУ ; отв. ред. Е. Ю. Иванова, З. К. Шанова. — Санкт-Петербург : ВВМ, 2020. — 128 с.

ISBN 978-5-9651-0609-7

УДК 378(470.23-25)+39(=163.2)+75(497.2)+811.162+821.162
ББК 81.2

З. К. Шанова¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

К 25-ЛЕТИЮ ДЕРЖАВИНСКИХ ЧТЕНИЙ

Державинские чтения как ежегодная научная конференция петербургских славистов были учреждены в 1996 г. во время конференции, посвященной научному наследию академика Н. С. Державина (1877–1953) [Программа 1996]. Организаторами проведения ежегодных Державинских чтений стали Санкт-Петербургское отделение Межреспубликанской научной ассоциации болгаристов, кафедра славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Славянский фонд Библиотеки Российской Академии наук, Российский этнографический музей, Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества, Союз друзей Болгарии.

С 1997 г. Державинские чтения проходят в рамках ежегодной научной конференции филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, которая с 2003 г. носит название Международной филологической конференции.

Участники Державинских чтений посвящают свои доклады современным и историческим вопросам болгарского языка и литературы, их взаимосвязям с другими славянскими языками и литературами, на заседаниях обсуждаются темы, связанные с лексикографическим описанием болгарского и других славянских языков, вопросы авторской лексикографии и др.

© Шанова З. К., 2020

Н. С. Державин по своим научным интересам был прежде всего болгарист. Он родился в селе Преслав Бердянского уезда Таврической губернии в семье сельского учителя. Село было основано в 1862 г. болгарскими переселенцами, Н. С. Державин с детства был знаком с бытом, народными традициями болгар, болгарским языком.

Первые научные публикации Н. С. Державина знакомят читателей с культурой и укладом жизни болгар в России. В 1898 г., еще будучи студентом Нежинского историко-филологического института князя Безбородко, он опубликовал «Очерки быта южно-русских болгар» [Державин 1898].

С 1907 г. жизнь и творческая деятельность Н. С. Державина связаны с Петербургским университетом. В 1907–1911 гг. он был аспирантом, в 1912–1917 гг. — приват-доцентом. Н. С. Державин был дважды командирован от Академии наук в Болгарию — в 1903 и в 1909–1910 гг., позже вышел его известный труд «Болгарские колонии в России» [Державин 1914–1915], а в 1916 г. Н. С. Державин защитил на эту тему магистерскую диссертацию.

Н. С. Державин — признанный организатор славистической науки и образования в нашей стране: в 1917 г. он стал профессором кафедры славяноведения, в 1922–1925 гг. был ректором Петроградского (с 1924 г. — Ленинградского) университета, в 1925–1928 гг. — деканом факультета языкознания и материальной культуры (ЯМФАК), с 1925 г. заведовал кафедрой русского и славянского языкознания.

В 1931 г. Н. С. Державин был избран академиком Академии наук СССР. В том же году он организовал в Ленинграде и в 1931–1934 гг. возглавлял первый в стране Институт славяноведения АН СССР — научное учреждение, где проводились славяноведческие исследования, выпускались научные труды.

В конце Великой Отечественной войны Н. С. Державин стал заведующим восстановленной кафедры славянской филологии (1944–1953) Ленинградского университета и восстановленной кафедры славянской филологии (1943–1948) Московского университета (С. Б. Бернштейн в те годы был его заместителем).

Наследие Н. С. Державина включает свыше 500 публикаций, среди которых «История Болгарии» в 4 томах [Державин 1945–1948], труды о Хр. Ботева, Ив. Вазова, П. Хилендарском, С. Врачанском, А. Константинове и др. В 1944 г. Софийский университет присвоил Н. С. Державину степень доктора *honoris causa*, в 1946 г. он был избран почетным членом Болгарской АН. Одна из улиц болгарской столицы названа именем академика Н. С. Державина.

Созданный в 1931 г. под руководством Н. С. Державина Институт славяноведения АН СССР располагался в здании Библиотеки АН. Именно там, в Славянском читальном зале Библиотеки АН, проходили Державинские чтения с 1996 по 2018 г.

Организаторы Державинских чтений, исходя из понимания Н. С. Державиным славяноведения как науки комплексной [Державин 1932: 13], которая занимается языками, литературами, культурой, историей, этнографией славянских народов, приглашают для участия в этой конференции исследователей, работающих в разных областях болгаристики и славистики — ученых из научных и образовательных учреждений Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Государственного Эрмитажа, Российского этнографического музея, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Библиотеки Академии наук), Москвы (Московского государственного университета, Института славяноведения РАН, Московского государственного лингвистического университета, Международного славянского университета), других городов России, а также из Болгарии. В Державинских чтениях участвовали в разные годы ученые из Института болгарского языка им. проф. Л. Андрейчина Болгарской академии наук (М. Божилова, М. Димитрова и др.), Института литературы Болгарской академии наук (Д. Димитрова-Маринова и др.), Софийского университета им. Климента Охридского (К. Алексова, Р. Божанкова, М. Велева, Н. Делева, Б. Даскалова, Кр. Вылчева-Тихова и др.), Великотырновского университета имени святых Кирилла и Мефодия (Д. Кенанов,

Н. Няголова), Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (Ф. Бойкова, С. Величкова, Ст. Георгиева, Д. Желязкова, Ж. Иванов, Д. Иванова, Д. Крыстев, М. Крыстева, Т. Нейчева и др.), Нового болгарского университета (София) (М. Неделчев), Университета им. проф. Асена Златарова (Бургас) (Г. Петрова), Юго-Западного университета им. Неофита Рильского (Благоевград) (Е. В. Стойчева-Янчева), Военной академии им. Г. С. Раковского (Д. В. Гешева), Министерства иностранных дел Болгарии (Р. Кырджева). Принимали участие слависты из других стран (Греции, Германии, Италии).

Участниками Державинских чтений в разные годы были лекторы из Болгарии, работавшие на кафедре славянской филологии СПбГУ — Д. Кенанов, А. Бучков, В. Янев, Г. Петков, М. Иванова-Гиргинова, Д. Крыстев, Д. Димитрова-Маринова, П. Трендафилов, Р. Стоянова.

Следует отметить, что на Державинских чтениях выступают с докладами не только болгаристы, но и исследователи смежных областей славяноведения, обращающиеся к наследию Н. С. Державина, исследующие лингвистические особенности других славянских языков, изучающие взаимодействие болгарского языка и болгарской культуры с другими соседними славянскими и балканскими языками и культурами, например, албанисты И. И. Воронина [Воронина 1999: 9–12] и А. А. Новик [Новик 1999: 12–14], богемисты Н. А. Стенина [Стенина 2000: 35–38] и Н. К. Жакова [Жакова, Стенина 2006: 23–26], полонисты М. П. Мальков [Мальков 2004: 14–15], М. В. Ковалькова [Ковалькова 2002: 25–26]. В этом году прозвучит доклад доцента О. В. Гусевой о польском неопределенном местоимении *coś* и способах его перевода на русский язык.

К участию в Державинских чтениях всегда привлекались и начинающие слависты — молодые специалисты, аспиранты. Многие из них сейчас — опытные исследователи-слависты, преподаватели: Н. Б. Ершова, В. А. Лазарева, Н. В. Сивенкова, Н. Г. Голант, М. О. Ступкина, М. Н. Чудиновских и др.

В рамках Державинских чтений в разные годы были организованы самостоятельные тематические секции, например секции по истории Болгарии, где обсуждались особенности

исторического развития и современного состояния Болгарии, взаимные связи с другими славянскими государствами, секции по методике преподавания болгарского и других славянских языков в вузах и школах.

В 2020 г. программа Державинских чтений расширена тематическим заседанием «Эволюция грамматического строя русского и болгарского языков в сопоставительном аспекте», на котором будут обсуждаться важнейшие направления грамматического развития этих двух разноструктурных славянских языков. На этом заседании секции будут продемонстрированы результаты работы международного русско-болгарского коллектива по теме «Эволюция грамматического строя русского и болгарского языков в сопоставительном аспекте: корпусный анализ и формальные грамматики». В данном сборнике представлены доклады этого коллектива, посвященные морфосинтаксису болгарского и русского языков в их сопоставлении, грамматикализации форм и конструкций, структуре именной группы, структуре клаузы, порядку слов.

К Державинским чтениям всегда организуются книжные выставки, посвященные памятным датам истории Болгарии, болгарским писателям и поэтам, выдающимся славистам. В этом юбилейном году на выставке представлены все выпуски сборников докладов Державинских чтений за истекшие 25 лет.

Литература

Воронина И. И. Актуальность ареальных исследований акад. Н. С. Державина // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 11, ч. 2: Четвертые Державинские чтения: История и современные проблемы болгаристики и славистики. Санкт-Петербург, 15–22 марта 1999 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 9–12.

Державин Н. С. Болгарские колонии в России. Т. 1 — София, 1914; Т. 2 — Петроград, 1915.

Державин Н. С. История Болгарии: В 4 т. М.; Л., 1945–1948.

Державин Н. С. Наши задачи в области славяноведения // Труды Института славяноведения АН СССР. 1932. Т. 1. С. 1–14.

Державин Н. С. Очерки быта южно-русских болгар // Этнографическое обозрение. М., 1898. Кн. 3–4.

Жакова Н. К., Стенина Н. А. Отклики в Чехии на события 1876 года в Болгарии и на Балканах // Материалы XI Державинских чтений: Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 23–26.

Ковалькова М. В. Державинский подход к проблеме славянской общности и современное славяноведение // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 14, ч. 1: Седьмые Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 25–26.

Мальков М. П. Значение болгарской оперной исполнительской школы для мировой музыкальной культуры // Материалы IX Державинских чтений: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Ч. 2. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 14–15.

Новик А. А. Этнографический подход к изучению языковых контактов (По материалам экспедиций в албаноязычные поселения Украины) // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 11, ч. 2: Четвертые Державинские чтения: История и современные проблемы болгаристики и славистики. Санкт-Петербург, 15–22 марта 1999 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 12–14.

Программа научной конференции «Державинские чтения: Наследие академика Н. С. Державина и современная болгаристика». 18–21 марта 1996 г. СПб., 1996.

Стенина Н. А. Восприятие творчества И. Вазова в Чехии // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 5: Пятое Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Санкт-Петербург, 13–18 марта 2000 г. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. С. 35–38.

Часть 1
ТЕМАТИЧЕСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ
«ЭВОЛЮЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ
РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ»

А. В. Циммерлинг

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Институт языкознания РАН, Московский педагогический государственный
университет, Россия

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. В ПОИСКАХ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ¹

Подготовленные к печати статьи участников тематической секции отражают направления исследований совместного проекта РФФИ и Фонда «Научни изследвания», МОН, България, РФФИ 18-512-80003 «Эволюция грамматического строя русского и болгарского языков в сопоставительном аспекте: корпусный анализ и формальные грамматики». Сама постановка проблемы, вынесенной в заглавие проекта, связана с желанием участников комбинировать методы, принятые в двух разных областях — корпусной лингвистике и теории грамматики. С одной стороны, корпуса текстов современных русского и болгарского языков, а также исторических русских и болгарских корпусов помогают оценить эффективность формальных моделей (грамматики составляющих, грамматики зависимостей, грамматики универсальной фразовой структуры, ранговые модели клитик и т. п.). С другой стороны, распределение языковых данных в корпусах текста стимулирует разработку новых моделей и уточнение аппарата уже существующих теорий. Все это, как надеются члены коллектива проекта, должно приблизить к решению общей задачи — объяснению

© Циммерлинг А. В., 2020

¹ Статья написана при поддержке проекта РФФИ № 18-512-80003.

механизмов эволюции грамматического строя двух сопоставляемых славянских языков. Статьи участников секции непосредственно обсуждают болгарский язык и его историю, но параллели с русским языком периодически возникают в силу того, что авторы при описании болгарского языка тестируют отдельные гипотезы, предложенные российскими типологами и славистами. Важным фактором является также наличие обобщающих совместных работ российских и болгарских ученых, ср. грамматические описания [Котова, Янакиев 2001; Иванова, Градинарова 2015]. Публикуемые статьи посвящены отдельным аспектам глагольной и именной морфологии, синтаксиса предложения и словосочетания. Их суммарный вклад в решение общей задачи проекта состоит в том, что они выявляют диахронические тенденции, процессы грамматикализации и типологически значимые характеристики грамматического строя болгарского языка. Методологическая проблема, связанная с понятием грамматикализации, состоит в том, что представления о границах грамматики в разных теориях неодинаковы, кроме того, высказывались сомнения в том, что однонаправленные процессы в диахронии вообще существуют [Joseph 2001]. Поэтому прогресс теории грамматикализации связан с корпусными исследованиями, направленными на выявление факторов, повышающих предсказуемость распределения грамматических форм и конструкций в конкретных языках.

Статья руководителя болгарской группы проекта *Красимиры Алексовой* (Софийский университет) обсуждает сходства и различия болгарских глагольных категорий конклюдива и презумптива, которые представляют значительный интерес для типологии модальных, ср. [Palmer 2012], и эвиденциальных значений, ср. [Aikhenvald 2004]. Вслед за Р. Ницоловой и В. А. Плунгяном автор трактует конклюдив как эвиденциальную форму. Презумптив выражает близкое, но не тождественное значение эпистемической модальности. Конклюдив выражает собственный вывод говорящего, а презумптив — вероятностную оценку, при этом грамматика болгарского языка допускает контексты совместного употребления обеих форм. Сходная проблематика обсуждается еще в двух статьях, где

употребление конклюдива и презумптива прослеживается на материале текстов заданного жанра. В статье *Михаэлы Московской* (Софийский университет) употребление болгарского конклюдива изучается на материале научных и исторических текстов. Автор доказывает, что в научном тексте конклюдив маркирует не только инференциальность, но и высокую степень уверенности (убеждения) ученого в правильности вывода, сделанного на основе чужой информации. В статье *А. Г. Мосинец* (Санкт-Петербургский университет) употребление презумптива прослеживается на основе детективных болгарских текстов и устанавливаются средства передачи презумптива в русских переводах этих текстов.

Две линии проекта — тестирование формальных моделей языка и корпусное исследование болгарской грамматики — органично соединяются в исследовании *Петри Осеновой* (Софийский университет), выполненном на материале синтаксического корпуса болгарского языка [BulTreeBank]. Автор изучает так называемые нулевые (внешне невыраженные и/или подразумеваемые) синтаксические категории и приходит к выводу о том, что грамматический строй болгарского языка благоприятствует факультативной реализации / эллипсису глагольных дополнений, когда подразумеваемый аргумент восстанавливается из контекста. Для того чтобы применять в исторических корпусах текстов разработанную на материале современных языков синтаксическую разметку, необходима подготовительная техническая работа, аспекты которой — нормализация орфографии рукописных болгарских памятников и алгоритмическое определение частеречной принадлежности слова — обсуждаются в совместной статье *Цветаны Димитровой* (Институт болгарского языка Болгарской академии наук) и *Петри Осеновой* (Софийский университет). Пользователю корпусов полезно помнить, что синтаксический анализатор (парсер) сам по себе является формальной моделью, которая может разрабатываться на основе разных классов формальных грамматик [Jurafsky & Martin 2019; NLP-progress].

Статья *Е. Ю. Ивановой* (Санкт-Петербургский университет) обсуждает употребления болгарского аппроксимативного аффикса *-ина* (*десетина*, *стотина*) в перспективе выделения т. н.

количественных групп. Количественная группа — модельное понятие грамматики составляющих и грамматики универсальной фразовой структуры: предполагается, что употребление существительного в контексте числительного или количественного слова создает особую синтаксическую структуру [Лютикова 2018: 43]. В болгарском языке, как показывает автор, предикативное согласование количественной группы с *-ина* всегда идет по множественному числу. Количественная группа может определяться детерминативами в виде указательных местоимений. Как показывает корпусный материал, болгарский суффикс *-ина* является постоянным и однозначным показателем приближенности, однако ограничения на набор корней, к которым может быть присоединен этот суффикс, не позволяют считать его универсальным аппроксиматором.

В статье *Цветаны Димитровой* (Институт болгарского языка) на материале исторических корпусов текста болгарского языка изучается синтаксис клитик и используется аппарат описания цепочек клитик, ранее апробированный на материале древнерусского языка [Зализняк 2008]. Автор приходит к выводу, что место элемента в цепочке может отражать порядок энклитизации местоимений и дискурсивных частиц. Этот результат важен для исторического синтаксиса, поскольку он позволяет увидеть за распределением клитик в письменных памятниках живые процессы, связанные с реализацией фразового ударения и упорядочением слабоударных слов.

Литература

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Иванова Е. Ю. Градинарова А. А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: МГУ, 2001.

Лютикова Е. А. Структура именной группы в безартиклевом языке. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Joseph B. D. Is there such a thing as 'grammaticalization'? // *Language Sciences*. 2001. № 23. Pp. 163–186.

Jurafsky D., Martin J. H. Speech and language processing. Draft of the 3rd ed. Stanford, 2019. <https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3/ed3book.pdf> (Accessed 28.04.2020).

Palmer F R. Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

BulTreeBank — <http://bultreebank.org/bg/> (Accessed 28.04.2020).

NLP-progress — http://nlpprogress.com/english/dependency_parsing.html (Accessed 28.04.2020).

Кр. Сл. Алексова

Софийски университет «Св. Климент Охридски», София, България

КОНКЛУЗИВЪТ И ПРЕЗУМПТИВЪТ В СЪВРЕМЕННИЯ БЪЛГАРСКИ ЕЗИК — ОБЩНОСТ И РАЗЛИЧИЯ¹

I. Въведение

Основната цел на настоящата работа е да се анализира общото и различното в семантичен аспект между конклузива и презумптива в българския език, което е обвързано и с определянето на техния статут в системата на глаголните категории.

II. Семантиката на конклузива и презумптива — общност и различия

Първата обща черта в значенията на конклузива (наричан още умозаключителен модус, инферентив и инференциал) и презумптива (предположителните глаголни форми) е семан-

© Алексова К. С., 2020

¹ Настоящият текст е част от изпълнението на работната програма на проекта «Еволюция на граматическия строеж на българския и руския език в съпоставителен план: корпусен анализ и формални граматика», договор № ДНТС/Русия 02/2, 14.06.2018 г., Фонд «Научни изследвания», МОН, България. Изказвам благодарност за финансовата подкрепа.

тичният компонент субективно твърдение, базиращо се на умозаклучение, с което се изразява някакъв извод, заключение, предположение за състоянието на нещата. Тази близост е и причината Ел. Дьомина да смята, че в българския език съществува система от форми за изразяване на предполагаемо действие, която включва т.нар. тук конклузивни форми и формите от типа *ще да пише, ще да е писал* [Дьомина 1959: 319–324]. От своя страна П. Пашов говори за наличието в българския език на предположителни глаголни форми, като ученият включва в тяхната парадигма не само *ще да* формите, но и формите, които тук се възприемат като конклузив [Пашов 1999: 190–196].

В тази част първо се разглежда семантиката на конклузива, а след това и на презумптивна, което дава възможност да се извърши съпоставка.

Най-често конклузивът се дефинира като умозаклучение на говорещия, което той прави на базата на резултатите, последиците, следите от ненаблюдавано лично действие/събитие — вж. (1), въз основа на логически връзки между явленията — вж. (2), а и чрез опиране на общоизвестни факти или общоприети истини — вж. (3).

(1) *Обаче откъслечните размисли и преди всичко проверките, направени чрез самия разпит, ми дават основание да смятам, че Моранди е казал истината, и то вероятно цялата истина, която е на негово разположение* (Б. Райнов).

(2) Ситуация: Аврамов разказва разпалено на acad. Урумов за едногодишния си труд и за откритието, което е направил. За съжаление, Урумов разкрива истината — откритието вече е направено преди половин година извън България. Впоследствие Урумов забелязва износените дрехи на Аврамов и го пита дали има семейство. Академикът разбира, Аврамов освен син има дъщеря с тежка глаукома, която са водили на лечение на много места, вкл. и в чужбина. Въз основа на всичко Урумов прави заключение защо Аврамов е толкова разстроен от факта, че откритието е направено преди него:

И едва сега разбра, че Аврамов навярно е разчитал на своето откритие. Колкото и да беше неприложимо в обикновена-

та практика, пак би му донесло нещо. *Навярно е задълъжнял до гуша на приятели и роднини и не е виждал никакъв начин как да се разплати* (П. Вежинов).

(3) *Както е известно, на такива лодки еднодръвки са плавали по морето македонските славяни, особено ринхините, които неведнъж са вземали участие в походите на аварите срещу Цариград и са произвеждали своите грабежи през VII в. ...* (В. Златарски).

И в други изследвания се подчертава, че конклузивът се базира не само на резултати от действието, но и на логически връзки между явленията. Т. Уилет представя инференциала като евиденция, която се опира на инференция на базата на наблюдавани резултати, на логика, интуиция, предишен опит от подобни ситуации, а в някои езици и върху сънища [Willet 1988: 57]. Според Ал. Айхенвалд семантиката на инференциалния евиденциал може да се разгледа в различни езици като визуална или невизуална инференция (дори и върху информация, придобита от чужди думи), разсъждение, догадка, предположение [Aikhenvald 2004: 163–164]. Най-често изследователката отделя два вида инференция: на базата на визуално установени резултати и на базата на разсъждение, общо знание или догадка [Aikhenvald 2004: 3]. Г. Герджиков също подчертава, че в плана на миналото непреизказните субективни форми (т. е. умозаключителните форми) в «българския език се употребяват за означаване на действия, на които говорещият не е бил свидетел, но които той реконструира на основата на някакви данни (актуални последици от действието, колективен опит, общоизвестни факти и под.)» [Герджиков 1977: 65].

Понякога семантиката на конклузива се свежда само до първото основание за възникването на умозаключението — следи или последици от действието. Де Хаан представя инференциала като «evidence after the fact» [de Haan 2001]. И. Мелчук дефинира т.нар. от него инферентив чрез акцент върху умозаключението въз основа на факти — «говорещият е дошел да заключение относно F^n въз основа на възприетите от него факти, свързани с F^n [‘както изглежда’]» [Мелчук 2015:

191]. Според Вл. Плулгян инференциалното значение, базирано на наблюдавани резултати, представлява комбинация между непряк достъп (косвена информация, тъй като говорещият не е наблюдавал ситуацията) и личен достъп (неопосредствана информация, тъй като говорещият е имал личен достъп до фактите) [Плулгян 2011]. Според изследователя при конклузива говорещият съди за ситуацията по това, което смята за нейни резултати [Плулгян 2003: 324].

На базата на тези, а и на други дефиниции (вж. прегледа у [Tatevosov 2003]) възниква въпросът за спецификата на умозаклучението в основата на конклузива от гледна точка на логиката. Очертаването ѝ дава възможност да се сравнят конклузивът и презумптивът.

Според Де Хаан при инференциала става въпрос за дедукция, изхождаща от факт (доказателство) [de Naan 2001: 193], а според Куон чрез инференциалния показател в корейския се изразява индуктивно умозаклучение за причинно-следствена връзка [Kwon 2012: 961–962]. Според Зл. Генчева умозаклучението, което лежи в основата на инференциалната семантика, е абдуктивно — «Ако твърдението ' p имплицира q ' е вярно, и ако установим q , то следователно p е (може да бъде) вярно» [Guenchéva 1990: 48]. Абдуктивното умозаклучение води до една възможна хипотеза, а не към задължително вярна хипотеза, чрез него може да се достигне до причината (p), като се тръгне от констатиран факт (q).

Въз основа на дефинициите за значението на конклузива (инференциала) може да се каже, че той не означава дедуктивно умозаклучение, в което се прави преход от общото към частното (*Хората са смъртни. Иван е човек. — Значи Иван е смъртен*) и от истинни предпоставки се получават истинни заключения. Ако се придържаме към посоката на индукцията (от частното към общото), не би могло да се твърди, че конклузивът се вписва в тази посока на извеждане на умозаклучение, въпреки че е налично вероятно, а не задължително истинно заключение.

Ако се разгледа същността на абдукцията, може да се видят основания за изтъкване на общност в семантиката на конклузи-

ва и дубитатива. При абдукцията е налична правдоподобна хипотеза за разлика от дедукцията, а и за разлика от индукцията, при която се върви към генерализация от частното към общото (вж. повече за съпоставката у [Declès, Guentchéva 2001]). Конклузивни употреби като (4) представят умозаклучение, което е правдоподобно според автора на изказването — на базата на сивкавообледото и напрегнато лице се прави заключение за възможното действие *се е готвел за страшен предсмъртен скок*. Наречието *сякаш* подчертава, че става въпрос за правдоподобна хипотеза.

(4) *И той веднага позна лицето на Кисьов, синкавообledo и напрегнато, сякаш в последния миг се е готвел за страшен предсмъртен скок* (П. Вежинов).

Пример (5) дава възможност да се подчертае, че авторът на изказването с конклузив може чрез контекста да нюансира степента на ангажираност с изказваната правдоподобна хипотеза. Това се доказва от наречието „наистина“ в изказването с конклузив, предаващ умозаклучение за собствено състояние, което авторът, макар и физически свидетел, не е възприел съзнателно в момента на извършването му и затова в акта на комуникация изразява свое умозаклучение, което смята за възможно във висока степен.

(5) *Трябва наистина да съм се унесъл и не знам колко време съм спал, додето чувам в коридора някакви тихи стъпки* (Б. Райнов).

От гледна точка на екцерпираната база данни с конклузивни употреби смятаме, че семантиката на конклузива е по-близо до абдукцията, отколкото до индукцията.

Нека сега разгледаме семантиката на презумптивна, за да бъдат потърсени приликите и отликите със семантиката на конклузива. Презумптивните форми в българския език изразяват предположение за наличието или липсата на действия/състояния в настоящето или миналото. В (6) авторът прави

предположение за ненаблюдавани минали събития, като издига предположението за оставането на Исперих за известно време на север от устието на р. Дунав.

(6) *А между това вече установяването времето за разпръсването на Кубратовите синове — най-късно в края на 40-те години на VII в. — налага да се признае, че Исперих, преди да се прехвърли на мястото на стария о-в Певки, **ще да е останал** известно време на север от устието на Дунав* (В. Златарски).

И в дефиницията на И. Мелчук акцентът от наша гледна точка е именно върху предположението: «говорещият предполага, че F^n има място [в действителността] (като се опира върху наличните си знания, и др.п.)»¹ [Мелчук 2015: 191]. Г. Герджиков подчертава, че презумптивните форми «изразяват предположения, възникващи на основата на непълнота на нашите знания (касае се за умозаклучения, при които изводът не следва строго логически от предпоставките, а само в определена степен се потвърждава от тях)» [Герджиков 1984: 130]. Герджиков представя семантиката на презумптивна чрез формулата «Може би (навярно, вероятно) А притежава признак В» (пак там).

Семантиката на презумптивна може да се представи като абдуктивно умозаклучение, ако се вземе предвид, че той се конкурира с епистемичните употреби на *трябва да* — вж. (7).

(7) *Това **ще да е** къщата на Иван : Това **трябва да е** къщата на Иван.*

Ж.-П. Декле и Зл. Генчева подробно разглеждат абдуктивното умозаклучение и го прилагат към модални употреби на *devoir* (*трябва*), които изразяват правдоподобна хипотеза [Declès, Guentchéva 2001]. Ек. Търпоманова се опира на техните възгледи, представяйки презумптивната семантика на глаголните форми с *ще да* в българския език [Търпоманова 2017]. Абдуктивното умозаклучение води до една възможна хипотеза, а не към задължително вярно умозаклучение. Чрез абдукци-

¹ F^n — описваният факт [Мелчук 2015: 122].

ята може да се достигне до причината (p), като се тръгне от констатиран факт (q).

Акцентът върху предположението, а и разглеждането на презумптивна като абдуктивно умозаключение, не е достатъчно, за да се опише специфичното в семантиката на презумптивна в сравнение с конклузива, след като и двете могат да се представят като базиращи се на абдукция. Това, което разграничава конклузива от презумптивна, е наличието при презумптивна на предпочитание на говорещия към една от две контрадикторни хипотези за състоянието на нещата. Говорещият изразява своето субективно виждане, че съдението A е по-вероятно от съдението $\text{не-}A$, а при отрицателните форми, че съдението $\text{не-}A$ е по-вероятно, с по-голяма степен на достоверност от A .

Изтъкнатата специфика в значението на презумптивна е основанието Г. Герджиков да представя предположителните глаголни форми като бипропозиционална категория — в тяхното значение е кодирано отношение между две предикативни ядра, между две съждения, които поставят «истинността на дадено съждение в определено отношение с истинността на друго съждение» [Герджиков 1984: 141]. За разлика от това конлузивът е монопропозиционална категория, тъй като при него не се извършва съпоставка между две предикативни ядра, между две контрадикторни съждения за състоянието на нещата. Герджиков изтъква, че т.нар. от него модуси на изказване (назовавани най-често в литературата по въпроса евиденциалност или медиативност) «не оценяват по напълно еднакъв начин достоверността на изказването», тъй като при формите от типа на презумптивна «се въвежда вероятностна логика» [Герджиков 1984: 146], а при модусите на изказване, към които принадлежи и конлузивът, «дават оценка на степента и формата на достоверност на дадено изказване, взето само по себе си (съпоставяно единствено с реалността)» [Герджиков 1984: 147].

Както се вижда, разликата между конклузива и презумптивна не се търси за първи път. Според Вл. Плуниан общото между инферентива и презумптивна е наличието на косвен източник на информацията, а различията се състоят в това, че при инферентива говорещият съди за ситуацията по това, което той

смята за резултати от нея, докато при презумптивна говорещият не се опира на конкретни свидетелства за ситуацията, а на логически съображения [Плунгян 2003: 324]. Както може да се види от (2), логическите съображения, разбираани като откриване на връзки между явления, може да са основа за достигането до умозаклучението при конклузива. Затова смятаме за основателно предложеното виждане за бипропозиционалния характер на презумптивна и монопропозиционалната същност на конклузива, и двете базиращи се на абдукция.

Несъмнено обща характеристика на презумптивна и конклузива е принадлежността им към епистемичната модалност, което се доказва от анализа на семантиката им.

IV. Обобщения

Общността между конклузива и презумптивна в българския език се дължи на факта, че и при двете категории се изразява по граматически начин информация за това по какъв начин говорещият е узнал за съобщавания факт — собствено умозаклучение, извод, предположение. Въз основа на това може да се каже, че и при двете става въпрос за вид опосредствана информация — опосредствана именно от изразяваното субективно умозаклучение. В плана на миналото в българския език общността се базира и на несвидетелската позиция на говорещия спрямо съобщавания факт/събитие/действие.

От гледна точка на логиката и конклузивът, и презумптивът могат да се представят като абдуктивно умозаклучение, тъй като чрез него се изразява едно правдоподобно, а не истинно умозаклучение, при което на базата на последиците може да се изведе причината. Трябва обаче да се подчертае, че граматическата семантика не е изцяло равна на логическите категории. Езикът е далеч по-богат и разнообразен от силогизмите в логиката. Затова и опитите да се доближи семантиката на конклузива и презумптивна до някакъв тип умозаклучение в логиката, има характера на генерализация, която може да не отчита всички детайли на употребите.

Изтъкването на общността на базата на абдуктивното умозаклучение не е достатъчно, за да бъде описана спецификата на

значението на двете категории. Различието според застъпването тук виждано се състои в това, че при презумптивна говорещият изразява предпочитание към една от двете контрадикторни хипотези за състоянието на нещата, поради което едната хипотеза се издига като по-вероятна от другата. Затова може да се каже, че заключението на силогизма при презумптивна е вероятно съждение. Поради тази специфика презумптивът представлява според вижданията на Г. Герджиков, които тук са възприети, би-пропозиционална категория. За разлика от това при конклузива липсва подобно съпоставяне на вероятността на две противоположни хипотези за състоянието на нещата, а степента на достоверност на изказването е в съпоставка само с реалността. Затова конклузивът е монопропозиционална категория.

Несъмнена общност е и принадлежността на двете категории към епистемичната модалност, тъй като се изразява отношение на говорещия към достоверността на изразяваната информация за действието/състоянието/факта.

Литература

Герджиков Г. Една специфична глаголна категория в съвременния български език (Категорията ‘ангажираност на говорещия с изказването на действието’) // Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии. 1977. Т. 69, № 2. С. 5–68.

Дёмина Е. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / отв. ред. С. Бернштейн. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 313–378.

Мелчук И. Курс по обща морфология. Том II. Част втора: Морфологични значения. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2015.

Пашов П. Българска граматика. София: ИК Хермес, 1999.

Плунгян В. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.

Плунгян В. Общая морфология: Введение в проблематику. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Търпоманова Ек. Лексикални, граматични и синтактични средства за изразяване на предположение в българския език // Търпоманова Ек., Кр. Алексова, съст. Надмощие и приспособяване. Сборник доклади от Международната научна конференция на Факултета по славянски филологии 24–25 април 2017 г. Т. 2: Езиковедски четения. София: Факултет по славянски филологии, СУ «Св. Климент Охридски», 2017. С. 51–58.

Aikhenvald Al. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Declès J.-P., Guenchéva Zl. La notion d'abduction et le verbe *devoir* 'épistémique' // Cahiers Chronos 8. Les verbes modaux / Eds P. Dendale, J. van der Auwera. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 2001. P. 103–122.

Guenchéva Zl. Valeur inférentielle et valeur "admirative" en bulgare // Съпоставително езикознание. XV. 1990. № 4–5. С. 47–52.

Haan de F. The Place of Inference within the Evidential System // International Journal of American Linguistics. Vol. 67, № 2. 2001. Pp. 193–219.

Kwon I. Please Confirm What I Inferred: On the Korean Inferential-Evidential Marker *-napo-* // Journal of Pragmatics. 2012. Vol. 44, issue 8. Pp. 958–969.

Tatevosov S. Inferred evidence: Language-specific properties and universal constraints // Meaning Through Language Contrast. Vol. 1 / Eds K. M. Jaszczolt, K. Turner. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. Pp. 177–192.

Willett Th. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticalization of Evidentiality // Studies in Language. 1988. № 12. Pp. 51–97.

Ц. И. Димитрова¹

Институт за български език «Проф. Любомир Андрейчин» при БАН,
София, България

БЕЛЕЖКИ ВЪРХУ ИЗГРАЖДАНЕТО НА КЛИТИЧНИЯ КОМПЛЕКС В ИСТОРИЯТА НА БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

Да се даде дефиниция на *клитика*, не е лесно, защото по същността си клитиките са дефектни елементи, които се опре-

© Димитрова Ц. И., 2020

делят не от това, което са, а от това, което не са. Те са прозодично слаби и нямат самостоятелно ударение, а образуват прозодична единица с друга — прозодично силна дума — която най-често е носител на прозодичното ударение. Някои клитики са лексикално дефектни, доколкото представляват комбинация от граматични маркери (за лице и число при местоименните клитики: *го < не-г-о, г-и* и т. н.). Клитиките са и синтактично зависими, тъй като нямат свои синтактични разширения.

Клитиките се делят на *прости* (непарадигматични) и *специални* (парадигматични) [Zwicky 1977, 1985]. Специални клитики в български са спомагателните глаголи в сегашно време и кратките форми на личните и притежателните местоимения. Клитиките могат да образуват клитичен комплекс, който в някои езици има фиксирана позиция в изречението или фразата. В редица езици единичните клитики също имат фиксирана позиция в изречението и тя често съвпада с позицията на комплекса. Например т. нар. Вакернагелови клитики в индоевропейските езици са във втора позиция, след първата дума в изречението [Wackernagel 1889/2009] или първия синтактичен конституент [Halpern 1995], а законът на Тоблер-Мусафия не позволява на специалните клитики да заемат първа позиция в изречението.

Според Циммерлинг българският принадлежи към езиците с т.нар. разширена WP+ система [Циммерлинг 2013: 89], в която клитичният комплекс се очаква да е непосредствено до глагола или по-скоро глаголът в изречения с второпозиционни клитики да е непосредствено до клитиките. Освен това клитичният комплекс се намира в относително фиксирана позиция спрямо изреченската граница: най-общо на втора позиция след елемент в комплементизаторна позиция (подчинителен съюз, съчинителен съюз и др.) или след първия конституент след т. нар. ритмико-синтактична бариера по [Зализняк 2008].

Тук приемаме, че в рамките на клитичния комплекс отделните елементи следват реда в (1), като най-вляво и най-вдясно са т.нар. гранични елементи. Така например въпросителната *ли* може да стои най-вляво (и след друг елемент, когато е предхождан от отрицателната частица, с която образуват първи про-

зодично силен конституент). След това следват елементи, които могат да се появят и в позиции, нехарактерни за останалите (напр. първа позиция в изречението): едносричен спомагателен глагол, различен от тези в сегашно време, и частицата за бъдеще време *ще*. Следващите четири елемента образуват същинския комплекс, като в ядрото са местоименните клитики: винителна, следвана от дателна, вляво от тях е спомагателният глагол за сегашно време, различен от този за 3 л., ед. ч., който е най-вдясно. В граничната територия са спомагателни глаголи, производни на *бъда*: *бе*, *беше*, *бил* и др. (чиято позиция в съвременния език варира: *Иван му го бе дал* vs. *Иван бе му го дал* [Ницолова 2008]).

(1)

(QU)	(AUX0)	AUX1	DAT	ACC	AUX2	(AUX+)
(ли)	(ще, би, бе)	са	му	го	е	(бе)

Това е най-общо ситуацията в съвременния български и ако съдим по данните от текстове между 10. век и 17. век, тя е претърпяла сравнително малко промени, които засягат по-скоро инвентара от елементи, които могат да се появят в съответните позиции. В ядрото на комплекса остават местоименните клитики, а глаголните се развиват по-късно. Във фокуса на изложението са както типичните второпозиционни клитики — частиците (дискурсни маркери) *же* и *бо*, така и местоименните: дателните кратки форми на личните местоимения в ед. ч. *ми* и *ти*; винителните кратки форми на анафоричните местоимения: *ж*, *и*, *е*, *а*; винителните кратки форми на личните *ма*, *та* и др., определяни и като полуклитики [Vaillant 1948: 262; Večerka 1989: 42], защото се срещат в силни позиции (след предлог и в началото на изречението); възвратните *са* (винително) и *си* (дателно) — също полуклитики. По-късно в текстовете се появяват дателните третолични *моу*, *й* (*й*) и винителните третолични *го*, *ги*, *ю* и др. Т. нар. свързващи елементи са спомагателните глаголи (копули), които в исторически план са с неясен статут и противоречиво поведение, което продължава в съвременния език. Това са: едносричните спомагателни глаголи, форми на *быти*; на по-късен етап и спомагателните глаголи в сегашно

време — клитичните *e, si, съм, са*. В тази група влизат и други форми на *быти*, които, без да са клитични, се позиционират около комплекса — най-често най-вдясно или най-вляво (но и в първа позиция). В (2) е даден редът в комплекса на изреченско равнище в ранните текстове, които разглеждаме (срв. с реда в новгородските грамоти по [Зализняк 2008: 82]):

(2)

DISC ¹	QU	DISC	ADV	AUX1	DAT	REFL	ACC	AUX2	ADV
же	ли	бо	и,ти	бж,би,бъ,бы	ми,ти,си	са	и,са	бж,би,бъ,бы	ти,тоу,пак

Хипотезата следва т. нар. исторически принцип, според който редът в клитичната група следва хронологичната поява на клитиките в съответната позиция, както и хронологията, в която се превръщат в слаби елементи [Зализняк 2008; и др.]. Според Циммерлинг [2013] този принцип не може да обясни самия ред, а по-скоро е способ за разширение на комплекса. В примерите по-долу ще видим, че той важи предимно за дискурсните и местоименните клитики, които имат фиксирано място в комплекса, докато останалите свързващи (глаголни) елементи се колебаят (и до днес). Тук няма да разглеждаме подробно друг клитичен комплекс, който липсва в съвременния език, но вероятно е съществувал в по-ранен период в рамките на именната фраза, с предполагаем ред DISC DEM/ART POSS/GEN/DAT: *само же то слово сѣа бжѣиѣ*' (Супр.). В текстовете има примери на превръщане на членоподобното показателно местоимение с предполагаем клитичен характер в определителен член [Dimitrova-Vulchanova, Vulchanov 2012].

Данните са ексцерпирани от три диахронни корпуса: TOROT (<https://torottreebank.github.io/>: Мариинско евангелие (Мар., ок. 10. век) и Супрасълски сборник (Супр., 10.-11.

¹ В текста се използват следните съкращения: DISC (дискурсна клитика), QU (въпросителна клитика), ADV (наречие), AUX (спомогателен глагол), DAT (дателна (местоименна) клитика), ACC (винителна (местоименна) клитика), GEN (родително местоимение), REFL (възвратно местоимение), ART (член, членоподобен елемент), DEM (показателно местоимение), V (глагол), XP (фраза с различни опори: съществително, прилагателно, наречие), Comp (комплементизатор, елемент в комплементизаторна позиция), 2P (втора позиция, елемент във втора позиция).

век), TITUS (Зографско евангелие (Зогр.), Асеманиево евангелие (Асем.), Савина книга (Сав.); и Историческия корпус на българския език (<http://histdict.uni-sofia.bg/textcorpus/list>: текстовете на Троянската притча (14. век), Влахо-българските грамоти (Влах., 15.-16. век); Троянския (Троян.) и Ловешкия дамаскин (Лов.) от 17. век).

Частиците *же* и *бо* са често присъствие в корпуса от старобългарски текстове, във втора позиция в ред *же* > *бо*, като между тях се появява въпросителната клитика, а след тях се разполагат местоименните: *ако же бо вълъже къ оученикомъ наоучихъ сѧ*. (Супр.); *оунѣ бо ти естъ да погыблетъ единъ оудъ твоихъ*. (Мар.). Още в този период употребата им започва да се разколебава (Dimitrova, Wojadziev 2014). В Троянската притча те са рядкост: *же* се среща едва 9 пъти, а *бо* — 7 пъти. Във Влах. *бо* не се среща, а *же* се появява 47 пъти, но най-често в две фрази: в израза *великъ же и малъ* (в съответен падеж и число, 26 срещания) и в *еще же* (12 срещания).

Местоименните клитики още в ранен етап са в позициите, в които ги срещаме по-късно. И Вакернагел [Wackernagel 2009/1892], и Вечерка [Večerka 1989] посочват, че в гръцки дательните местоимения *μοι* и *σοι* са клитични, така че и съответствията им *ми* и *ти* би трябвало да са клитични. Първите два примера в (3) повтарят словореда в гръцки, но показателен е третият, където възвратното местоимение няма съответствие.

(3)

[V **приведѣте**] *ми* и *сѣмо*. (Матей 17:17, Мар.), **φέρετέ μοι αὐτόν** ὧδε.

[V **принесѣте**] *ми* ѿ *сѣмо*. (Матей 14:18, Мар.), **φέρετέ μοι αὐτούς** ὧδε

ръци оубо намъ [Сопр **чѣто**] *ти* сѧ *мънитъ* (Матей 22:17, Мар.)

εἰπέ οὖν ἡμῖν, τί σοι δοκεῖ

Винителните лични и анафорични местоимения най-често превеждат неклитични местоимения в гръцки, но показват тенденция за поява във втора позиция в изречението.

добрѣе [емоу би] было · аште сѧ би не родиль чѣкъ тѣ · (Зогр.)
 добрее было [бы эмоу] · аще сѧ бы не родиль чѣкъ тѣ · (Сав.)
 καλὸν ἦν αὐτῷ εἰ οὐκ ἐγεννήθη ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος.

В Троянската притча отново се забелязва колебание в позицията спрямо местоимението: *и поиди противъ Ектороу кралоу, да би сѧ оставиль грѣцкѣиѣ воискѣи vs. и метнѣ прѣд фарижа егова, давно сѧ би възвратиль*. Във Влах. тенденциите са същите, като тук вече има примери с местоименни клитики и спомагателни глаголи в сегашно време: *иманіе да ми доуде пак на рѣкъ, ере не ми е взел вражмаш господства ми*. На този етап те са предимно в AUX2, т. е. най-вдясно, където се присъединяват по-новите членове на комплекса: *а прѣгари заприхъ ти добитокъ, та ме сѧ молил(и) мене*.

Тези тенденции продължават и през 17. век — спомагателните глаголи са най-вдясно в групата, включително тези в сегашно време, за разлика от съвременния книжовен български (в някои диалекти този ред се пази): *Защо го си мъчилъ, и защо го си испѣдилъ* (Троян.); *акъ сѣ ѿстоѣвале прѣво та е сѧ* тале (Лов.), но се появяват отделни срещания преди местоимението: *Затова сѧ е векѣ и покааніе затворило . затова сѧ се векѣ и раискѣе врата заградиле* (Лов.).

И накрая няколко бележки върху частицата за бъдеще време *ще*, която произхожда от волативния глагол *хотѣти* и преминава през съкращението му до глагола *щж*, регистриран още през 13. век (Мирчев 1956: 202, Харалампиев 2001: 149). В разглежданите текстове поведението на *щж* е амбивалентно, подобно на другите спомагателни глаголи (има единични срещания на несклонено *ще* — във Влах. и Лов.), т.е. среща се както в AUX1, така и в AUX2, но се позиционира и непосредствено до отрицателната частица: *зане вѣдѣхъ, колика сѧ ще кръвъ пролиати под ' Трож за Еленж ѡ(а)р(и)щж; зане го не ще[шь] на оплѣт дочакать* (Троянска притча). Има няколко примера, в които разделя именната фраза: *и сѧ каквѣ ще хѣтринѧ и сѧ мѣдрѣсть да хѣди* (Лов.); *Каквѣ щѣтъ лѣдѣе тѣка да оулѣзѣватъ*. (Троян.). В текстовете от 17. век все така проявява колебание по отношение на местоименните клитики и стои непосредствено до отрицателната частица, т. е. държи

се като спомагателен глагол: *и зé мв щé дшѣта, та ми а́ щé донé да а́ прѣдámъ на сздѣ.* (Троян.) vs. *Защó ако болѣрина гóстишь, и той щé ти врънá товá* (Троян.).

В заключение, оказва се, че в хода на развитието на българския език не се наблюдава съществено преструктуриране в позициите и подредбата на елементите в ядрото на клитичния комплекс (т. е. при местоименните клитики), а клитичните спомагателни глаголи в сегашно време се появяват по-късно. Дискурсните маркери отпадат много рано. Наблюдава се развитие в набора от елементи, които запълват съответните позиции в резултат на преструктурирането на местоименната система. Подобна промяна настъпва и при спомагателните глаголи, като отгласи от това развитие се пазят в диалектите. Загубва се клитичният комплекс на равнището на именната фраза, където остава само притежателното местоимение (във втора фразова позиция), а членоподобното показателно местоимение (което също е било второпозиционно) се превръща сравнително рано в суфиксален определителен член.

По договор ДНТС/Русия 02/2, Фонд «Научни изследвания».

Литература

- Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1963.
- Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София, 2008.
- Харалампиев Ив.* Историческа граматика на българския език. Велико Търново, 2001.
- Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013.
- Dimitrova, T., Bojadziev A.* Historical corpora of Bulgarian language and second position markers // Proceedings of the First International Conference Computational Linguistics in Bulgaria. Sofia, 2014.
- Dimitrova-Vulchanova M., Vulchanov V.* An article evolving: The case of Old Bulgarian // Grammatical Change: Origins, Nature, Outcomes. Oxford, 2012.
- Halpern A. L.* On the placement and morphology of clitics. Dissertations in Linguistics. Stanford, 1995.

- Vaillant A.* Manuel du Vieux slave. Paris, 1948.
- Večerka R.* Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Freiburg, 1989.
- Wackernagel J.* Lectures on syntax. With special reference to Greek, Latin and Germanic. Translated and edited with notes and bibliography by David Lanslow. Oxford, 2009 (1892).
- Zwicky A. M.* Clitics and particles // *Language*. 1985. № 61 (2). Pp. 283–305.
- Zwicky A. M.* On Clitics. Bloomington, 1977.

Е. Ю. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ С АППРОКСИМАТОРОМ *-ИНА*: СТРУКТУРА И СИНТАКСИС¹

Система аппроксимативных средств болгарского языка включает набор разноуровневых показателей приближенности: «интервальная» аппроксимация (дефисное написание двух числительных, напр. *пет-шест*), наречные и предложные средства, напр. *около петстотин мъже*, *близо триста души* [Осенова 2019], и др.²). В болгарском языке имеется и словообразовательный носитель значения приближенности — суффикс *-ина*. Числительные с данным аппроксиматором указывают на приближенное количество, которое может быть больше, меньше или равно количеству, задаваемому корневым числительным [Николаев 2001: 58]. В данной работе на материале сплошной выборки из Болгарского национального корпуса (<http://dcl.bas.bg/bulnc/>) будут представлены основные результаты исследова-

© Иванова Е. Ю., 2020

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках международного русско-болгарского научного проекта № 18-512-18003.

² Заметим, что аппроксимативная инверсия типа рус. *лет десять, человек пять* в болгарском языке невозможна. Для передачи на болгарский язык русского инверсированного порядка слов используются разные аппроксимативные средства, в том числе и показатель *-ина*: *Так прошло лет десять*. — *Така изминаха десетина години*.

ния структуры и синтаксического поведения количественных именных групп, включающих аппроксиматор *-ина*.

1. Набор форм с аппроксиматором *-ина*

Суффикс *-ина* представляет собой словообразовательный аппроксиматор, присоединяемый к ограниченному кругу числительных — к классу десятков и числительным второго десятка (11–19) [Куцаров 2008: 81]. Из класса сотен этот аппроксимативный показатель включен лишь в лексему *стотина* ‘примерно сто; около ста’. Конечно, реальная встречаемость перечисленных форм различна. Известно, что в аппроксимации чаще участвуют круглые числа или половины круглых чисел. На активность аппроксимативных показателей влияет и наличие в их составе малых чисел, ср. бóльшую встречаемость интервальной аппроксимации *две-три* или *двадесет-тридесет* в сравнении с *седемнадесет-осемнадесет*.

Те же закономерности, как показывает материал сплошной выборки из Болгарского национального корпуса (подкорпус непереводных текстов), распространяются и на исследуемые числительные. Из общего числа употреблений числительных с аппроксимативным суффиксом *-ина* (всего 993) преобладают числительные с наиболее выраженной семантикой округленного числа *десетина* (65%) и *стотина* (19%), см. табл. 1. За ними следуют аппроксиматоры для «малых десятков» (см.: [Ницолова 2008: 237]) и для половин круглых чисел. Замыкают список единичные употребления форм для чисел 12 и 80.

Таблица 1

Количество вхождений аппроксимативных числительных в Болгарский национальный корпус (БНК) (подкорпус непереводных текстов)

Ранг (по частотности вхождений в БНК)	Аппроксимативное числительное в БНК	Корневое количественное числительное	Количество вхождений в БНК
1	десетина	десет (10)	644
2	стотина	сто (100)	186
3	двадесетина (двайсетина)	двадесет (20)	69

4	тридесетина	тридесет (30)	40
5	петдесетина	петдесет (50)	33
6	петнадесетина	петнадесет (15)	18
7	дванадесетина	дванадесет (12)	2
8	осемдесетина	осемдесет (80)	1

2. Таксономия исчисляемых объектов

Количественные группы с *-ина* выполняют две типичные аппроксимативные функции: указание на приблизительный размер или количество, ср. *двадесетина метра* и *двадесетина войници*. Таксономия исчисляемых объектов просматривается в материале выборки довольно отчетливо.

2.1. Группы со значением **приблизительного размера** содержат в качестве вершины существительные, представляющие единицы измерений (напр., *градус, грам, минута, разкряч*). Такие количественные группы указывают на приблизительный диапазон параметра (продолжительность, протяженность, объем и т. п.) или на приблизительное нахождение точки на параметрической оси, ср. (1) и (2):

(1) а. *Войната продължава десетина дни.* б. *Краси се надигна, беше десетина сантиметра по-висок от предизвикващия го.*

(2) а. *Ще се събудите и всичко ще бъде както преди десетина дни.* б. *След стотина крачки имаше четлива табела с надпис.*

Аппроксимативное числительное для указания на время как точку на часовой оси в болгарском языке невозможно, но это ограничение, видимо, диктуется не семантическими причинами (ср. допустимость предложного аппроксиматора: *Вече беше късна нощ, към дванадесет часа*), а грамматическими: аппроксимативное числительное требует только мн. ч. исчисляемого объекта (в том числе счетной разновидности), а часовые точечные обозначения строятся с определенным артиклем существительного (ударное [ъ]: *дванадесет часа*). С аппроксимативным числительным употребляется только счетная форма *часа*, включающая показатель счетности безударное [ъ]: *След*

дванадесетина часа вече кацахме на летище Кенеди; такие конструкции обозначают примерную продолжительность.

2.2. Группы со значением **приблизительного количества** строятся с именами объектов (людей vs животного мира vs неодушевленных объектов vs ситуаций, поддающихся исчислению, напр.: *Брегът бе съвсем близо, така че след десетина загревания кракът му докосна дъното*) либо с участием счетных слов (напр. *десетина души / човека / бройки / чифта / екземпляра*), в том числе существительных, для которых счетная функция не является основной (*стотина мъже / жени / момчета / жители* и др.).

Наиболее обширным является класс личных имен; он демонстрирует способность разнообразных семантических разновидностей считаемых имен возглавлять группу с аппроксиматором *-ина*: это имена естественных классов, функциональных, социальных и других классов (*десетина девойчета / южняци / кардинали / фоторепортери / запалянковци / японци / печенегги / очевидци*), а также метонимические, метафорические или оценочные наименования, как в (3):

(3) а. *В керван се прибраха с луксозни мерцедеси и беемвета, основа и регистрира «Нерон» АД, събра десетина мутанта и ги прати да крадат тирове.* б. *Пратил е стотина мутри по протежение на цялата граница.*

При других таксономических группах считаемых имен также не наблюдается явных семантических ограничений, отличных от тех, которые имеются при сочетании с аналогичными числительными без аппроксимации.

3. Синтаксические характеристики количественных групп с аппроксиматором *-ина*

3.1. Предикативное согласование количественной группы с *-ина* идет всегда, без исключений, по мн. ч., т. е. по именной вершине (4), см. также (6а), (7б), (9а).

(4) а. *Оцеляват (ЗРЛ) десетина къщи (ЗРЛ), но селото изчезва.* б. *В селото остават (ЗРЛ) само десетина семейства (ЗРЛ).* в. *От хилядния тираж се продадоха (ЗРЛ) петдесетина бройки (ЗРЛ).*

Обратим внимание, что при экзистенциальных предикатах *има/няма* количественная группа находится не в подлежащей

позиции, поэтому не контролирует числовую форму глагола, ср. (4б) и (5):

(5) *Днес в селото има (3SG) стотина семейства (3PL).*

3.2. Атрибутивное согласование в количественной группе также идет по мн. ч., по форме исчисляемого объекта. Допускаются ограниченные по семантике атрибуты, определяющие количественную группу целиком. Подавляющее большинство примеров такого расширения приходится на группы с размерным значением. Например, атрибуты могут уточнять место данного промежутка (временной или пространственной протяженности) на фоне более широкого промежутка:

(6) а. *Това пътуване трае близо 10 години, но в поемата са описани последните тридесетина дни от него.* б. *Кажете, не прекарваме ли първите си двадесетина години в своеобразно робство?*

Количественная группа может определяться детерминативами в виде указательных местоимений (7):

(7) а. *Мария се бе трудила упорито през тези десетина дни.* б. *Интересно е, че тези десетина мъже не вземат страна в нашия спор.*

Среди иных расширителей количественной группы широко представлены лексические аппроксиматоры, дублирующие значение приблизительности (8 а, б), а также аппроксимативные средства, указывающие на близость к предельной точке, превышение ее или приближение к ней (8 в, г):

(8) а. *Селото е разположено на около тридесетина километра северно от общинския център Гевгели.* б. *Изминах има-няма стотина метра и ги видях.* в. *Баща ми каза, че до десетина дни ще го оперират.* г. *Тези стада могат да наброяват повече от стотина индивида.*

3.3. Отдельно просмотрена полная выборка с дистанцией 1–2 слова между аппроксимативным числительным и исчисляемым объектом (всего 86 вхождений с дистанцией в одно слово и 9 — с дистанцией в два слова). И здесь контроль согласования осуществляется по мн. ч. Выборка показала в разрывной позиции лишь атрибутивные согласованные расширители существительного, маркированные как мн. ч.:

(9) а. *Изминаха двадесетина дълги минути.* б. *Страхотно, тихо и спокойно село с десетина запазени възрожденски къщички и 6 човека население.*

Семантические или грамматические ограничения на препозитивные согласованные определители исчисляемого объекта, связанные с аппроксимацией, на данном материале не устанавливаются.

3.4. Маркирование существительного: «обычная» или счетная форма мн. ч. Все существительные при аппроксимативных числительных с *-ина* стоят в форме мн. ч., при этом неличные существительные м. р. на согласный в основном представлены, в соответствии с языковыми нормами, в счетном варианте формы мн. ч. (*десетина завода / знака / квадрата*). Нарушения правил постановки счетной и «обычной» формы мн. ч. при именах м. р. на согласный составляют в нашем материале всего около 2% случаев, что значительно меньше, чем при сочетании с неаппроксимативными количественными числительными, где эти нарушения фиксировались в диапазоне от 8% (для неличных имен) до 19% (для личных имен) [Иванова 2019], ср. нарушения грамматических правил при неличных: *петдесетина вагони, стотина брилянти, десетина изпити, десетина филми* (вместо *вагона, брилянта, изпита, филма*) и единичные нарушения при личных: *стотина демонстранта, тридесетина моряка* (вместо *демонстранти, моряци*).

Выводы. Как показывает корпусный материал, болгарский суффикс *-ина* является постоянным и однозначным показателем приближенности. Однако существенные ограничения на набор корневых числительных, к которым может быть присоединен этот суффикс, не позволяют считать его универсальным аппроксиматором.

Болгарские количественные группы с *-ина* обладают непротиворечивым «внешним и внутренним синтаксисом» (ср. [Циммерлинг 2019]): они всегда выступают как контролеры согласования сказуемого по мн. ч. Выбор согласуемой формы определений в составе данной количественной группы также идет по мн. ч., т. е. по именной вершине.

Литература

Иванова Е. Ю. Счетная форма в Болгарском национальном корпусе // AUT INVENIAM VIAM, AUT FACIAM: Сборник в чест на чл.-кор. проф. д.ф.н. Стоян Буров. Велико Търново, 2019. С. 90–101.

Куцаров И. Теоретична граматика на българския език: Морфология. Пловдив, 2007.

Николаев Б. Българските числителни. София, 2001.

Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София, 2008.

Осенова П. Поведението на именните групи за приблизителност от типа ‘над 300 души’ или ‘около 15 села’ в позиция на подлог // Българистични езиковедски четения. София, 2019. С. 280–285.

Циммерлинг А. В. Корпусная грамматика количественных групп в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог», Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г. Вып. 18 (25). М.: РГГУ, 2019. С. 742–760.

А. Г. Мосинец

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

БОЛГАРСКИЕ ПРЕЗУМПТИВНЫЕ ФОРМЫ В ТЕКСТАХ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА И ПЕРЕДАЧА ДАННЫХ ФОРМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК¹

С помощью презумптивных форм высказывается предположение говорящего о ситуации в настоящем или в прошлом. В болгарском языке данная семантика выражается с помощью специальных грамматических форм, парадигма которых наиболее полно представлена в работе [Алексова 2018].

В статье рассматриваются наиболее частотные русские переводческие соответствия болгарскому презумптиву. Целью нашего исследования является установление конструкций русского языка, которые могут передавать презумптивное

© Мосинец А. Г., 2020

¹ Исследование выполнено в рамках международного проекта при финансовой поддержке РФФИ (№ 18-512-18003).

значение. Материал для исследования собран из болгарских художественных текстов детективного жанра второй половины XX в. (А. Гуляшки, Д. Пеев) и их переводов на русский язык, выполненных профессиональными переводчиками. Всего было просмотрено 8 произведений и выявлено 34 случая употребления презумптивных форм. Выбор детективных текстов обусловлен спецификой этого жанра: высказывание догадок и предположений создает контекстуальные условия, подходящие для порождения форм с презумптивным значением.

Формы презумптива не являются высокочастотными в болгарском языке (хотя и довольно активны в письменной интернет-коммуникации [Иванова, Алексова *в печати*]) ввиду того, что это же значение может быть выражено другими конструкциями. Так, в следующем примере в одинаковых условиях употребляются модальная конструкция с глаголом *трябва* и форма презумптива как средство выражения догадки: «*Сега намали! Тук трябва да е*». — *Колата рязко забави скоростта си <...> В далечината се виждаше само една кола, която стоеше неподвижно <...> — «Това **ще да е**. Ето, потегля!»* (Д. Пеев).

В нашем корпусе зафиксированы только несвидетельские презумптивные формы активного залога. Основную часть выборки составляют формы аориста третьего лица единственного или множественного числа. Например, в следующем отрывке для воспроизведения телефонного диалога между мужем и женой, свидетелем которого был рассказчик, используются формы изъявительного аориста для передачи слов супруга, которые рассказчик слышал, и презумптивные аористные формы для передачи речи супруги — речи, которую он восстанавливает на основе слышимых им ответов и своего жизненного опыта: *Щерев каза на Мая: „Знаеш ли, че онзи любезен млад инженер, дето тая заран те е довел вкъщи с колата си, сега се намира в моя кабинет?“ На така поставения въпрос Мая **ще да е отговорила** също с въпрос: „Нима?“ — защото Щерев тутакси потвърди присъствието ми с едно категорично: „Ами да!“ Понеже жените имат вродена способност да се възползват от предоставените им обстоятелства, Мая **ще да е рекла** на мъжа си: „Ами защо не го поканиш вкъщи?“ Тъй **ще да е предложила**, защото*

*Щерев незабавно отговори: „Виж, това е идея, непременно ще го покани!“ Дори и да не възпроизвеждам съвсем точно думите на Мая, смисълът им **ще да е бил** същият, затова Щерев ме покани на вечеря в дома си и аз приех поканата му с благодарност (А. Гуляшки). При этом с помощью предложений причины, вводимых союзом *защото*, представляется подтверждение догадок, выраженных формами презумптивного аориста.*

Как правило, презумптивные формы не употребляются в первом лице, что объясняется их семантикой, — обычно говорящему не требуется прибегать к предположениям, чтобы сообщить о произошедших с ним событиях. Однако в нашем корпусе фиксируются и такие случаи: *Нима не е смешна такава картинка: момиче в лятна рокля, в снежнобяла рокля, седи срещу огъня с протегнати ръце. Ако имаше на раменете си шал, един резедав шал например, а под шала — жълт пуловер с висока яка, какъвто носи доктор Начева — всичко щеше да бъде напълно в ред и аз нямаше да се смея... Но изобщо сигурно **ще да съм мислил** повече за нашата Рашка, защото тя даваше рекорден млеконадой и ние много се гордеехме с това (А. Гуляшки). Здесь говорящий пытается восстановить ход своих мыслей, чтобы объяснить свое странное поведение себе и рассказчику.*

В случаях, когда презумптивная семантика в оригинальном тексте содержит другие средства выражения презумптивного значения (вводно-модальные лексемы, предикаты со значением ментальной деятельности, условные конструкции), как правило, перевод осуществляется формами изъявительного наклонения, например:

1) *Кой знае, може би на тия жени и наум не е дохождало, че ще дръзна да оставям ноцно време къщата си отключена. Кой знае! Но **сигурно ще да е било така** (А. Гуляшки). — Кто знает, может, этим женщинам и в голову не приходило, что решусь оставить дом по ночам незапертым. Кто знает. Но уж, **наверное**, так оно и было (пер. С. Драгомирецкого) (на предположение указывает вводно-модальная лексема *сигурно*);*

2) *Аз **не зная** какъв израз е бил изписан върху лицето на помощник-прокурора, когато е открил това нещо в чекмеджето*

си, но си **мисля**, че в първата секунда по лицето му **ще да се появили** чувства на изумление и страх (А. Гуляшки). — Я не видел лица помощника прокурора, когато он обнаружил этот сюрприз в своем столе, но **думая**, что в первую минуту на нем появились изумление и ужас (пер. Т. Митеевой) (семантика предположения следует из употребления предиката *мисля* в главной части, а также *не зная* в ближайшем контексте);

3) *Ако човекът с червеното шалче е д-р Беровски, както твърди благонравната леля Мара и както и самият аз предполагам, историята около убийството на професора **ще да се е развила** по следния начин...* (А. Гуляшки). — *Если человек с красным шарфом доктор Беровский, как утверждает distinguished тетя Мара (да так я и сам предполагаю), **то** история убийства профессора развивалась следующим образом...* (пер. А. Никольского) (презумптивная форма входит в эпистемическую условную конструкцию: придаточная часть условного предложения представляет собой основание для вывода, а главная — сам вывод).

В тех случаях, когда в оригинале семантика предположения выражена только презумптивной формой, в перевод вводятся дополнительные презумптивные средства.

1. Добавление вводно-модальных элементов, маркирующих степень вероятности события (*вероятно, конечно, похоже и др.*): *Отдолу, където **ще да е било** името на кръчмаря, има сравнително прясна лента, теглена издебело с червена боя* (А. Гуляшки). — *Ниже, где, **вероятно**, прежде значилось имя корчмаря, была проведена, **судя по всему**, сравнительно недавно, жирная красная черта* (пер. А. Собковича); *Убиецът **ще да се е погрижил** да го [прозорца] затвори* (Д. Пеев). — *Убийца, **конечно**, позаботился о том, чтобы закрыть окно* (пер. А. Опульского и Л. Боровишки). Такой способ перевода зафиксирован в большинстве наших примеров.

В единичном случае не только добавлена лексема *очевидно*, но и восстановлен логический вывод полностью, выраженный в оригинале анафорическим местоимением *така* и презумптивной формой глагола *съм*: *Дали пък не я взел той [Слави Каменов], а? — **Така ще да е**. Щом казвате, че друг не е влизал*

в стаята (Д. Пеев). — Неужели Слави взел *ее*? — **Очевидно, Каменов взел *ее***, раз вы говорите, что никто другой не входил в комнату (пер. А. Опульского и Л. Боровишки). В другом случае контекстным соответствием фразы *така ще да е* выступает единственно вводно-модальная лексема *похоже*: *Вие как мислите, кога сме я изтървали?* — *В момента, когато Кръстев е тръгнал подир непознатия мъж.* — *Така ще да е* (Д. Пеев). — *Как на ваш взгляд, когда мы ее упустили?* — *Ее упустил Крыстев, когда крался за любовником.* — **Похоже** (пер. Ю. Медведева).

2. Перевод с помощью конструкции *должен + inf* в единичном примере (данная конструкция служит здесь для выражения эпистемической необходимости — убеждения говорящего в высокой вероятности ситуации [Падучева 2016]): *Тогав аз казах, че искам да изпратя една картичка до моя приятел с изгледа на хотела, разбира се, но съм забравил римския му адрес, та мога ли да надзърна в адресната му карта, къде-то той, бездруго, ще да е отбелязал адреса на римското си жилище* (А. Гуляшки). — *Тогда я сказал, что хотел бы послать ему из Санта-Анны открытку, — разумеется, с видом отеля, — но не помню его римского адреса; так не позволит ли она мне заглянуть в формуляр, который он у них пополнил; там, конечно, должен значиться его адрес* (пер. Т. Митеевой). В данном примере в русском переводе, как и в болгарском оригинале, презумптивное значение выражается дважды — с помощью вводного элемента *конечно* и с помощью конструкции *должен + inf*.

3. Использование в качестве переводческого соответствия болгарской презумптивной форме русского сослагательного наклонения, например: *За да действува смъртоносно и бързо, тази смес ще да е била равна най-малко на един литър. Но чашата, разбира се, не можеше да побере един литър...* (Гуляшки). — *Для смертельного исхода потребовалось бы выпить не менее литра подобного раствора. Такое количество яда в стакан не вольешь...* (пер. А. Собковича). Сослагательное наклонение здесь передает ирреальность предполагаемой ситуации, выступая в контрфактивном значении (обозначает

ситуацию, которая «не имела места в действительности, не имеет и не будет иметь» [Добрушина 2014]).

4. Отсутствие дополнительных средств для выражения значения предположения. Такие дополнительные средства при переводе не обязательны, если значение предположения выводится из контекста: *Ако анализираме изречението „какво е знаел Беровски“, ще получим два отговора. Според първия отговор Беровски **ще да е убиецът** на професора. Между 11 ч. без 2 минути и 11 ч. и една-две минути той **ще да го е промушил с нож...** (А. Гуляшки). — Проанализировав въпрос «Что знал Беровский?», мы получим два ответа. Согласно первому, доктор Беровский — **убийца** профессора. Между без двух минут одиннадцать и одной-двумя минутами двенадцатого **ударил** его ножом...* (пер. А. Никольского). В данном примере представлены размышления детектива, пытающегося восстановить ход событий (ср. *ако анализираме* — рус. *проанализировав*). Семантика презумптива, таким образом, передается русскоговорящему читателю благодаря знанию сюжета.

В других случаях (при отсутствии контекстуальных средств выражения презумптивной семантики) значение предположения при переводе теряется, например: *Като учител Методий Парашкевов **ще да е стоял** настрана от политическите течения, макар че в някои от сведенията се загатваше за проявявани „скрити симпатии“ към прогресивно настроените ученици* (А. Гуляшки). — *Став учителем, Методий Парашкевов по-прежнему **сторонился** политической борьбы; правда, в некоторых материалах имеются намеки на его «скрытые симпатии» к прогрессивно настроенным учащимся* (пер. А. Собковича). В данном примере информация, сообщаемая в болгарском оригинале как предположение говорящего, в русском переводе, выраженная глаголом в индикативе, звучит более категорично и воспринимается как уверенное знание. Также и в следующем примере предположение звучит как исторический факт: *Някога, по времето на Асеновци, тук **ще да е стърчала** силна крепост* (А. Гуляшки). — *Некогда, во времена царя Асена, здесь **стояла** неприступная крепость* (пер. А. Собковича).

Таким образом, как показывает материал, презумптивное значение в болгарском языке во многих случаях выражается не только специальными глагольными формами, но и другими лексическими или грамматическими средствами. В таком случае в русском языке перевод болгарских презумптивных форм осуществляется с помощью глаголов в индикативе, а презумптивная семантика передается именно благодаря дополнительным средствам, присутствующим и в оригинальном тексте.

Презумптивное значение, выражаемое в болгарском языке только специальными глагольными формами, на русский язык передается в основном с помощью приема лексического добавления (вводно-модальных лексем), а также грамматической трансформации: использования конструкции эпистемической необходимости для указания на высокую вероятность ситуации или сослагательного наклонения для подчеркивания ирреальности сообщаемой информации. Большую роль при переводе играет контекст: если презумптивная семантика явственно следует из контекста, то презумптивные формы передаются глаголами изъявительного наклонения без введения в предложение дополнительных лексических или грамматических средств выражения предположения.

Литература

Алексова К. Парадигмата на презумптива в съвременния български език (върху материали от интернет) // *Zeszyty Cyrylo-Methodiańskie*. 2018. Кн. 7. С. 8–24.

Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (На правах рукописи). 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/Сослагательное_наклонение.

Иванова Е. Ю., Алексова К. Презумптивные формы в русско-болгарском параллельном корпусе (В печати).

Падучева Е. В. Модальность: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (На правах рукописи). 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/Модальность>.

М. Д. Московска

Софийски университет «Св. Климент Охридски», София, България

**УПОТРЕБА НА КОНКЛУЗИВА
В НАУЧНИ И ИСТОРИЧЕСКИ ТЕКСТОВЕ
(върху материал от българския език)¹**

Въведение

Изразяването на извод, заключение, умозаклучение е част от човешкия езиков опит, чиято значимост се потвърждава от факта, че съществуват множество езици, които разполагат с граматически средства за предаването на тази семантика. Типологическите изследвания върху езиковите структури сочат, че в почти всички езици, в които се наблюдават граматикализиращи средства за изразяване на отношението на автора към неговото изказване с оглед на начина на придобиване на информацията, категорията, наричана най-често инференциал (но също и конклузив, умозаключителен модус), е глаголна (по-рядко може да е именна, вж. [Aikhenvald 2018]). Широко застъпвано е виждането, че конклузивът е средство за изразяване на умозаклучение въз основа на следите от действието (evidence after de fact — вж. [De Naan 2001: 195]); непряк личен достъп от типа инференция, основана на наблюдавани резултати (вж. [Плунгян 2011]). Настоящата работа разглежда специфични употреби на конклузива в българския език — в исторически и друг тип научни текстове, за да утвърди виждането, че значението на конклузива, що се отнася до българския език, е по-широко от изразяване на умозаклучение на базата на следите, резултатите или последиците от действието и следва да се разбира като субективен извод, обобщение, заключение и в този широк смисъл субективно умозаклучение.

© Московска М. Д., 2020

¹ Настоящият текст е част от изпълнението на работната програма на проекта «Еволюция на граматическия строеж на българския и руския език в съпоставителен план: корпусен анализ и формални граматика», договор № ДНТС/Русия 02/2, 14.06.2018 г., Фонд «Научни изследвания», МОН, България. Изказвам благодарност за финансовата подкрепа.

В работата първо се разглеждат семантиката, формите и употребите на конклузива в рамките на евиденциалната глаголна категория в съвременния български език и се излага възприетото виждане към статуса на конклузива. Във връзка с главната цел — анализ на специфичните употреби на конклузива в исторически и друг тип научни текстове, е необходимо да се разгледа подробно въпросът за съпадението на формите на индикативния перфект и конклузивния аорист, тъй като тези употреби на конклузива са най-честотни в разглежданите типове текст.

Семантика и форми на конклузива в съвременния български език

В настоящата работа се приема, че категорията евиденциалност в съвременния български език е граматикализирано средство за изразяване на епистемическа модалност, чрез което се представя степента на ангажираност на говорещия с предаваната информация. Евиденциалността според застъпването тук виждане е четиричленна категория, като членовете ѝ са индикатив (удостоверителен модус), конклузив (умозаключителен модус), ренаратив (преизказан модус) и дубитатив (недоверчив модус).

Макар да съществуват различни подходи към определянето на семантиката на евиденциалната категория както в типологически план, така и по отношение на българския език в частност, като цяло единно е виждането, че конклузивът в българския език носи модална семантика, която служи за маркиране на позицията на говорещия по отношение на реалността на фактите, но и по отношение на достоверността на собственото изказване с оглед на начина, по който са придобити знанията за него. Консensusно, но според изложеното тук виждане стеснено, е виждането, че в основата на конклузива лежи умозаклучение, което говорещият прави на основата на факти, на които не е бил пряк свидетел, но които са оставили следи или последствия.

Руселина Ницолова класифицира конклузива като член на категорията хипернаклонение на актуалната реч реалис I, която чрез своите грамеми изразява положение, при което според го-

ворещия дадена пропозиция p , съдържаща се в актуалната реч, отговаря на реална ситуация P . Спецификата на конклузива се изразява в това, че чрез пресупозициите, свързани с неговите форми, говорещият предава собствена опосредствана, несвидетелска информация. Изследователката различава две разновидности на предаваната информация — в първия случай говорещият предава своето мнение, което Ницолова нарича силно знание, а във втория — своето знание, което се класифицира като слабо, несвидетелско знание [Ницолова 2008: 354]. В съответствие на това разделение употребите на конклузива биват умозаклучителна и неумозаклучителна, като неумозаклучителната употреба на конклузива се основава на общо знание.

Георги Герджиков, следващ структуралисткия подход, описва умозаклучителния модус (конклузива) чрез диференциалните признаци *субективност* и *преизказност*, като конклузивът е маркиран по първия и немаркиран по втория семантичен признак [Герджиков 1984]. С формите на конклузива авторът на изказването оценява информацията, съдържаща се в неговото собствено изказване, като резултат от свой извод, обобщение, заключение (включително умозаклучение), т. е. като собствена, субективна и опосредствана. Ясно личи, че Г. Герджиков не свежда значението на конклузива само до умозаклучение, а го формулира по-широко — извод, обобщение, заключение, умозаклучение. Този подход дава възможност да се обхванат всички употреби на конклузива в плана на миналото както при несвидетелска, така и при свидетелска позиция на говорещия, а също и в плана на неминалото (напр. в сегашно и бъдеще време), където употребите са най-вече адмиративни поради комбинирането на значението на тези времена и на конклузива (вж. повече у [Герджиков 1977]).

Както отбелязва Красимира Алексова, за да се определи семантиката на конклузива, трябва да се вземе предвид произхода на факта, въз основа на който се прави изводът, обобщението, умозаклучението [Алексова 2006]. В своето проучване тя стига до извода, че информацията, която заляга в основата на умозаклучението, разбираемо в широк смисъл, може да бъде лично установена или придобита чрез чужди думи, както в плана на

миналото, така и в плана на неминалото, като в плана на миналото се реализира противопоставяне спрямо свидетелската или несвидетелската позиция на говорещия към съобщавания факт.

Нека разгледаме един пример:

(1) *Освен костното заболяване, известно като болест на Кьолер, Тутанкамон е имал силно деформирани стъпала и вероятно е куцал, като си е помагал при ходенето и с бастун... Снимките разкриха, че показалецът на десния му крак не е имал средна костица и затова е бил по-къс. Левият му крак пък е бил с неправилно стъпало, а на глезена се е завъртал навътре.* <https://m.dnes.bg/world/2010/04/10/tutankamon-e-nosel-ortopedichni-sandali.89066>, посетен на 20.12.2018 г.

Пример (1) е взет от журналистически текст на научно-популярна тема. С известна условност тук се приема, че независимо от своя жанр текстът по неизбежност се съобразява и с изискванията за обективност и неутралност, характерни за научния тип наратив, и в този смисъл може да се смята за представителен. Сензационният ефект на откритието на учените се дължи не толкова на използваните граматични форми, колкото на медията, която го огласява — популярен информационен сайт, неспециализиран в научнопопулярната тематика и насочен към масова публика, за която се предполага, че изпитва повърхностен и немотивиран интерес. В този смисъл атрактивна е селекцията на съобщавани факти, които обаче са представени в стилистиката на научнопопулярния текст.

При избора на формите *е имал*, *е куцал*, *е помагал*, *не е имал*, *е бил* и *се е завъртал* авторът несъмнено е имал предвид спецификата на контекста — съобщава се за актуално откритие, което касае минали несвидетелски събития, за които се съди по останали следи, като информацията трябва да се представи убедително и достоверно. Тук обаче изниква следният въпрос — какви са формите *е имал*, *е куцал*, *е помагал*, *не е имал*, *е бил* и *се е завъртал* — дали са аористни форми на конклузива, или са форми на индикативния перфект, тъй като техните парадигми съвпадат. За да се изясни този въпрос, тук се прави кратък преглед на произхода и значението на това съвпадение, както и стратегиите за снемане на многозначността.

Георги Герджиков изследва причините за съвпадението на формите на индикативния перфект и конклузивния аорист и стига до извода, че те трябва да се търсят в историческия развой на категорията [Герджиков 1984, 2003]. Ученият смята, че евиденциалността, наричана от него *модус на изказването на действието*, възниква в българския език чрез транспозиция на перфекта в полето на аориста за целите на нарацията, което е първата стъпка във възникването на противопоставянето на форми по признака *опосредстваност на информацията*. Опосредстваните форми в този етап според Герджиков са изразявали семантиката както на ренаратива, така и на конклузива (това състояние на системата е наследено в съвременната система за формите в 1 л. и 2 л. ед. ч. и мн. ч., където конклузивът и ренаративът формално съвпадат). И съвременното състояние на категорията (четири евиденциала) остават последиците от първоначалния тласък на граматикализацията чрез транспозиция на перфекта в полето на аориста, т. е. остава съвпадението на формите на индикативния перфект и конклузивния аорист. Поради спецификата на причината за тази вътрешнолексемна омонимия Г. Герджиков предпочита отделен термин за омонимичните индикативен перфект и конклузивен аорист, а именно *бипартиципални форми*, или още — *бипартиципанти*.

Значението на индикативния перфект, от друга страна, при омонимия с конклузивния аорист, според Руселина Ницолова доста се е стеснило и днес означава свидетелски действия в 1 л. при съвпадение на глаголният субект и говорещия или пък показва, че говорещият е бил свидетел на действието при глаголна форма, която не е в 1 л. [Ницолова 2008: 295–300].

От казаното може да се заключи, че поради спецификата на перфекта, който посредством своята резултативност е в състояние да представя крайния резултат от действието, актуален в момента на говоренето, без да държи сметка на протичането на самото действие, и представената субективна семантика на конклузива, обособил се въз основа на една от употребите на перфекта, нерядко и най-вече при отсъствие на лексикални маркери в непосредствения контекст формите от типа *чел е* трудно могат да бъдат класифицирани. За да раз-

граничи бипартиципалните форми, Герджиков указва следното общо правило: ако формата може да се замени с форма за друго време на конклузива без особена промяна в смисъла, става въпрос за конклузив, ако не — за перфект [Герджиков 1984: 228–236]. В своята студия Герджиков обръща специално внимание на употребата на въпросните форми в научни и исторически текстове, като настоява, че те неправилно се приписват на перфекта [Герджиков 1977: 59].

Ако се приложи правилото на Герджиков и се вземе предвид виждането на Ницолова за семантиката на индикативния перфект, може да се каже, че формите в разгледаните тук примери са за конклузивен аорист. С тази уговорка започва и анализът на емпричиния материал.

В пример (2) важат уговорките, направени във връзка с пример (1). Тук обаче за откритието съобщава информационна агенция с утвърдено име на надежден източник и като цяло дори в стилистиката на препечатката се наблюдава стремеж към обективност и информативност за сметката на атрактивната сензационност. При предаването на актуалния факт — откритието на учените, авторът използва аористни индикативни форми *откриха*, *каза*. По този начин, макар да не е пряк свидетел на събитието, авторът акцентира върху надеждността на информацията. Когато обаче трябва да се предадат фактите на самото откритие, направено от учените, авторът избира формите *е ходел*, *е бил*, *е живял*, *всявал е*, *е било*, като по този начин акцентира върху вторичността на информацията, но същевременно запазва нейната субективност — фактите са представени така, сякаш авторът изпитва несъмнено доверие в тяхната достоверност, като ги представя като собствено твърдение.

(2) *Учени откриха фосили на голям дъвен крокодил в Северна Каролина, който е ходел на задните си крака и е бил страшен хищник на сушата точно преди появата на първите динозаври, съобщиха Ројтерс. Крокодилът е живял преди около 231 милиона години. Той е бил пъргав, с дължина около 3 м и височина около 1,5 м, с дълга глава и зъби като ножове. Всявал е див ужас и единственото спасение от него е било*

да се покатериш на най-близкото дърво, каза паленотологът Винс Шнайдър от Природонаучния музей на Северна Каролина. <http://arh-icconomist.com/nauka-i-tehnologii/item/154744-154744>, посетен на 02.04.2019 г.

В пример (3) формата за конклузивен аорист *е утвърдил* се открива в контекст с подчертано предположителен характер. Като се вземе предвид основното наративно време — сегашно историческо, с което авторът утвърждава достоверността на предаваната информация без оглед на начина на придобиване на информацията за нея, може да се предположи, че използваната конклузивна форма е избрана, за да подчертае субективния характер на твърдението, което авторът предава като силно вероятно, но недоказано. Конклузивната форма тук се опира на информация, принадлежаща на фонда от общи знания, авторът не е свидетел на събитията, случили се в миналото, но ги изказва като общо убеждение, което той не оспорва.

(3) *Чрез своите военни и дипломатически акции българският владетел влиза в съюз с Куберова България в земите на днешна Македония, постоянно застрашавана от Византия. Така хан Аспарух успява да присъедини и защити славянското и българско население от тези югозападни територии. Смята се, че хан Аспарух **е утвърдил** хронологичния паметник «Именник на българските ханове».*

<http://istoria.bg/632/han-asparuh> посетен на 05.04.2020 г.

В пример (4) формите *се е движел, е отсъствал, се е пробивал, се е задържал* и *е могъл* са за конклузивен аорист. Формата *се е движел* съдържа имперфектно причастие, което се употребява за образуване на съвпадащите форми за конклузивно сегашно време и конклузивен имперфект и е една от характерните черти на категорията. Както и в пример (2), тук конклузивните форми подчертават субективната авторова позиция, като същевременно изтъкват несвидетелската му позиция. Този пример е интересен и с това, че се открива презумптивна форма — *ще да е закрепил*. Подобни съвместни употреби на

конклузива и презумптивна според проучването на Красимира Алексова (вж. [Алексова, под печат]) са честотни в историографски трудове до средата на XX в. и отразяват по-ранен научен стил в историческото писане. Както отбелязва Алексова, съвместните им употреби се основават върху общност в семантичните характеристики, а именно общ е компонентът субективно твърдение, базиращо се на умозаключение, с което се изразява някакъв извод, заключение, предположение за състоянието на нещата (вж. повече у [Алексова, под печат]).

(4) *Очевидно Исперих се е движел бавно, като е отстъпвал заедно с разширението на хазарските завоевания или според това както си е пробивал път по чужди територии. Съмнително се явява и това обстоятелство, че хазарите преследвали българите чак до Дунав, защото техните владения, дори в периода на най-голямата хазарска мощ, не са достигали никога до тая река. Твърде е възможно, че Исперих се е задържал доста дълго време в Южна Бесарабия, дето той ще да е закрепил властта си, защото, както ще видим по-долу, той е могъл да мине Дунав не по-рано от началото на 660-те години* (Васил Златарски. История на българската държава през средните векове. Том I. История на Първото българско царство. Част I. Епоха на хуно-българското надмощие).

Примери (5), (6) и (7) са типични за научен текст. Фактите, които се съобщават чрез формите *е действала*, *са се подлагали*, *са се намирали* и *е трябвало*, принадлежат на плана на миналото и за тях се съди по останали писмени източници. Без всякакво съмнение съвместните употреби на сегашно историческо време и на формите, приемани тук за конклузивен аорист, говорят, че информацията се предава като несвидетелска, но същевременно авторът я изказва като свое лично убеждение или твърдение. Тази употреба на конклузива е и най-типична и върху нея се базира дефинирането на цялата субкатегория — умозаключение, което се прави въз основа на следи или доказателства за факти или процеси от миналото, на които авторът не е бил пряк свидетел.

(4) *Йотата е действала силно омекчително върху предходните съгласни, при което известна част от съгласните променят коренно своя характер* (Кирил Мирчев. Старо-български език).

(5) *Съчетанията ... и ... са се подлагали на силно омекчаване, когато са се намирали пред гласни от предната редица.* (Кирил Мирчев. Старобългарски език).

(6) *Типично обаче за глаголите от това спрежение е обстоятелството, че в техните повелителни форми за 1 и 2 л. мн.ч. започват да се настаняват окончанията от първото и второто спрежение с гласна. Тъй като тия окончания е **трябвало** да се прибавят към корен на гласна или на мека съгласна, ятовата гласна обикновено преминава в ..., след шипящи съгласни в ...* (Кирил Мирчев. Старобългарски език).

Може да се обобщи, че в примери от (2) до (7) фактите, които стават повод за употребата на конклузивните форми, принадлежат към плана на миналото, при несвидетелска позиция на говорещия и са част от репертоара на общото знание. Подобни употреби според класификацията на Р. Ницолова са пример за неумозаключителен конклузив, изразяващ «слабо, несвидетелско знание» [Ницолова 2008: 354]. Характерно за тях е, че говорещият изказва като собствено твърдение общоприети факти, като по този начин поставя акцент върху личната си позиция. Към този тип употреба Алексова добавя и по-неофициални употреби, например в коментари, като пример (7):

(7) *Напротив, варварите са можели да използват момента, когато империте са били заети с други дела, за да откъснат някое парче територия, но рано или късно са **разбирали**, че ако искат да оцелеят с такъв могъщ съсед те трябва да копират държавното му устройство...* (Примерът е от [Алексова 2006]).

Изводи

След направения преглед в настоящата работа се възприема виждането, че употребите на бипартиципипалните форми (според терминологията на Г. Герджиков) в научни и истори-

чески текстове са форми на конклузива, с които информация, която принадлежи на фонда на общото знание, се предава като субективна. Тази употреба, както и други употреби на конклузива, които не могат да бъдат разгледани тук подробно (вж. повече у [Герджиков 1977; Алексова 2006]), водят до извода, че в българския език семантиката на конклузива не бива да се свежда до умозаклучение, направено на база на следите от действието или неговите резултати, а следва да се определя по-широко — като извод, обобщение, заключение (в това число и умозаклучение), направени въз основа на собствена или чужда информация (в това число информация от фонда на общото знание), при това както в полето на миналото, така и в полето на неминалото, при несвидетелска или свидетелска позиция на говорещия. За да се обясни употребата на конклузивни форми в този тип текстове, трябва да се вземе предвид и жанровата им специфика, както и комуникативната цел на автора. В научните и исторически текстове авторът рядко се явява свидетел на фактите, които съобщава, най-често те са общоприети истини или широко разпространена и позната информация. В този случай, както посочват Слобин и Аксу-Коч, от фонда на общото знание информацията може да се премести във фонда на собствените знания на говорещия [Аксу-Коч, Slobin 1986]. Разбира се, освен конклузивни форми, в научните и исторически текстове нерядко се използват форми за сегашно историческо време — вж. (8), което, както посочва Ницолова, «се използва за обективно предаване на събития независимо от източника на информация за тях» [Ницолова 2008: 275], както и форми на ренаратива — вж. (9).

(8) *Новата българска държава **заварва** две железопътни линии на своя територия* (М. Каймаканова и кол. История на България).

(9) *Априлското въстание от 1876 г. **изиграло** изключително важна роля за по-нататъшния развой на Източната криза* (М. Каймаканова и кол. История на България).

Извън обхвата на настоящата работа остава въпросът какви фактори обуславят избора на сегашно историческо време, на

форми за конклузив или ренаратив в научни и исторически текстове, дали формите са взаимозаменими, налага ли ограничения по-широкият или по-тесен контекст, значима ли е семантиката на глаголите и множество други, които остават за по-нататъшно разглеждане.

Литература

Алексова Кр. Удостоверителен перфект или умозаключителен аорист — от теоретичните основи към преподаването на чужденци // Публикации от Юбилейната научнопрактическа сесия «40 години ИЧС». София, 2003. С. 60–66.

Алексова Кр. Отношението модалност — евиденциалност — презумптивност (с оглед на българския език) // Юбилеен славистичен сборник (10 години Славянска филология в Югозападния университет «Неофит Рилски»). Благоевград, 2005. С. 420–430.

Алексова Кр. Конклузивът и неговите употреби в съвременния български език // Електронно списание LiterNet. 07.10.2016. № 10 (203). [Электронный ресурс]. URL: <http://liternet.bg/publish7/kaleksova/konkluzivyt.htm>.

Алексова Кр. Конклузивът и презумптивът в съвременния български език — общност и различия // Материали от XXV Държавинские чтения. Санктпетербургски държавен университет, под печат.

Герджиков Г. Една специфична глаголна категория в съвременния български език (Категорията ‘ангажираност на говорещия с изказването на действието’) // Годишник на Софийския университет, Факултет по славянски филологии. Т. 69, № 2. 1977. С. 5–68.

Герджиков Г. Преизказването на глаголното действие в българския език. София: Наука и изкуство, 1984.

Куцаров Ив. Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив: Университетско издателство «Паисий Хилендарски», 2007.

Ницолова Р. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / отв. ред. В. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 107–197.

Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: УИ Св. Климент Охридски, 2008.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2003.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.

Храковски В. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. М.: Наука, 2007. С. 600–632.

Aikhenvald Al. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Aksu-Koç A., Slobin D. A Psychological Account to the Development and Use of Evidentials in Turkish // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. Advances in Discourse Processes / Eds W. Chafe, J. Nichols. 1986. Vol. 20. Norwood, New Jersey: Ablex Publishing Corporation. Pp. 159–167.

Haan de F. The Place of Inference within the Evidential System // International Journal of American Linguistics. 2001. Vol. 67, issue 2. Pp. 193–219.

П. Осенова

Софийски университет «Св. Климент Охридски», София, България

ЗА НАЧИНИТЕ НА МАРКИРАНЕ И ИЗРАЗЯВАНЕ НА КОМПЛЕМЕНТИТЕ В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

Комплементите най-често се разглеждат като задължителните в семантично отношение участници (аргументи) на ситуацията, изразявани от глаголите. На равнището на синтаксиса те могат също да бъдат задължителни, но могат да бъдат и факултативни по различни причини. В традиционната граматика комплементи са прекият и непрекият обект. Във формалните лингвистични теории комплементи могат да бъдат и обстоятелствата, ако те се изискват от лексикалната семантика на глагола.

В българския език, в който няма запазено именно склонение, маркирането на комплементите се осъществява по някол-

ко начина: а) чрез номинална фраза в обща форма (*Срещнах Иван*); б) чрез местоимение във винителен или дателен падеж (*Срещнах го*; *Казах му*); в) чрез предложна фраза (*Влязох в стаята*).

За своите наблюдения използвам Валентния речник на българския език във версията му от 9574 глаголни лемии с валентни рамки, които отразяват семантичните ограничения на участниците [Osenova et al. 2012]. Рамките са извлечени от синтактичния корпус на българския език Бултрибанк [Osenova and Simov 2018].

В тази статия отчитам фактори като задължителност/факултативност на изразяване на комплемента в неразделна връзка с вида на неговото маркиране.

Известно е, че българският език е не само нулевосубектен език, но и език, при който голяма част от комплементите са факултативни, т.е. под влияние на лексикалната семантика на глагола или на дискурса могат да останат неизразени, но да се подразбират в по-широкия контекст.

Разглеждам валентния речник като свързващо звено между речника и граматиката на даден език. Валентният речник съдържа глаголи с основните им валентности. Чрез тези валентности се запълват важните участници в ситуацията, означавана от глагола. Например ситуацията *давам* има 3 валентности: кой дава, какво дава и на кого го дава. Нотацията е *давам* (x, y, z). В изречението *Иван даде топката на Петър* x = Иван (подлог) y = топката (пряк обект) и z = Иван (непряк обект).

Така валентният речник разширява лексикалната глаголна семантика със синтактична информация и се превръща в една миниграматика. Първият български валентен речник е на Мария Попова и съдържа валентните рамки на около 1000 най-чести български глагола [Попова 1987]. В тази статия използвам информация от валентния речник, който беше автоматично извлечен от ръчно аотирания синтактичен корпус за българския език Бултрибанк. Построяването на валентните рамки беше организирано по следния начин: първо, беше извлечено синтактично дърво на глагол с подлог, с подлог и комплемементи или само с комплемементи. След това глаголът беше приведен в

основната си форма (напр. формата за минало предварително време *бяха вървели* се привежда в основната форма на глагола за 1 л., ед. ч., сегашно време *вървя*). Над граматичните роли се прави първата степен на абстракция. Например, ако изречението е *Иван гледа филм*, първата степен на абстракция ще бъде ‘Някой гледа нещо’. След това с помощта на краен брой онтологични етикети се прави втората степен на абстракция, в която участниците получават семантични ограничения. Така втората степен на абстракция ще включва семантични ограничения и рамката е ‘Лице гледа артефакт’.

По принцип основното маркиране на комплементите при дитранзитивни глаголи става по два начина: акузативно (вкл. чрез изречение) и чрез предложно управление или с две предложни управления. Първият тип дитранзитивност изглежда е по-чест от втория. В тази статия нямам за цел да представя точни статистически данни за честотата на употреба на валентните рамки при дитранзитивни глаголи, а по-скоро да представя типологията, която съм приела за изходна, заедно с типични примери.

Понякога една и съща рамка може да има две реализации (вж. за слабото и силното съгласуване при Пенчев [1984: 16]). Например глаголят *бъбря* с дефиниция ‘Говоря, приказвам много, обикн. за маловажни, глупави неща’ има следните реализации:

(1а) *Бъбря глупости на някого.*

(1б) *Бъбря за глупости на някого.*

В (1а) реализацията на първия комплемент е номинална и скрито акузативна, а в (1б) е чрез предложно изразяване.

При представяне на типологията следвам класификацията на Пустейовски [Pustejovsky 1998] за видовете аргументи: истински, т.е. комплементът не може да се изпусне (**Изядох [сандвича]*; **Състоя се от [три части]*); по подразбиране, т.е. комплементът може да не се реализира (*Чета [книга, вестник]*) и в сянка, т.е. комплементът се съдържа в лексикалната семантика на глагола и може да се експлицира само при появата на специфика към действието (**Ритам с крак vs. Ритам с левия крак*).

В българския език преобладават комплементите по подразбиране. Особено интересни са дитранзитивните глаголи, при които

се наблюдават различни комбинации от реализация/маркиране на комплементите. Тези комбинации са следните: и двата комплементата са задължителни (предимно при идиоматизирани изрази); и двата комплементата са факултативни (сравнително често); единият комплемент е задължителен, а другият е факултативен (почесто, но отново предимно в идиоматизирани изрази); единият комплемент е в сянка, а другият е задължителен (сравнително често); единият комплемент е в сянка, а другият е факултативен (сравнително често). Нека разгледаме примери за всеки тип.

Двата комплементата са задължителни:

(2а) *Викам някого на помощ* ('Призовавам някого да ми помогне').

(2б) *Влагам пари в банката* ('Внасям в банка').

(2в) *Внушавам нещо на някого* ('Упорито, настойчиво въздействам върху съзнанието на някого, за да му наложа убеждение за нещо, което може и да не е достоверно или правилно; втълпявам').

(2г) *Вдъхвам сила на някого* ('Предизвиквам да се появи у някого мисъл, чувство, желание, убеждение и под.; внушавам, будя').

Трябва да се има предвид, че когато глаголт се употреби в значение, различно от посоченото, то задължителността на един от комплементите или дори и на двата може да отпадне, а и самата рамка може да промени валентността си. Например в (2а), ако значението е с дефиниция 'Издавам викове, крещя', глаголт няма комплементи. Прави впечатление, че значенията в (2а), (2б) и (2г) са идиоматизирани, като в най-голяма степен на идиоматизация е (2а), тъй като в (2б) и (2г) е възможно преките обекти да се заменят с други думи (думата *пари* с думата *средства*; думата *сила* с думите *живот*, *надежда* и т.н.). Т.е. по-високата степен на идиоматичност предполага задължителност на комплементите. Основният тип маркиране е NP PP.

Двата комплементата са факултативни:

(3а) *Боядисвам (нещо) (с нещо)* ('Придавам багра, цвят на нещо, покривам нещо с боя; оцветявам, обагрям').

(3б) *Побеждавам (някого) (в нещо)* ('Спечелвам победа, завършвам с успех война или изобщо борба, състезание').

(3в) *Помагам (на някого) (в нещо)* ('Оказвам помощ, съдействие, вземам участие в работата на някого, за да го улесня').

Факултативността се открива чрез тестове с конструкции от типа: *Обичам да боядисвам/побеждавам/помагам*. Комплементите се подразбират от лексикалната семантика на глагола в най-общ план.

Основните типове маркиране тук са: NP PP (3а) и (3б) и PP PP (3в).

Единият комплемент е задължителен, а другият е факултативен:

(4а) *Внасям нещо (някъде)* ('Предлагам за разглеждане (проект, закон, законопроект и др.)').

(4б) *Впечатлявам някого (с нещо)* ('Пораждам, предизвиквам силно впечатление у някого, правя впечатление някому').

(4в) *Връчвам нещо (на някого)* ('Предавам на някой лично, на ръка нещо' (обикн. покана, призовка, награда и под.).

(4г) *Узнавам нещо (от някого/отнякъде)* ('Добивам сведения, знание за нещо; научавам').

Прави впечатление, че в посочените примери задължителният комплемент е прекият номинален обект, а факултативният е предложната група. Основният тип маркиране е NP (PP). В зависимост от лексикалната семантика на глагола изпускането на комплементата може да бъде или поради представяне на общи признаци, които нямат нужда от специфициране в ситуацията, както е случаят в (4б), или информацията за източника не е важна (4г), или комплементът се разбира от контекста и знанията ни за света (4а) и (4в).

Единият комплемент е в сянка, а другият е задължителен:

(5а) *Ускорявам нещо (с някакво време)* ('Правя нещо да стане по-бързо или по-скоро').

(5б) *Освирквам някого (чрез свирене)* ('Чрез свирене, свиркане с уста или с пищялки изразявам отношението си на неодобрение, презрение или протест към някого или нещо').

(5в) *Отпечатвам нещо (на хартия)* ('Публикувам, вадя от печат').

(5г) *Пека нещо (във фурна)* ('Поставям във фурна, пещ нещо, като го подлагам на въздействието на топлината, за да стане готово за употреба').

Комплементите в сянка в голяма степен се предполагат от лексикалната семантика на глагола. Така например в глагола на (5а) се съдържа идеята за скорост, на (5б) — за свирене, на (5г) — за готвене във фурна. Интересен случай е глаголът от (5в), защото предполага хартиен носител, но в съвременността глаголът може да се използва и за други повърхности, например за отпечатване на изображение върху тениска. Основният тип маркиране е NP PP, като обикновено задължителният комплемент се изразява с именна група, а комплементът в сянка — с предложна.

Единият комплемент е в сянка, а другият е факултативен:

(6а) *Печеля (средства) (от дейност)* ('Придобивам, получавам печалба, пари или нещо материално, обикн. с труд, с усилие').

(6б) *Плащам (цената) (за дейност, поведение)* ('Бивам наказан, търпя негативни последствия, заради своя или чужда постъпка').

Този модел на реализация на комплементите е доста интересен, защото реално комбинира комплемент в сянка, който или не се изразява изобщо, а само се подразбира, или се изразява при определени условия, с факултативен комплемент. Основният тип маркиране е NP PP. В примери (6а) и (6б) именната група изразява комплемента в сянка, а предложната — факултативния комплемент. В (6б) комплементът в сянка може да се прояви, когато бъде квалифициран и дава нова информация, например: *Плащам висока цена за нещо.* (6а) е интересен с

това, че може да има и трети комплемент, който е задължителен. Срв. *Пчеля добре*, *пчеля малко/много*.

Нека обобща наблюденията си накратко. Маркирането на комплементите в българския език традиционно се отбелязва: а) чрез управление и предложно свързване (NP PP) или б) само с предложно свързване (PP PP).

Интересни за изследване са комбинациите при дитранзитивни глаголи, защото демонстрират разнообразни комбинации от типовете комплементи. Трябва да се отчете обаче фактът, че границата между факултативни аргументи и аргументи в сянка понякога е много неясна и изисква по-задълбочени описания на глаголната семантика.

Условията за задължителност и факултативност се дължат най-вече или на лексикалното значение на глагола, или на дискурсивните условия (контекст, знания за света).

Благодарности

Работата, свързана с настоящата статия, е осъществена с частичната подкрепа на проекта «Еволюция на граматическия строеж на българския и руския език в съпоставителен план: корпусен анализ и формални граматика», финансиран от ФНИ при МОН с Договор № ДНТС/Русия 02/2 от 14.06.2018 г.

Литература

Пенчев Й. Строеж на българското изречение. Наука и изкуство. София, 1984.

Попова М. Кратък валентен речник на глаголите в съвременния български книжовен език. Наука и изкуство. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1987.

Osenova P., Simov K., Laskova L., Kancheva S. A Treebank-driven Creation of an OntoValence Verb lexicon for Bulgarian // Proceedings of the Eight International Conference on Language Resources and Evaluation / Eds N. Calzolari, K. Choukri, T. Declerck, et al. Istanbul: ELRA, 2012. Pp. 2636–2640.

Osenova P., Simov K. Recent Developments within BulTreeBank // Proceedings of the 16th International Workshop on Treebanks and

Linguistic Theories (TLT 16), Prague, Czech Republic, January 23–24, 2018. Pp. 129–137.

Pustejovsky J. The Generative Lexicon. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.

T. Dimitrova

Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

P. Osenova

Sofia University, Sofia, Bulgaria

TAGGING HISTORIC BULGARIAN TEXTS: EXPERIMENTS AND CHALLENGES

1. Introduction

The paper focuses on the automatic morphological analysis of a collection of Bulgarian text fragments excerpted from 17th-century-texts (the so-called damaskins) that are available in the Historical Corpus of Bulgarian Language¹. Since Bulgarian was a morphologically rich language in its historic variants, and continues to be morphologically rich in its contemporary form (despite the diachronically-bound differences), the part-of-speech (POS) tagging — augmented with grammatical features — is a very important step.

Since at the moment and to our knowledge no historic tagger is freely available for this task, we decided to use the Linguistic Processing Pipe with a POS tagger trained on Modern Bulgarian texts. This is the BTB Processing Pipe [Savkov et. al. 2012], with a tokenizer for Bulgarian, and with a POS tagger trained on media texts and literature, using the MATE Tool [Bohne, Nivre 2012]. This version has been implemented as a set of grammars and constraints within the CLaRK system². This system is an

© Dimitrova T., Osenova P., 2020

¹ <http://histdict.uni-sofia.bg/textcorpus/list>.

² <http://bultreebank.org/en/clark/>.

XML-based environment for creating, processing and maintaining language resources (corpora and dictionaries).

2. Tagging experiments

The first experiment was a kind of a baseline since we ran the tool over the original texts but without diacritics and word-endings (*ъ* and *ь*), with the following result over 1142 tokens, presented in Table 1:

Table 1

Positives	Occurrences	Accuracy
True positives in <i>@ana</i>	755 (among which 147 of punctuation)	0,6611%
False positives	850	
True positives in <i>@aa</i>	52	
All true positives	807	0,70665%

Since the orthography, the abbreviations and some of the positions of the vowels were unusual to nowadays Bulgarian, a big number of errors came as early as the tokenization level. This inevitably multiplied the errors at the POS level.

We started to normalize the texts step by step, with the resulting texts being as follows: a) no diacritics were present; b) symbols that are non-existent in the present-day alphabet, were replaced with their ‘successors’ (such as *o*, *w*, *o*, *o* = *o* [o]; *Ѹ*, *oy* = *y* [u]; *Ѣ* = *e* [e]; *Ѐ*, *Ы*, *ѵ*, *ı* = *i* [i]; *o* = *т* [t]; *ж* = *a* [a]; *л* = *e* [e]; *л* = *я* [ia]); the abbreviations for frequently written words under titlo, along with words with letters under titlo, were also normalised (such as, *бж* = *бож*; *бъ* = *богъ*; *гъ* = *господъ*; *члч* = *чловеч*; *млст* = *милост*). Additionally, we ‘deleted’ all small ers (*ь*) in word endings, while within the word we replaced them with schva (*ъ*).

We performed a manual error analysis to see whether after the normalization steps there is an improvement of the automatic analyses. The result is over 1258 tokens recognized correctly. It is presented in Table 2:

Table 2

Positives	Occurrences	Accuracy
True positives in @ana	968 (among which 161 of punctuation)	0,7695%
False positives	193	
True positives in @aa	105	
All true positives	1073	0,8529%

Here come some explanations. The tagger provides all possible analyses in the attribute *aa* (= all analyses), while selects the correct one in the attribute *ana* (= analysis). The set of all analyses (*aa*) comes from a large morphological dictionary of Bulgarian (over 1 600 000 wordforms). However, since in this application mode the tagger applies the so-called soft constraints, it allows a tag to come in the correct analysis slot *ana* which is not from the *aa* set, but has been learnt by the algorithm from the text. If hard constraints had been implemented, then the tagger would have been obliged to select the correct tag only from the *aa* set. For that reason, sometimes despite having an ambiguity set or not, the correct analysis is stored in *aa*, but not in *ana*. This fact affected our strategy to the evaluation of accuracy. We decided to take into account: a) only the selected tag in *ana*, but also b) the information both in *ana* and *aa*. Needless to say, the first strategy evaluates the soft-constraints mode in the correct way. We include the second one just to show that within another mode the results might be better, because the right analysis is already within the set of *aa*.

The difference in the strategies can be seen in Table 2, the last column. When *aa* and *ana* true values are considered together, the accuracy improves from 0,7401% to 0,8494%.

3. Qualitative analysis

Additionally, a qualitative error analysis was performed with the aim to summarize the most prominent sources of mistakes. It turned out that errors were mostly found with proper nouns, imperatives, case inflected nouns and adjectives. The case inflected

nominals are expected errors because contemporary Bulgarian lost its declension system. The proper names do not follow the contemporary models either. The imperatives being not so typical for newsmedia and literature domains, are also expected errors in mono- and dialogue text types.

Here is a normalized text processed in the CLaRK system (the text is excerpted from the Troyanski damaskin [Иванова 1967]):

```

root
s:Помени как шеш да се мъчиш Зарал греховете си .
s:ако ли те не попитат , а ти млъчи и съпикасувай и у
s:Десетое пак Заръчание да ти се не повевне , или да
s:Каже му игумен . 10 . години как е на тебе въжето .
s:а они а галоере извлекоха го насила . и привелоха го
s:и речи ономува старцу шо те е проводил до мене нефел
s:Сега те изгоревам ако не доведеш раба божиа Симеона
tok:Сега : : Dt : сега : 168 :
tok:те : : Ppe-op3 : те : 169 :
tok:изгоревам : : Vbitf-rls : изгоревам : 170 :
tok:ако : : Cs : ако : 171 :
tok:не : : Tn : не : 172 :
tok:доведеш : : Vpoptf-r2s : доведа : 173 :
tok:раба : : Ncmsh : раб : 174 :
tok:божиа : : Ncfsi : божиа : 175 :
tok:Симеона : : Npfsi : Симеона : 176 :
tok:. : : punct : : 177 :

```

It can be seen that the text is fully processed. However, there are errors with all the case-inflected common and proper nouns. The genitive-accusative forms of *раба божиа Симеона* ‘God’s slave Simon’ have been interpreted wrongly as follows: *раба* ‘slave’ was correctly recognized as a masculine gender, but with a short definite article (Ncmsh) instead of the genitive-accusative ending. Further, *божиа* ‘God’s’ was wrongly analyzed as a feminine noun (Ncfsi) instead of a masculine inflected adjective. *Симеона* ‘Simon’ was interpreted as a female name (Npfsi) because of the contemporary inflection, in which female names predominantly end in (-a).

At the same time the tagger was stable in recognizing the syntactic functional elements of the closed POS, such as conjunctions, subjunctives, prepositions, invariant relativisers (*що, щото, дето*). The accusative reflexives are recognised correctly, while datives and possessives have the same graphical representation as the 2pSg present auxiliary (copula) and this homonymy causes errors. The possessive pronominal clitics and personal dative clitics

have the same form — if such a form is found after a noun, it is correctly recognized as a possessive (incl. reflexive possessives), and after a verb or a conjunction, it is recognized as a personal dative. External possessors are recognised as datives.

To sum up, the employment of a contemporary Bulgarian tagger for processing older texts might be a working solution in cases when: the texts have been normalized enough — especially graphics; and when there is interest in observing certain linguistic phenomena, such as clitic distribution, negation, etc.

Acknowledgements

This work was performed as part of the Russian-Bulgarian bilateral project ‘Evolution of the grammatical structure in Russian and Bulgarian languages in a contrastive context: corpus analysis and formal grammars’. The Bulgarian part has been financially supported by the Fund of Scientific Research at the Ministry of Education and Science with a contract N02/2 from 14.06.2018.

References

- Иванова А.* Троянски дамаскин. София, 1967.
- Bohnet B., Nivre J.* A Transition-Based System for Joint Part-of-Speech Tagging and Labeled Non-Projective Dependency Parsing // Proceedings of the Empirical Methods in Natural Language Processing and Computational Natural Language Learning. Jeju Island, Korea, July 12–14, 2012. Pp. 1455–1465.
- Savkov A., L. Laskova, S. Kancheva, P. Osenova, K. Simov.* Linguistic Analysis Processing Line for Bulgarian // Proceedings of the Eight International Conference on Language Resources and Evaluation / Eds N. Calzolari, K. Choukri, T. Declerck, et al. Istanbul: ELRA, 2012. Pp. 2959–2964.

Часть 2
**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ**

М. А. Аникин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

**О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СМЫСЛАХ
В ЖИВОПИСИ БОЛГАРИИ XX В.**

Живопись Болгарии XX века явила миру много ярких имен, из которых в избранном нами ракурсе прежде всего необходимо назвать Владимира Димитрова-Майстора (1882–1960) и Светлина Русева (1933–2018). Оба художника в своих произведениях отражают две важнейшие особенности живописи Болгарии XX в.: национальную самобытность и сакральный символизм.

Если творчество Димитрова-Майстора вобрало в себя все основные тенденции и поиски болгарской живописи первой половины XX в., то Светлин Русев стал выразителем художественного смысла болгарской живописи второй его половины, а также начала XXI в. Само понятие художественного смысла без конкретного его воплощения в том или ином артефакте невозможно. Это понятие является абстракцией до того момента, пока художник не воплотит его в материале. Но с другой стороны, именно смысл, он же архетип, является той движущей силой, которая подталкивает мастера к творчеству, к созданию того или иного произведения. Каковы же были основные художественные смыслы-архетипы в творчестве названных мастеров? Попробуем ответить на этот вопрос, обратившись к наиболее известным произведениям болгарских живописцев.

Димитров-Майстора нашел свой идеал красоты, обратившись к образам болгарских крестьянок (см. «Болгарская мадонна») и повседневной жизни болгарского народа. В этом плане он явился продолжателем дела многих художников XIX в. — как болгарских, так и европейских. Но если художники XIX в., как

в Болгарии, так и в других европейских странах, создавали портреты своих современников и современниц в духе идеализированного портрета Ренессанса, то Майстора опирается на более глубокие живописные пласты. Не идеальная красота в рамках академизма или модерна, но национальная живописность как таковая, прикосновение к самому нерву жизни, к пластам болгарской культуры, ранее никем не затронутым в силу различных причин. Об этом он сам писал в своем письме к поэту Николаю Лилиеву: «Да, дивно богата наша родина материалом для искусства, и незачем ездить в Азию, Америку или Африку. Библейские фигуры наших дедов и отцов-пророков, девушек, молодежи и матерей — святых, наши прекрасные плодородные поля, цветы и плоды, горы, реки и море могут, были бы только более сносные условия для творчества, превратить наши работы в живые дела (а не в торжественный синодик безвременно отошедших дарований), в памятники, которые вдохновили бы грядущие поколения на подвиг во имя расцвета нации, братства народов, общего блага для всех людей на земле» [Колев, Коцева 1974: 258]. Гуманистический характер этих слов говорит о многом, но прежде всего — об особом ракурсе видения и чувствования художника, который открывает природу родного края и живую натуру в окружающем его мире, а не где-то за тридевять земель. Тем более удивительно звучат такие его слова: «Видимая действительность — это только сырой материал. Как во всех искусствах, так и в изобразительном, многое зависит от того, как творец воссоздает эту видимую действительность» [Колев, Коцева 1974: 259]. Это высказывание можно назвать ключевым в понимании того художественного смысла, о котором как раз здесь и идет речь. Любой настоящий мастер смотрит на объективную реальность сквозь своего рода призму определенной культуры, которая в свою очередь не является некой константой, но воссоздается движением истории и самой жизни — во всех ее проявлениях — экономической, социальной и, прежде всего, духовной. Так появление «Троицы» Андрея Рублева было бы невозможно без нескольких столетий ученого православия на Руси, когда монашеская культура с ее аскетикой и исихазмом подготовила особого рода мастеров иконописи. Без предшествующей православной культуры Болгарии невозможен был

бы и феномен Димитрова-Майстора. Он как бы венчал собой целую плеяду предшественников — от Мырквички до Михова и Ангелова, но одновременно открывал некую новую страницу в истории болгарской живописи, преодолевая чисто объективистский подход к природе. На уровне художественного смысла в искусстве Майстора происходит настоящая революция, ибо художник во главу угла ставит не мертвый слепок, не рисунок как таковой, но само дыхание жизни, сам импульс живой природы. Вслед за импрессионистами он выходит на лоно природы, он вдохновляется ею, он любит всеми красками мира, но не ограничивается этим, добавляя к импрессионистическому походу мощь экспрессионизма и вырабатывая свой неповторимый стиль.

Светлин Русев в чем-то продолжает то, что утверждал своим творчеством Димитров-Майстора. Он также стремился к воплощению национального архетипа красоты и духовности как таковых. Однако он еще более абстрагировался от идеалов академизма с его тяготением к природе и реальному пейзажу. Работы мастера — это, в основном, попытки постижения внутренней структуры того или иного предмета, оказавшегося в фокусе внимания художника. В этом плане особенно показательны его *автопортреты*, где художник не стремится показать некий идеализированный образ, но смело вносит неожиданные детали, напоминающие о бренности человеческой жизни. Так, он подчеркивает черной или красной линией-лентой свое собственное лицо, словно отсылая внутренний взор зрителя к сакральным текстам о бренности существования всего сущего. Такой подход наделяет обычный портрет особого рода философским и даже богословским подтекстом, заставляет задуматься каждого, кто стоит перед таким артефактом. В 2018 году состоялась выставка мастера в Москве (Галерея искусств Зураба Церетели). В связи с ее открытием был издан каталог. В предисловии к каталогу читаем такие слова, с которыми автор этих строк не может не согласиться: «Многофигурные композиции, портреты, пейзажи, монументальные росписи художника — это постоянный поиск духовного начала и неустанная попытка каждый раз заново философски осмыслить действительность. Его произведения через особую пластическую выразительность воздействуют на эмоциональное состояние зрителя. Бытовое и тривиальное здесь

приобретает смысл чего-то рокового. Прозаичное и повседневное звучит с интонацией суровой поэзии. Пленэрная живопись автора ведет нас по порожным тропам, через голые поля под мрачным небом, длинным и безлюдным дорогам, восходящим к хмурым горизонтам. Часто в своих фигуративных композициях художник обращается к самым тяжелым эпизодам нашей истории. Творчество живописца, дерзнувшего отразить трагизм бытия, включает и произведения, вдохновленные ясными, красивыми чувствами» [Выставка «Светлин Русев...»]. Собственно, такое определение творчества мастера требует некоторого уточнения. Обращение «к самым тяжелым эпизодам» болгарской истории по сути своей было прикосновением к архетипическим пластам болгарской культуры, сложившейся в долгие годы турецкого ига и тяжелой борьбы за независимость. То «роковое» начало, которое очень сильно звучит в некоторых известных его произведениях, стало как бы отзвуком этой зачастую безысходной борьбы. И все же художник находит нужные краски, чтобы приглушить слишком мрачные тона и сделать пафос трагизма жизнеутверждающим. Как большой мастер он понимает, что искусство не должно угнетать зрителя, но обязано пробуждать в нем самые лучшие чувства. В этом плане показательна его знаменитая картина «Клятва» (1966), выражающая готовность борцов за национальную независимость к самопожертвованию. Картина, по признанию ряда критиков, в художественном плане интересна тем, что она отсылает не только к истории борьбы за освобождение, но и к древней болгарской иконописи, а также декоративно-пластическому началу церковного искусства Болгарии. Русев даже в условиях атеистической тогда Болгарии смело изображает воинов, поднявших руки для совершения крестного знамени и выражающих готовность пострадать за правое дело. Уже в ранних своих работах мастер касается темы смерти, ее постоянного присутствия в мире. Можно сказать, что смерть занимает в его художественном космосе не меньшее место, чем жизнь. Более того, постоянное борение смерти с жизнью составляет художественный смысл его произведений, их драматизм, а также очищающий трагизм. Собственно, именно это и является тем главным нервом всего его творчества, который соединяет все произведения автора в единое целое, где особое место принад-

лежит духовному свету. Без последнего творчество Русева может показаться даже чересчур трагичным и несколько мрачным. Но на самом деле к его подчас по колориту сумрачным картинам применимы слова Александра Блока:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

Напряженный поиск символического и сакрального в окружающей природе, реальности и истории приводит Русева к дружбе с Вангой, созданию икон для храма святой Параскевы в селе Рупите. Также знаменательно, что последняя прижизненная выставка художника открылась в Москве в галерее Зураба Церетели. Художник всегда помнил о решающем вкладе России в освобождение Болгарии. Остается надеяться, что творчество Светлина Русева и Владимира Димитрова-Майстора навсегда останутся для молодых болгарских живописцев теми высокими примерами, которым они будут следовать при обретении своих путей в жизни и искусстве.

Литература

Колев Б., Коцева И. Владимир Димитров-Майстора. София, 1974.

Выставка «Светлин Русев. Живопись. Избранное. 1988–2018». [Электронный ресурс]. URL: <https://rah.ru/events/detail.php?ID=33800> (дата обращения: 19.04.2020).

Н. Г. Голант, М. М. Рыжова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

БОЛГАРИЗМЫ В БЫТОВОЙ ЛЕКСИКЕ ВЛАХОВ-ЦАРАН ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ

В основу данного текста легли полевые материалы, собранные в 2017–2019 гг. во влашских (румынских) селах восточной

Сербии, входящих в состав общин Заечар и Неготин. Основным пунктом экспедиционных исследований было с. Шипиково общины Заечар, находящееся на расстоянии 0,5 км от границы с Болгарией. Шипиково и несколько близлежащих сел: Градсково, Велики Ясеновац, Мали Ясеновац и Халово общины Заечар и Александровац (Злокуче), Брачевац, Коилово и Црномасница общины Неготин — в период с 1878 по 1919 г. входили в состав Болгарии. После подписания Нёйиского мирного договора эти села оказались в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев. В 1941–1944 гг. они были оккупированы Болгарией, а затем, согласно Парижскому мирному договору 1947 г., вошли в состав Югославии. Почти все эти села — влашские (румынские), и только село Брачевац — сербское. Жители Шипикова и других обследованных нами населенных пунктов — носители царанского (олтенского) говора румынского языка. Носителями этого говора являются большинство румыноязычных жителей общин Заечар, Неготин и Кладово в Сербии, а также соседних районов Болгарии (область Видин).

Для лексики царанского говора характерно широкое использование архаизмов, славизмов, слов с неясной внутренней формой (регионализмов), трансформация значений лексических единиц и ассимиляция лексических заимствований из современного сербского языка.

В данном тексте мы рассмотрим лексические болгаризмы, относящиеся к бытовой лексике, а конкретнее — к таким лексико-семантическим группам, как одежда и предметы домашней обстановки.

Среди названий предметов одежды очевидными заимствованиями из болгарского языка являются, в частности, такие термины, как *pistélcă* или *pristélcă* «фартук», *válnic* «женская несшитая поясная одежда», *propoádă (broboádă)* «полотенчатый головной убор».

Термин *pistélcă (pistélcă, pistélci, pistélcili)*, ж. р. — вариант, зафиксированный в с. Шипиково, или *pristélcă*, ж. р. — вариант, зафиксированный в городке Брегово области Видин в Болгарии, — относится к наиболее архаичной разновидности женской поясной одежды, представляющему собой два фартука,

носимых спереди и сзади. Фартук, носимый спереди, может называться *pistélca dinainte* (букв. «передний фартук»), фартук, носимый сзади, — *pistélca dindărăt* (букв. «задний фартук») (Шипиково). Фартуки бывают шерстяными домоткаными или сшитыми из покупного хлопчатобумажного бархата (последние обычно декорированы вышивкой). Домотканый шерстяной фартук, носимый сзади, декорированный перемежающимися черными и красными либо зелеными вертикальными полосами, мог именоваться *pistélca bugărească* «болгарский фартук» (Шипиково). Такие фартуки были распространены и в области Видин в Болгарии, правда, там их могли носить и спереди [Николова 1983: 52]. Термин *pristêlcă* (*pistêlcă*), произошедший от ст.-слав. *престилати*, *простирати*, вероятно, заимствован румынами у болгар (ср. болг. *престилка* «фартук»; слово *престилка* имеется также в сербских тимокских говорах, в которых заметно болгарское влияние) [Mihail 1978: 92; DEX 1998: 784; Ciogănescu 2007: 593; БТР 1996: 744; Динић 2008: 660]. Термин *pristêlcă* широко распространен и на территории Румынии. В Олтении и юго-западной Мунтении, как и у румын (влахов) восточной Сербии, он употребляется в значении «фартук (передний), являющийся частью двупрестилочной поясной одежды», а в восточной Мунтении, Добрудже и Молдове он обозначает передник, предохраняющий одежду от загрязнений (оба эти значения имеет и слово *престилка* в болгарском языке) [Mihail 1978: 92; БТР 1996: 744].

Термин *vâlnic* (*vâlnicu*, *vâlnice*, *vâlnicili*), ср. р., обозначает более поздний вариант женской поясной одежды — несшитую «юбку» из домотканой шерстяной материи, набранную складками. *Вылник* часто бывает отделан бархатом. Нашитая на него бархатная кайма или вертикальные полосы бархата могут быть декорированы вышивкой или имитирующей вышивку росписью темперой. Термин *vâlnic*, зафиксированный нами в Шипиково, известен влахам-царанам восточной Сербии и северо-западной Болгарии, а также румынам Олтении и Мунтении [Mihail 1978: 94–95; Ciogănescu 2007: 836; Петровић 2014: 47]. Этот термин пришел в румынский язык из болгарского [Mihail 1978: 94–95; Ciogănescu 2007: 836]. У болгар в северо-западных районах

Болгарии аналогичный предмет одежды называется *вълненик* (от *вълна* — «овечья шерсть»), см.: [Николова 1983; БТР 1996: 121]. Слово *влненик*, обозначающее тканую из шерсти женскую поясную одежду, встречается также в сербских тимокских говорах [Динић 2008: 75].

Старинный женский полотенчатый головной убор, сотканный из льняных или хлопчатобумажных нитей или из шелка-сырца, в некоторых влашских (румынских) селах общины Неготин именовался *propoádă* (*propoáda*, *propoáde*, *propoádili*), ж. р., или *broboádă*, ж. р. [Петровић 2014: 48]. Румынское слово *propoádă* (*broboádă*) произошло от болг. диал. *подбрáдка* «платок, завязываемый под подбородком» [DEX 1998: 113; Ciorănescu 2007: 116; БТР 1996: 650]. На территории Румынии этот термин встречается в некоторых районах Олтении, Мунтении, Молдовы и Добруджи [Mihail 1978: 236]. Другое название этого головного убора — *sovón* ср. р., зафиксированное нами в с. Милошево (Колограш) общины Неготин, — румынские исследователи считают связанным по происхождению с болгарским словом *saván* (которое, в свою очередь, вероятно, произошло от церк.-слав. *савань* < н.-греч. *ζάβανον* ‘саван’ < араб. *sabanijjat* «ткань, которая вырабатывалась в Сабане под Багдадом», ср. также рус. *саван*, алб. *savan*) [DEX 1998: 1005; Ciorănescu 2007: 733; БТР 1996: 854; Фасмер]. У румын, живущих в разных регионах, слово *sovón* может иметь разные значения: в западной Мунтении — «платок, которым закрывают лицо невесты, повязывая ей голову по-женски», в восточной Мунтении — «платье, которое дарит невесте посаженная мать», в сербском Банате — «полотно, которое дарит невесте посаженная мать», в Молдове, Буковине и Трансильвании — «саван» [Scriban 1939: 1005; Ciorănescu 2007: 733].

Займствованным от болгар считается и термин старославянского происхождения *opíncă* (*opínca*, *opínci*, *opíncili*), ж. р. — от ст.-слав. **опьнькъ* через болг. *опинки*, *опинци* (ед. ч. *опиняк*), ср. также макед. *опинци*, серб. *опанци* (ед. ч. *опанак*, в тимокских говорах — *опьнци*, ед. ч. *опьньк*), алб. *opíngat*. Термин обозначает традиционную обувь из сыромятной кожи, характерную для всех балканских народов [см.: Florescu 1957;

Mihail 1978: 153; Ciorănescu 2007: 561; БТР 1996: 570; Динић 2008: 527].

Среди названий предметов мебели очевидным болгаризмом является название сундука для приданого — *lăcră* (*lăcra*, *lăcre*, *lăcrili*), ж. р., произошедшее от болг. *păkla* «сундук». Болгарское слово *păkla*, в свою очередь, произошло от ст.-слав. *paка* «могила» [MDA 2002; БТР 1996: 827; Фасмер]. Нужно отметить, что подобный переход значения (когда термин, в одном регионе обозначающий сундук для приданого, в другом обозначает гроб) довольно часто встречается в румынских говорах.

Перечисленные термины румынские лингвисты признают заимствованиями из болгарского языка. Кроме них, имеются и другие слова, относящиеся к рассматриваемым лексико-семантическим группам, которые находят соответствия в болгарском языке. Это, в частности, термины славянского происхождения:

ciurăg (*ciurăgu*, *ciurăge*, *ciurăgili*), ср. р., «верхняя часть рубахи, блузка» (< ст.-слав. *чьнагъ* «нагрудный карман», ср. болг. *чепак* «грудь рубахи», серб. *чпаг* «карман») [Mihail 1978: 53; Ciorănescu 2007: 208];

poală (*poála*, *poále*, *poálili*), ж. р., (обычно употребляется во мн. ч. — *poále*) «нижняя часть рубахи, нижняя юбка» (< ст.-слав. *пола*, ср. арум. *poálă* «фартук», болг. *пола* «нижняя часть одежды», «юбка», серб. *пола* «половина», др.-рус. *пола* «кусочек ткани, занавес», рус. и укр. *пола*) [Mihail 1978: 59; Ciorănescu 2007: 613; DEX 1998: 812–813; Parahagi 1963: 870; БТР 1996: 672; Фасмер];

sojós (*sojócu*, *sojóase*, *sojóacili*), ср. р., «мужская и женская верхняя одежда из овчины» (< ст.-слав. *кожухъ*, ср. болг., укр. и рус. *кожу́х*, серб. *ко́жух*, словен. *kóžuh*, чеш. *kožich*, слвц. *kožich*, польск. *kożuch*, в.-луж. *kožuch*, н.-луж. *kóžuch*, белор. *кажу́х*) [Ciorănescu 2007: 224; БТР 1996: 367; Фасмер];

cără (*căpra*, *cărpe*, *cărpili*), ж. р., «женский головной платок» (< ст.-слав. **кърпа*, ср. болг. *кърпа* «платок (в т. ч. головной), полотенце», макед. *крна* «тряпка, лоскут, полотенце», серб. *крна* «тряпка», серб. диал. тимок. *крна* «большой белый х/б платок», арум. *cîrpă* «носовой платок») [Ciorănescu 2007: 202; Parahagi 1963: 291; БТР 1996: 404; Динић 2008: 364]. В значении «головной платок», как мы видим, это слово упо-

требляется в румынском и болгарском языках и в тимокских говорах сербского. В то же время и в стандартном румынском языке, и в диалекте влахов-царан слово *cârpă* имеет два значения — «платок» и «тряпка». Для обозначения головного платка, чтобы отличить его от тряпки, влахи-царане могут использовать словосочетание *cârpă de împropodî* (букв. «платок для повязывания»). Этимология глагола *a împropodî* «повязывать» аналогична этимологии существительного *propoádă* (см. выше; ср. также болг. глагол *подбрадѝ* и серб. диал. тимок. *подбра̀ду*) [БТР 1996: 650; Динић 2008: 590];

а также термины турецкого происхождения:

colán (*colánu*, *colánuri*, *colánurili*), ср. р., «узкий женский пояс» (с. Велики Ясеновац) (< тур. *kolan* «лента, тесьма», «ремень», «подпруга», ср. также н.-гр. *κολάμι* «пояс», алб. *kolan* «пояс», «подпруга, чересседельник», болг. *колѝн* «пояс, ремень», «подпруга, чересседельник», макед. *колан* «подпруга», серб. *колан* «подпруга», «поясок женский», арум. *coláne*, *kuláne* «ожерелье», «пояс кожаный») [Крстић 2011: 19; Гирфанова (рук.): 653–654; Scriban 1939; БТР 1996: 369]. На территории Румынии термин *colán* известен в Мунтении, Молдове и Добрудже [Гирфанова (рук.): 653–654];

raftá (*raftáua*, *raftále*, *raftálili*), ж. р., «пряжка женского пояса» (< тур. *rafta* «металлические пластинки или бляшки (украшение сбруи)» < перс. *bafta* id.). В румынский язык это слово, возможно, пришло через болг. *пафта* «пряжка женского пояса» или серб. *пафта* «женский пояс», «пряжка», «пояс священника» [Гирфанова (рук.): 821; Scriban 1939; Ciorănescu 2007: 570; БТР 1996: 620]. Ср. также арум. и мегленорум. *raftă* «пряжка женского пояса» [Ciorănescu 2007: 570; Papahagi 1963: 812];

iléc (*ilécu*, *iléci*, *ilécili* или *ilécuri*, *ilécurili*), ср. р., «безрукавка» (< тур. *yelek* < араб., ср. болг. *елѝк*, серб. *јѝлек*, н.-греч. *γελέκι*, *γελέχι*, алб. *jelek*, арум. *ilécă*, *iléke*) [Mihail 1978: 134; DEX 1998: 474; Ciorănescu 2007: 412; Papahagi 1963: 573; БТР 1996: 215; Голант, Новик 2019: 72–99];

giubeá (*giubeáua*, *giubéle*, *giubélili*), ж. р., «верхняя одежда из белого сукна» (< тур. *cübbe*, *cüppe* «платье, халат» < ит. *giubba* «куртка», «безрукавка» (ит. слово могло произойти от араб.

al-ğubban, al-ğobban), ср. болг. *джубе* «верхняя зимняя одежда» (устар.), серб. *џубе*, алб. *xhybe*, н.-греч. *τζουμπές* [Mihail 1978: 115; DEX 1998: 424; Ciorănescu 2007: 168–169; БЕР 1962; БТР 1996: 170; Гирфанова (рук.): 229; Голант, Новик 2019: 72–99];

chëbă (chëba, chëbe, chëbili), ж. р., «короткая верхняя одежда из темного сукна» (Шипиково) (< тур. *kebe* «войлочный ковер», «войлочная куртка», ср. также болг. *кебе* «шерстяное одеяло (ковер)», «плащ», серб. *ћебе* «одеяло», арум. *kibëte* «накидка» [Mihail 1978: 129; Гирфанова (рук.): 598; Голант, Новик 2019: 72–99]). Данный термин пришел к влахам-царанам, а также к жителям Олтении и ряда других районов Румынии либо через посредство болгарского языка, либо непосредственно из турецкого. В румынском Банате, где сильно сербское влияние, зафиксированы формы *cëbă* и *şëbă* [Гирфанова (рук.): 598; Голант, Новик 2019: 72–99];

fes (fësu, fësurî, fësurîri), ср. р., «шапка (современная, сшитая из шерстяной ткани или вязаная)», «феска» (< тур. *fäs* — от названия марокканского города Фес, араб. *Fez, Fās*, ср. болг. и серб. *фес*, арум. *fese*, н.-греч. *φέσι*, алб. *fes, feste*) [Ciorănescu 2007: 326; Prahagi 1963: 455; БТР 1996: 1018; Гирфанова (рук.): 380; Голант, Новик 2019: 72–99];

cieráp (cierápu, cierápi, cierápii), м. р., «чулок, носок» — общерум. (станд. рум. *ciorápi*), известен также у арумын (*čîuráp*) и мегленорумын (*čărap*) (< тур. *çorap*, ср. болг. *чоран*, серб. *чарána*, алб. *çorap*, н.-греч. *τσουράπι*) [Mihail 1978: 238; Ciorănescu 2007: 196; БТР 1996: 1070; Гирфанова (рук.): 277–278];

tufléc (tuflécu, tufléce, tuflécili), ср. р., (Шипиково), вар. *tufléc* «соломенный тюфяк» (< тур. диал. *tüflek*, ср. болг. разг. *тюфлèк* «соломенный матрац»; ср. рус. *тюфяк*, диал. *тюшàк* < тат. *tüšak* 'перина, матрац', тур. *düşak* и др. [Dicționar de arhaisme... 2002; Лјубиша лу Божа Кићи 2004: 99¹; БТР 1996: 993; Гирфанова (рук.): 1026; Фасмер];

cérgă (cérga, cérgi, cérgili), ж. р., «покрывало». Слово широко распространено в рум. говорах (преимущественно в значении

¹ В словаре Любиши лу Божа Кичи, разработавшего свой вариант «влашского» алфавита на основе кириллицы, это слово присутствует в форме существительного с определенным артиклем — *туфјеку*) [Лјубиша лу Божа Кићи 2004: 99].

«покрывало», реже «полотно для шатра»), ср. также арум. *sergǎ* (*čergǎ*) «ковер», «покрывало», «тент», «палатка», мегленорум. *sergǎ* «палатка», тур. *çerge* «палатка, шатер, юрта», «навес», алб. *cérgë* «паутина», «тряпка», «покрывало (из козьей шерсти)», н.-греч. τσέρρα «покрывало (шерстяное)», «шатёр», болг. *чѐрга* «грубо тканая подстилка или покрывало/одеяло», диал. «половик» (*парцалева черга* «половик, тканый из нарезанной на тонкие полосы старой одежды»), но также *чергър* «кочевник», «цыган», *чергѝло* «крыша над повозкой», серб. *черга* «шатер (цыганский)», «покрывало (из конопля)», «холст, рядно», цыган. *čerga* «шатер» [Ciorănescu 2007: 171; Papahagi 1963: 352; БТР 1996: 1062; Гирфанова (рук.): 257–258]. А. Чорэнеску предполагал изначальное происхождение этого слова от лат. *serica*, *sericorum* «шелковые ткани или платья», которое могло проникнуть в новогреческий язык, из новогреческого — в турецкий, а из турецкого — в болгарский и сербский [Ciorănescu 2007];

cearșáv (*cearșávu*, *cearșávuri*, *cearșávurili*), ср. р., «простыня». Слово присутствует в том же значении в стандартном румынском языке, но в стандартном румынском оканчивается на глухой согласный, а не на звонкий (*cearșaf*, *cearșafuri*). Более характерно для южных районов Румынии — Олтении, Мунтении, Добруджи, в прошлом употреблялось также в значении «отрез ткани (на чалму, шаль)», «ассигнация (1000 лей)» (арго, уст.). От тур. *çarşaf* «простыня», «покрывало (на кровать)», «чаршаф (женское покрывало)», ср. арум. *circeáfe* (*čirčéáfe*) «покрывало», «скатерть», болг. *чаршàф* «простыня», серб. *чáршав* «скатерть», «простыня», алб. *çarçáf* «покрывало», «простыня», «чадра, паранджа», н.-греч. τσαρσάφι «покрывало (пожилых мусульманок)», «простыня», «пододеяльник», τσартσάφι «простыня» [Ciorănescu 2007: 165; Papahagi 1963: 361; БТР 1996: 1059; Гирфанова (рук.): 246–247];

iorgán (*iorgánu*, *iorgáne*, *iorgánili*), ср. р., «одеяло» (< тур. *yorgan*, ср. также болг. *юргáн*, *йоргáн*, *ергáн* «одеяло», «перина», серб. *jorgan* «одеяло», арум. *iurgánu*, мегленорум. *iurgan(e)*, алб. *jorgán*, *jergan* «одеяло», «покрывало», н.-греч. γιорγάνι, γιорγkάνι, γιουργáνι, γ'ουργáν [Ciorănescu 2007: 434; БТР 1996: 1089; Гирфанова (рук.): 1090–1091]). Современные словари

дают это слово с пометой «регионализм», оно встречается на территории румынского Баната, Мунтении и Молдовы (в значениях «одеяло» и «покрывало») [Gămulescu 1964: 209–227; Гирфанова (рук.): 1090–1091];

chilim (*chilimu*, *chilimuri*, *chilimurili*), ср. р., «ковер (безворсовый)», «покрывало (шерстяное, тканое в ковровой технике)» (< тур. *kilim* «килим (ковер безворсовый)» < иран. *gilim* «ковер», ср. арум. *kilim*, *kilime*, *kilume* «ковер», мегленорум. *chilime*, болг. *килим* (вар. *келим*, *кюлюм*) «ковер», макед. *килим* «ковер», серб. *ћилим* (в сербских тимокских говорах *килим*) «ковер», алб. *qilim*, н.-греч. *κίλιμι* «ковер (из грубой шерсти, цветастый, с геометрическими рисунками)», венг. *kilim* «ковер», польск. *kilim*, укр. *килим*, рус. *килим*) [Ciorănescu 2007: 178; Parahigi 1963: 601–602; Гирфанова (рук.): 628; БТР 1996: 357; Динић 2008: 330; Фасмер]. Современные румынские словари дают это слово с пометой «регионализм», оно встречается на территории Олтении, Мунтении, Добруджи и Трансильвании; в румынских говорах Баната оно встречается в форме *cilim* и пришло в эти говоры из сербского языка) [Gămulescu 1964: 209–227; Гирфанова (рук.): 628].

В настоящее время, опираясь на результаты исследований лексики, обозначающей предметы одежды и домашней обстановки, можно говорить о том, что отличительной особенностью рассматриваемого говора является именно то, что в нем присутствует ряд заимствований из болгарского языка и что некоторые турцизмы появились в нем посредством болгарского языка, а не сербского, как в банатских говорах (ср., напр., олтен. *chilim* и банат. *cilim*). Изучение говоров и традиционной культуры вlahов-царан восточной Сербии особенно актуально в связи с тем, что бóльшая часть опубликованных в последние годы работ, посвященных вlahам (румынам) восточной Сербии, освещает язык и культуру других групп вlahов.

Литература

БЕР — Български етимологичен речник. София, 1971. Т. 1: А–З. ХСVI.

БТР — Български тълковен речник. София, 1996.

Гирфанова (рук.) — *Гирфанова А. Х., Лопашов Ю. А., Петрович С., Сухачёв Н. Л.* Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы: Опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных / под общ. ред. Н. Л. Сухачёва. СПб. (Рукопись).

Голант Н. Г., Новик А. А. Терминология одежды влахов-царан Восточной Сербии и Северо-Западной Болгарии // Балканистика. Алтаистика. Общее языкознание: Памяти Альбины Хакимовны Гирфановой (1957–2018). СПб., 2019. С. 72–99.

Динић Ј. Тимочки диалекатски речник. Београд, 2008.

Крстић Д. Вечити круг: појасеви Етнолошке збирке Народног музеја у Зајечару. Зајечар, 2011.

Љубишиа лу Божа Кићи. Ворбарју вларумјнеск-србјеск. Влашко-српски речник. Бор, 2004.

Николова М. Народни носии от Видински окръг. София, 1983.

Петровић Е. Водич кроз етнолошку збирку Музеја Крајине. Неготин, 2014.

Фасмер — Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>.

Ciorănescu A. Dicționarul etimologic al limbii române. București, 2007.

Dicționar de arhaisme și regionalisme 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://dexonline.wikitip.info/?s=tufec>.

DEX — Dicționarul explicativ al limbii române. Ed. a II-a. București, 1998.

Florescu F. B. Opincile la români. București, 1957.

Gămulescu D. Împrumuturi lexicale sîrbocroate în Banat (pe baza ALR) // Romanoslavica. № 10. București, 1964. 209–227. о.

MDA — Micul dicționar academic. Ediția a II. București, 2002.

Mihail Z. Terminologia portului popular românesc în perspectiva etnolingvistică compărată sud-est europeană. București, 1978.

Papahagi T. Dicționarul dialectului aromîn general și etimologic. București, 1963.

Scriban A. Dicționarul limbii românești. Iași, 1939.

О. В. Гусева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ПОЛЬСКОЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ МЕСТОИМЕНИЕ *coś* В НАРЕЧНОЙ И КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ И СПОСОБЫ ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена анализу способов перевода польского неопределенного местоимения *coś* на русский язык и зависимости переводческого решения от семантической нагрузки лексемы и от контекста. Наша цель — рассмотреть семантику польского местоимения *coś* (*что-то*) в наречной и количественной функции и способы его перевода на русский язык на материале Польско-русского и русско-польского параллельного корпуса, подготовленного в Варшавском университете (далее ПК, <http://pol-ros.polon.uw.edu.pl/>) в сотрудничестве с создателями Национального корпуса русского языка и Национального корпуса польского языка. ПК, созданный для нужд переводоведения, лексикографии и лингводидактики, представляет собой собрание оригинальных польских и русских текстов вместе с их переводами (соответственно на русский или польский язык). В корпус вошли как художественные, так и общественно-политические, юридические и религиозные тексты. Объем корпуса — 30 миллионов слов.

Среди исследователей нет единого мнения относительно частеречной принадлежности русской лексемы *что-то* в тех случаях, когда она используется в адвербиальных позициях, напр. *Ты что-то бледная*. Так, Л. Л. Иомдин пишет о наречии *что-то* [Иомдин 2004], А. А. Зализняк и Е. В. Падучева в совместной статье рассматривают *что-то* как дискурсивное слово [Зализняк, Падучева 2019], Е. Бужаровска использует для *что-то* термин «прагматический маркер» [Бужаровска 2018]. В статьях, посвященных местоимениям в рамках проекта «Русская корпусная грамматика», Е. В. Падучева относит *что-то* к местоимениям неизвестности, наряду с другими местоимениями серии *на-то* (*какой-то, кто-то, где-то, куда-то, откуда-то, когда-то,*

чей-то, как-то, сколько-то, зачем-то, почему-то, отчего-то), отмечая, что местоимение *что-то* имеет конкретно-референтный статус, т. е. соотносится с фиксированным объектом, но с таким, который говорящий не в состоянии идентифицировать. При этом выделяется, в рамках особых значений местоимения *что-то*, значение ‘почему-то’ [Падучева 2016]. В рамках нашей статьи мы рассматриваем русское *что-то* как неопределенное местоимение, в том числе используемое в наречной функции.

Поиск по ПК для словоформы *coś* в оригинальных текстах на польском языке в ПК дает более 3500 результатов, которые демонстрируют, что польское местоимение *coś* является показателем неопределенности с широким спектром значений. Мы встретили такие варианты перевода, как *что-то, что-нибудь, нечто, кое-что, какой-то, как-то*, местоимения на *-либо*. Единичными можно считать случаи перевода *coś* другими местоимениями неизвестности: *кто-то, где-то, куда-то, когда-то, зачем-то, почему-то*. Также встречаются случаи контекстуального перевода, лексических и грамматических замен, добавлений и нулевого перевода. Используемые переводчиками способы перевода приводят как к сохранению семантики неопределенности, так и к ее ослаблению или полному от нее отказу.

Выступая в наречной функции, польское *coś*, как и русское *что-то*, может выражать различные оттенки отношения говорящего к ситуации: желание обратить внимание рецептора на сообщение, а также неодобрение, беспокойство, стремление ослабить категоричность высказывания. Польские конструкции с *coś* часто содержат отрицание, они констатируют отклонение от нормы, вызывающее ощущение странности, непонимания. В подобных случаях переводчики используют русское *что-то*:

Czechy też ustępować coś nie myślą (Kraszewski Józef Ignacy. Kraków za Łokietka). — *И чехи тоже **что-то** не думают сдаваться* (Крашевский Юзеф Игнацы. Борьба за Краков).

Spostrzeżono wreszcie, że podporucznik Olbromski jest coś zanadto krwią oblany. (Żeromski Stefan. Popioły). — *Наконец все заметили, что подпоручик Ольбромский **что-то** уж очень окровавлен* (Жеромский Стефан. Пепел).

А. А. Зализняк и Е. В. Падучева отмечают «квазипричинное значение» русского *что-то*, выражающее идею «неясной при-

чины», когда за высказыванием с *что-то* следует обсуждение причины описываемого положения дел [Зализняк, Падучева 2019: 4, 6]. Ср. и следующие примеры:

— *Oj, coś mi się to nie podoba — truknął* (Chmielewska Joanna. *Wszyscy jesteście podejrzani*). — *Ox, что-то мне это не нравится, — проворчал он* (Хмелевская Иоанна. Мы все под подозрением).

— *Coś mi się pod skwar jechać nie chce — rzekł chmurno* (Kraszewski Józef Ignacy. *Stara Baśń*). — *Что-то не хочется мне ехать в жару, — сказал он угрюмо* (Крашевский Юзеф Игнаций. Старое предание).

Coś привносит в высказывание личное отношение говорящего, его оценку ситуации, отклоняющейся от нормы. Как и *что-то*, *coś* может появиться в контексте, обозначающем негативное внутреннее состояние:

Bardzo kłopsko się czuję, coś mnie okropnie boli, ale sam nie wiem co (Konwicki Tadeusz. *Kronika wypadków miłosnych*). — *Очень скверно себя чувствую, что-то ужасно болит, сам не пойму, что именно* (Конвицкий Тадеуш. Хроника любовных происшествий).

— *Coś mnie niepokoi w waszym pięknym kraju, mili panowie — zaczął* (Tokarczuk Olga. *Podróż ludzi księgi*). — *Что-то мне не нравится в вашей прекрасной стране, любезные судари, — завывил он* (Токарчук Ольга. Путь Людей Книги).

Coś mnie od razu tknęło. Zawolałam: Marcin! (Andrzejewski Jerzy. *Popiół i diament*). — *Тут меня будто кольнуло что-то, я как закричу: «Марцин!»* (Анджеевский Ежи. Пепел и алмаз).

Как видим, и в этих типах наречных употреблений переводчики выбирают русское местоимение *что-то*. Как пишет Л. Иомдин, «важной семантической особенностью наречия *что-то*, тесно связанной с его принадлежностью к личной сфере говорящего, является эмпатия говорящего к субъекту ситуации, проявляющаяся практически во всех случаях, когда говорящий и одушевленный субъект ситуации не совпадают» [Иомдин 2004: 248].

Еще одним случаем перевода *coś* в наречной функции является перевод русским местоимением неизвестности *почему-*

то — оно появляется, когда *coś* имеет значение «по неизвестной причине, неизвестно / неясно, почему», семантически совпадающее со значением «почему-то»:

Aby jej wyznać, że jadę do Lazaretto, coś mnie od tego powstrzymało (Breza Tadeusz. Urząd). — Я **почему-то** удержался и не сказал ей, что еду в Ладзаретто (Бреза Тадеуш. Лабиринт).

— *Coś mi się zdaje, że Wicio chodzi na działki wojskowe, — powiedziała Cecylia patrząc zażawionym wzrokiem w żółty, frędzlisty abażur lampy* (Konwicki Tadeusz. Kronika wypadków miłosnych). — **Почему-то** мне кажется, что Витек ходит в офицерский поселок, — сказала Цецилия, подняв слезящиеся глаза на желтый абажур с бахромой (Конвицкий Тадеуш. Хроника любовных происшествий).

Coś mnie ciągnie od tych wszystkich szpargałów (Konwicki Tadeusz. Kronika wypadków miłosnych). — А меня **почему-то** тянет ко всей этой макулатуре (Конвицкий Тадеуш. Хроника любовных происшествий).

В сочетании с предлогом «около» *coś* приобретает количественное значение *приблизительно, примерно, около*. При этом значение приблизительности дублируется словом «около»:

Zabawił w jej pokoju coś około godziny (Dołęga-Mostowicz Tadeusz. Pamiętnik Pani Hanki). — Яцек пробыл в ее номере **что-то около часа** (Доленга-Мостович Тадеуш. Дневник любви (Дневник пани Ганки)).

А. А. Зализняк и Е. В. Падучева называют это значение слова *что-то* «количественным (= значение количественной неопределенности)» [Зализняк, Падучева 2019: 3]. Как показывают примеры, переводчик может отказаться от дублирования семантики приблизительности неопределенным *coś*, сохранив при переводе лишь часть конструкции, и передать количественную неопределенность аппроксиматорами «около» или «почти»:

Do lasu było coś około sześciu kilometrów i tam spędzali czas do wieczora, a wieczorem Leszek odwoził Marysię znowu do Radoliszek, a sam okrężną drogą wracał do Ludwikowa (Dołęga-Mostowicz Tadeusz. Znachor). — До леса было **около шести**

километров. Там они проводили время до вечера, а когда начинало смеркаться, Лешек отвозил Марысю под Радолишки, а сам окружной дорогой возвращался в Людвиково (Доленга-Мостович Тадеуш. Знахарь).

Obliczyła się i ze zdumieniem myślała, gdzie ona wydała i na co w przeciągu pięciu tygodni coś około dwustu rubli, z którymi przyjechała z Bukowca (Reymont Władysław. Komediantka). — *Подсчитав деньги, девушка с недоумением соображала, куда и на что потратила за пять недель почти две сотни, привезенные из Буковца* (Реймонт Владислав. Кomediantka).

То же значение приблизительности выражает конструкция *coś ze* в сочетании с числительным. Как показал наш материал, при переводе данной конструкции неопределенные местоимения не употребляются. Зафиксировано несколько вариантов переводческих решений, в основном с использованием разнообразных средств выражения приблизительности (аппроксимации):

1) перевод при помощи аппроксиматора «почти»:

Robiono próby coś ze trzy miesiące, bo kilka razy zmieniał się skład grających (Reymont Władysław. Komediantka). — *Penетии длились почти три месяца, так как несколько раз менялся состав участников* (Реймонт Владислав. Кomediantka);

2) использование аппроксимативной инверсии:

Staruszek, którego tytułowano panem profesorem, był głuchawy, i to mocno. Toteż pani domu musiała mu powtarzać bardzo głośno swoje spostrzeżenie o wadzie niepunktualności coś ze cztery razy. Za każdym razem profesor powtarzał: — Przepraszam, że co? (Dołęga-Mostowicz Tadeusz. Kariera Nikodema Dyzmy). — *Старичок, которого величали профессором, был глуховат, и даже изрядно, потому что хозяйке пришлось повторить свое замечание о непунктуальности раза четыре, и каждый раз профессор переспрашивал: — Извините, что, что?* (Доленга-Мостович Тадеуш. Карьера Никодима Дызмы);

3) «интервальная» аппроксимация:

Byli tylko panowie i coś pięć czy sześć starszych pań (Dołęga-Mostowicz Tadeusz. Kariera Nikodema Dyzmy). — *Пришли почти одни мужчины, было только пять-шесть пожилых дам* (Доленга-Мостович Тадеуш. Карьера Никодима Дызмы).

При их отсутствии семантика количественной приближенности в переводе снимается:

— *Coś pięćdziesiąt dwa tysiące* (Dołęga-Mostowicz Tadeusz. Pamiętnik Pani Hanki). — *Пятьдесят две тысячи* (Доленга-Мостович Тадеуш. Дневник любви (Дневник пани Ганки)).

Таким образом, результаты исследования переводческих соответствий для словоформы *coś* в наречной и количественной функциях дают интересный материал для выявления переводческих соответствий такой, казалось бы, знакомой лексической единицы, для которой параллельные словари предлагают лишь устоявшиеся эквиваленты *что-то* и *что-нибудь*. Анализ способов перевода расширяет наши представления о семантическом значении местоимения *coś* и влиянии контекста на решение переводчика.

Литература

Бужаровска Е. Прагматичкиот маркер «что-то» во рускиот јазик во споредба со македонското «нешто» // Македонско-руски јазични, литературни и културни врски / Б. Мирчевска-Бошева (уред.). № 7. Скопје, 2018.

Зализняк А. А., Падучева Е. В. Русское «что-то» как дискурсивное слово // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог 2019», Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г. Вып. 18 (25). М.: РГГУ, 2019.

Иомдин Л. Л. Лексикографический портрет наречия *что-то* // Труды Международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. М.: Наука, 2004.

Падучева Е. В. Местоимения неизвестности. [Электронный ресурс]. М., 2016. URL: http://rusgram.ru/Местоимения_неизвестности (дата обращения: 05.04.2020).

Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / Pod red. R. Grzegorzczkovej i in. Warszawa: PWN, 1999.

Haspelmath M. Indefinite Pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Polsko-rosyjski i rosyjsko-polski korpus równoległy. Польско-русский и русско-польский параллельный корпус. [Электронный ресурс]. URL: <http://pol-ros.polon.uw.edu.pl/index.php?id=01&lang=pl> (дата обращения: 05.04.2020).

Н. М. Калашникова

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия

Э. С. Банкова

Институт культурного наследия Академии наук Молдовы, Кишинев

О РОЛИ ПРИДАНОГО В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ БЕССАРАБСКИХ БОЛГАР

Полевые исследования, проводившиеся в 2015–2017 гг. в рамках гранта РГНФ/РФФИ¹, позволили получить дополнительную информацию о свадьбах бессарабских болгар и атрибутике, сопровождавшей эти действия, в том числе о роли приданого в подготовке и проведении одного из важнейших семейных праздников. Полевые материалы собирались в селах Твардица, Кортен, Валя-Пержей, Тараклия и Кайраклия Тараклийского района, расположенных на юге Республики Молдова. Работа проводилась в рамках гранта РГНФ/РФФИ проекта № 15-01-00376/15 «Болгары Молдовы, Украины и России. Опыт жизни в диаспоре»².

Традиционная свадьба у бессарабских болгар в конце XIX — начале XX в. представляла собой целый комплекс обычаев и обрядов, в проведении которых немаловажную роль играли атрибуты, служившие отличительным признаком свадебного действия. Так, при успешном сватовстве, когда невеста и ее родители давали согласие на свадьбу и устраивали помолвку (*годеж*), перед тем как сесть за стол, обе стороны одаривали друг друга. Невеста получала в подарок от родителей жениха *нишанлийски дрехи* (нарядную одежду) и нити бус из перламутра (*седефени нишанлийски маниста*), которые она надевала на сельские праздники, чтобы все видели, что она просватана.

© Калашникова Н. М., Банкова Э. С., 2020

¹ Работа проводилась в рамках гранта РГНФ/РФФИ проекта № 15-01-00376/15 «Болгары Молдовы, Украины и России. Опыт жизни в диаспоре».

² Полевые материалы автора 2015–2017 гг. В статье приводится терминология, зафиксированная во время экспедиций 2015–2017 гг. в селах Твардица, Кортен, Валя-Пержей, Тараклия и Кайраклия Тараклийского района Республики Молдова.

Утром после помолвки невеста одаривала всех будущих родственников со стороны жениха ткаными и вышитыми полотенцами и шерстяными отрезами ткани. Свекровь часто дарила невесте золотой крестик и одежду. Во время *годежа* было принято договариваться также о дарах гостям на свадьбе и о приданом (*чеиз*).

Следует отметить, что в христианской традиции наличие приданого объяснялось тем, что жена поступала на содержание в семью мужа. В связи с этим понятна заинтересованность в приданом родителей жениха, к которым должна была переехать будущая жена их сына. Сбором приданого занималась мать девушки, а позднее в этот процесс включалась и сама невеста. В традиционный набор приданого многих славянских народов входили изделия домашнего обихода, в первую очередь — сделанные вручную предметы убранства интерьера (матрасы, подушки, домотканые наволочки, простыни, одеяла, ковры), а также элементы одежды и украшения. Подобное имущество обычно хранилось в одном или нескольких сундуках. Позднее к вещам стали добавляться значительные суммы денег и ценных бумаг.

По свидетельству информантов, в с. Валя-Пержей родственники жениха дарили платье, фартук, туфли, серьги, которые невеста должна была надеть в день свадьбы, а также зеркало, золотые или серебряные монеты (*алтънчета*). В с. Кортен брат жениха — деверь (*девяр*) приносил в дар невесте от жениха на большом подносе с вышитым полотенцем платье (*рокля*), два головных платка (*барез и калинкер*), шерстяной фартук (*пRESTИЛКА*), бусы (*синци*), серебряные или медные браслеты (*интишии*), оригинальные серебряные пряжки для вышитого пояса (*нуфти, нафти*), а также металлическое украшение — *игла*, ношение которой было обязательным для сосватанной девушки и являлось знаком помолвки. *Игла* прикреплялась к платку невесты, и ее снимали только после свадьбы. Таких украшений в селе оставались единицы, их брали в долг на время свадебного действия. Важно отметить, что все подаренные сосватанной девушке вещи она должна была надевать до свадьбы, как вспоминали информанты, особенно в праздничные дни, когда во всех болгарских селах проводились сельские хороводы — *хоро*.

Накануне предсвадебной недели все приданое (*чеиз*) принято было укладывать в сундук (*в лавицу*). Этот ритуал называется *редене на дрехи* (осмотр вещей): вещи, подготовленные для *чеиза*, вынимали из сундука и складывали на сундук — сначала *дюшеци* (матрасы), *юргани* (одеяла), *черги* (коврики), затем покрывала и скатерти (*завивки* и *покривки*), полотенца (*пешкири*). Завершали эту стопку вещей 5–6 перьевых подушек в вышитых и обвязанных кружевами наволочках. Сундук с приданым, достигающим до потолка, устанавливали в углу большой комнаты, где затем наряжали невесту (*пребулване на булката*). На приданое невесты приходили посмотреть родственники, соседи и просто односельчане.

Существовали определенные представления о количестве приданого: каждая девушка должна была иметь не меньше двух тканых матрасов (*дюшек*), двух тканых шерстяных одеял (*юрган*), 6–8 подушек, простыни (*прустинета*), покрывала для кровати, полотняные платья, вышитые по подолу и груди (*платнени ризи, нашишти по пазвите и полите*), различные платки (*месали и кърпи*), тканые ковры и килимы, связанные крючком кружева (*тантели*), шерстяные платья, а также верхнюю зимнюю одежду. Считалось необходимым, чтобы в приданое входило особое женское платье, которое служило бы ей до конца жизни, а также ковры и коврики для стен, пола, лавок — *килими, черги*; покрывала, скатерти, подушки и т. д. Приданое складывали в деревянный красивый сундук (*сандък*), изготовленный специально для этой цели. В подготовке приданого участвовали мать невесты, сестры и подруги. От его количества и качества зависело отношение к ней родственников и соседей жениха. По качеству *чеиза* судили о невесте как о хорошей ткачихе, рукодельнице, будущей хозяйке. В более поздние времена стали включать в приданое фабричные ткани и предметы быта.

По воспоминаниям информантов, обилие украшений, большое число элементов брачного наряда невесты, богатая вышивка одежды были призваны не только отвлекать взгляды посторонних от самой девушки, чтобы избежать порчи, но и обеспечить новобрачной богатую, изобильную жизнь. В исследуемых селах подвенечное платье (*венчана рокля*), фартук (*престилка*), обувь, полученные от жениха, приносили в дом

невесты в субботу вечером. Важно отметить, что в свадебном наряде бессарабской болгарки в конце XIX — начале XX в. преобладали красный и белый цвета, символизирующие плодородие и богатство, здоровье и чистоту невесты. Каждая девушка шила для своей свадьбы нижнюю рубашку, которую она надевала под свадебное платье. Эта рубашка была богато вышита по вороту и особенно по подолу. В комплект свадебного костюма входила также вторая нижняя рубашка, совершенно не украшенная. Эту рубашку, предназначенную для первой брачной ночи, которую дарила невесте свекровь на помолвке (*годеж*), было принято показывать на свадьбе.

Фату, веночек, зеркало и другие атрибуты свадебного костюма невесты у болгар подготавливала *кума* (посаженная мать), которая приносила их в день свадьбы. В ее обязанности входило также причесывание невесты, вплетание в косу алой ленты, укрепление косы на затылке с подвязыванием ленты таким образом, чтобы она была видна. Затем невесту прикрывали фатой (*прекривка, було, вало, дувак, фата*), укрепляли на голове веночек из восковых цветов (*перо*), привязывали ко лбу ленточку с тонкими длинными ниточками золотистого цвета (*тел, сирма*). В конце этого ритуала кума подносила невесте зеркало и прикрепляла к правой руке невесты отрез дорогой ткани. При этом до середины XX в. эта ткань должна была быть красного цвета.

Свадебный наряд жениха обычно был просто праздничным костюмом, который жениху дарила мать невесты на помолвке (*годеж*). Единственным отличием свадебного костюма жениха от праздничного был обязательный аксессуар — свадебный цветок, который кума прикрепляла на правую сторону костюма. До начала XX в. болгарская невеста в Бессарабии обязательно дарила жениху самые красивые полотенца, изготовленные специально для этого случая, которыми на свадьбе перепоясывали жениха.

Таким образом, благодаря проведенным полевым исследованиям в селах Тараклийского района Республики Молдовы (2015–2017), были получены данные, позволившие уточнить существовавшую информацию о составе приданого бессарабских болгар.

Л. Б. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева, Самара, Россия

РОССИЙСКО-БОЛГАРСКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ СВЯЗИ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Традиция российско-болгарских гуманитарных связей измеряется тысячелетием. В особенности ретроспективный взгляд убеждает в том, что эта традиция имеет непреходящий характер, что исторические судьбы наших народов при любых обстоятельствах неразрывны.

1. Исторические и культурные начала, соединяющие Россию и Болгарию

Если говорить о том, что нас объединяет, то раньше, чем что-либо другое, — генетические корни. Южные славяне, к которым относятся болгары, и восточные славяне дольше других славянских племен оставались на территории прародины, откуда в VI в. южные славяне проникли на Балканский полуостров, а восточные — расселились на север, на Восточно-Европейскую равнину, в Поволжье. Славян на Дунае и на Волге сближает не только изначальное родство, но и контакты с соседями. На Дунае и Волге славяне взаимодействовали с тюркоязычными протоболгарами. Отсюда сходство топонимов — Дунайская Болгария и Волжская Булгария, город Болгар на Волге. Таким образом, родство болгар и русских является не языковой метафорой, а фактом генетической истории и антропологии. Общность происхождения народов обусловила родство языков, в силу которого значительная часть исконной лексики оказывается общей. Поэтому болгарину близки и понятны стихи Пушкина, Лермонтова и Есенина, а русский услышит родные мотивы, близкий строй речи и понятные слова в строках Ботева, Дебелянова, Вапцарова.

Не только происхождение роднит русский и болгарский языки, но еще в большей мере евангельское начало, общая православная вера, единый язык наших православных Церквей — церковнославянский язык. Источник религиозных и культурных оснований общий — византийская православная духовная традиция. Созданный на основе солунского говора болгарского языка славянскими первоучителями древнецерковнославянский (древнеболгарский, в Болгарии его называют *старобългарски*) язык стал наднациональным и послужил основой для русского литературного языка, в функциональную парадигму которого родственный церковнославянский язык входил на правах основной системы. Русский язык в древний период был насыщен славянизмами, они и сегодня оттеняют его южнославянскими красками. Русские говорят не *хожение*, а *хождение*, а также *пробуждение*, *рождение* и т. д. Любопытно, что в русском языке звукосочетание [жд] представлено даже шире, чем в древнеболгарском языке, откуда оно пришло.

В силу исторических обстоятельств именно русский литературный язык стал прямым восприемником церковнославянской традиции. Поэтому в эпоху славянского возрождения — во второй половине XIX в. — не только церковнославянский язык русского извода, но и русский литературный язык стал служить языком славянского единения и источником для восстановления утраченных в условиях иноязычного влияния форм. Проф. Л. Андрейчин относил такие слова, как *небрежен*, *състояние*, *отчуждавам*, *преждевременен*, к заимствованиям из русского языка. Однако для русского языка их соответствия являются безусловными генетическими славянизмами, содержащими древнеболгарские фонетические и словообразовательные элементы. Такие примеры — результат взаимодействия двух языков, воспринимающих речевые ресурсы из родственного источника как из общего фонда. Поэтому следует говорить не только об историческом родстве, но и о взаимосвязанном развитии наших языков.

В истории двух народов известны целые эпохи взаимонаправленных влияний, обеспечивших гармоничное развитие родственных традиций. Межславянское взаимодействие в сфе-

рах церковно-служебной практики, литературы, иконописного и певческого искусства характеризуется взаимным обменом и взаимодополняемостью. В периоды Киевского государства и Московии Русь, воспринимая византийские традиции в значительной мере через болгарскую культуру, испытала воздействие двух культурных потоков, известных как первое и второе южнославянские влияния. «Славяне общались с Византией не один на один, а через посредство общей им всем промежуточной культуры, в создании которой громадная роль принадлежала болгарам» [Лихачев 1973: 7].

Православное начало и общее письмо сшивает в одну книгу тексты наших культур. Это не только метафора, есть и реальные факты. Таков, например, «Успенский сборник XII в.», в котором собраны и южнославянские тексты (древнейший список Пространного жития Мефодия, Похвальное слово Кириллу и Мефодию и др.), и древнерусские (Житие Бориса и Глеба, Житие Феодосия Печерского и др.). Общим истоком славянской духовной и письменной традиции послужили осуществленные святыми Кириллом и Мефодием переводы Библии с греческого на славянский язык. Созданная святым Кириллом азбука глаголица — общий исток славянской книжной традиции, а кириллица, которой мы обязаны, по всей видимости, ближайшему из учеников Кирилла — Клименту, архиепископу Охридскому, — историческое лоно нашей культуры [Карпенко 2009: 16–39].

Первое южнославянское влияние на Руси связано с «золотым веком древнеболгарской письменности» [Калиганов 2006: 14], оно охватывает исторический период X–XIII вв., когда в переводе древнеболгарских книжников получили распространение религиозные и философские идеи писателей ранней патристики, а также были созданы такие значительные оригинальные сочинения древнеболгарских авторов, как «Азбучная молитва», «Проглас» к Евангелию, «О письменах», «Шестоднев» и др. Писатели золотого века Климент Охридский, Константин Преславский, Черноризец Храбр, Иоанн Экзарх Болгарский, царь Симеон в значительной мере определили интеллектуально-книжную атмосферу культуры Киевской Руси. Со вторым южнославянским влиянием, начало которого приходится на

время деятельности митрополита Московского и всея Руси, болгарина по происхождению, святителя Киприана, связана корректировка письменной нормы русского языка, ее сближение с южнославянскими нормами.

После падения Византии и когда Болгария, потеряв государственность, находилась под гнетом турецкого рабства, Московская Русь обеспечивала сохранение православной культуры и книжности. В течение столетий денежные и книжные пожертвования русских царей и патриархов поддерживали деятельность болгарских монастырей [Снегарев 1953: 26–53]. Всемерной была поддержка Россией болгарского народа в последующие периоды — возрождения, освобождения и строительства болгарской государственности.

Символами общей истории являются и Царь-освободитель Александр II, и важный национальный праздник болгар — 3 марта, День освобождения от османского ига, которое стало возможным в результате общей победы российской армии и болгарских ополченцев в Освободительной русско-турецкой войне. Героической страницей этой войны стали битва при Стара-Загоре и оборона Шипкинского перевала. Боевой дух ополченцев поднимало Самарское знамя, вышитое монахинями Самарского Иверского женского монастыря, переданное ополченцам «от всей земли русской». Запечатленная в реликвиях, таких как символизирующая Христа глаголица, как Самарское знамя, как Шипка, Алеша, как Русская церковь в Софии, историческая память становится символом духовного единства, непоколебимости нравственных начал, лежащих в основе русско-болгарских связей.

Отдельную яркую страницу представляет история всестороннего сотрудничества в эпоху социализма, когда советский и болгарский народы называли себя народами-братьями и имели широко развитые экономические связи между национальными системами, входившими в единый Совет экономической взаимопомощи. Тогда прямые партнерские связи поддерживались не только на межгосударственном уровне, но и на уровне отдельных городов, предприятий, творческих коллективов, научных и учебных заведений. Связи городов-побратимов знаменовали поезда и полеты дружбы. В то время переводилось и издавалось все лучшее, что было создано в двух национальных

литературах. О реалиях того времени говорят и тысячные тиражи переведенных изданий.

2. Культурные акции последних лет

И сегодня интерес двух народов друг к другу очевиден, ежегодно с целью укрепления двусторонних связей при содействии посольств России и Болгарии организуются культурные акции — Дни России в Болгарии и Дни Болгарии в российских регионах. Значительный импульс им придан акциями перекрестных годов России и Болгарии. Таким был 2009 г., который прошел как Год Болгарии в России. В рамках Года Болгарии состоялось значительное количество политических, деловых, научных и культурных мероприятий: концерты болгарских классических и фольклорных коллективов в Большом театре, концерт Лили Ивановой в театре им. Станиславского и Немировича-Данченко, выставки болгарского изобразительного искусства и фотографии в российских музеях.

Научная часть Года Болгарии в России включала конференции и встречи в академических институтах Москвы и Санкт-Петербурга, столичных университетах и вузах провинции. Основная их проблематика: история Освободительной русско-турецкой войны, образ России в Болгарии, образ Болгарии в России, проблемы происхождения славянской письменности, история болгаристики в России. В Москве, в Институте славяноведения РАН, состоялась международная конференция историков двух стран на тему «Россия — Болгария: векторы взаимопонимания: XVIII–XXI вв.». Значительность этой конференции была отмечена участием в ней премьер-министра Болгарии А. Станишева. Конференция была посвящена главным образом истории Освободительной русско-турецкой войны. Другая общая тема конференции — «Русские и болгары: стереотипы восприятия друг друга».

В Санкт-Петербурге, в Институте русской литературы РАН (Пушкинском Доме) в октябре 2010 г. состоялась крупная международная научная конференция филологов на тему «Россия в многополярном мире: образ России в Болгарии, образ Болгарии

в России». Она была подготовлена в рамках договора между Институтом русской литературы РАН и Институтом литературы БАН. Одной из центральных стала тема Болгарии в первых переводах с болгарского языка на русский. В то же время в Санкт-Петербурге, в Библиотеке Академии наук, состоялись Державинские чтения, проведенные славистами СПбГУ с участием сотрудников Эрмитажа и коллег из Института литературы БАН. Затрагивались темы истории болгаристики в СПбГУ, болгарской темы в русской литературе, роли русской режиссерской школы в становлении болгарского театра и др.

В сентябре 2010 г. в Петербурге, в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского, состоялась международная конференция на тему «Послания кириллицы», посвященная Году Болгарии в России и 10-летней годовщине со дня смерти академика Д. С. Лихачева. Обсуждались проблемы происхождения и современного состояния славянской письменности. В конференции участвовали Людмила Димитрова, директор Института культуры Министерства иностранных дел Республики Болгария, и известные ученые Софийского и Пловдивского университетов — А. Джурова, Р. Божанкова, Д. Чешмеджиев. В вузах России проходили дни славянской письменности, посвященные Году Болгарии в России. Акция Года Болгарии позволила жителям Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Нижнего Новгорода, Ярославля ближе познакомиться с болгарской культурой.

В то же время в Болгарии проходили представительные акции, посвященные России. В 2013 г., в год 1150-летия славянской письменности, в Софии состоялись посвященные памяти академика Д. С. Лихачева мероприятия, организованные Союзом болгарских журналистов, Интернациональным клубом лауреатов международного знака общественного признания «Серебряный голубь» при содействии представительства Россотрудничества в Болгарии. При Союзе болгарских журналистов был учрежден Клуб академика Д. С. Лихачева. В канун Дня славянской письменности Союз болгарских журналистов провел в Русском культурно-информационном центре торжественный вечер в память об академике Лихачеве и в связи с презентацией второго издания книги К. Каневой «Симметрия времени. Встречи и беседы с академиком Дмитрием Лихаче-

вым. Письма. Автографы». Наполнены многочисленными событиями двусторонних связей и последующие годы. В 2015 г., объявленном перекрестным Годом туризма, были осуществлены многочисленные паломнические поездки при содействии Русской и Болгарской православных церквей.

Не менее масштабны и события минувшего 2019 г. 7 июля исполнилось 140 лет дипломатическим отношениям России и Болгарии, в связи с чем в Болгарии была выпущена юбилейная почтовая марка «140 лет дипломатическим отношениям Республики Болгария и Российской Федерации» (автор Г. Павлов). 140-летие установления дипломатических отношений между Россией и Болгарией было отмечено рядом мероприятий. 14 июня 2019 г. в МГИМО состоялась международная конференция «140 лет установления дипломатических отношений между Россией и Болгарией» с участием ректора А. В. Торкунова, Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Болгария в Российской Федерации А. Крыстина и директора Института славяноведения РАН К. В. Никифорова.

1 июля 2019 г. в Институте исторических исследований БАН состоялся приуроченный к 140-летию установления дипломатических отношений между Болгарией и Россией круглый стол на тему «Славянская взаимность между искушениями миром и испытаниями войной (Итоги XX века)». В июле 2019 г. в зале им. М. Дринова БАН состоялась юбилейная болгарско-российская конференция «Болгария — Россия. 140 лет дипломатических отношений: История, состояние, перспективы». В работе конференции приняли участие Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Республике Болгария А. А. Макаров, дипломаты, общественные и государственные деятели, представители науки двух стран. На конференции был представлен сборник документов «Союзная контрольная комиссия в Болгарии (ноябрь 1944 — декабрь 1947 г.)», составленный сотрудниками Института славяноведения РАН и Института исторических исследований БАН.

Большую роль в сохранении традиционных российско-болгарских связей играет университетская славистика, которая зародилась в России в 30-е гг. XIX в. и которой изначально было присуще качество интегративности, поскольку наука про-

буждалась стремлением осмыслить общее роднящее начало славянских народов, их языков и культур, увидеть в них исконное целое [Карпенко 2007: 176–177]. Рождение российской университетской славистической школы связано с именами О. М. Бодянского, И. И. Срезневского, И. П. Прейса, В. И. Григоровича и др. В послевоенное время были возрождены кафедры славянской филологии, восстановлена традиция изучения живых славянских языков. В 1944 г. в четырех университетах Советского Союза — Московском, Ленинградском, Киевском и Львовском — были созданы славянские отделения. Благодаря усилиям профессоров П. А. Андреева и Г. И. Сафронова была заведена практика приглашения из славянских стран лекторов для преподавания славянских языков на кафедрах славянской филологии ведущих университетов страны. С 1970-х гг. работает институт лекторов в Санкт-Петербургском университете, благодаря чему студенты успешно овладевают славянскими языками, ближе знакомятся с литературой и культурой славянских народов [Шанова 2016: 23].

Сегодня болгарский язык, литература и культура изучаются в ряде университетов России. В МГУ, СПбГУ и МГИМО МИД России болгарский язык изучается в качестве первого иностранного языка на бакалавриате и в магистратуре. В Самарском национальном исследовательском университете, Иркутском государственном университете и в ряде других вузов болгарский язык изучается в качестве второго славянского языка. Ежегодно в Самарском университете проводятся начатые в 1977 г. и ставшие традиционными Кирилло-Мефодиевские чтения, участие в которых принимали ученые и писатели из разных славянских стран, в том числе проф. С. Николова из Кирилло-Мефодиевского научного центра БАН, проф. А. Федотов из Софийского университета им. Климента Охридского, болгарская писательница и журналистка К. Канева и др.

Студенты, изучающие болгарский язык в российских вузах, участвуют в разных мероприятиях, связанных с болгарской историей и культурой. Студенты и аспиранты кафедры славянской филологии СПбГУ регулярно отмечают болгарские национальные и народные календарные праздники — День

будителей, День болгарских студентов, День Освобождения Болгарии от османского ига, 24 мая (в Болгарии — *Ден на българската просвета и култура и на славянската писменост*, а в России — День славянской письменности), ежегодно участвуют в конкурсах переводов современной прозы, организованных лекторатом болгарского языка, кафедрой славянской филологии и Болгарским культурным институтом в Москве [Стоянова 2015: 117; Стоянова 2018: 707]. В мае 2019 г. студенты МГИМО МИД России, СПбГУ и Самарского университета приняли участие в традиционной акции «Написаното остава. Пиши правилно!», организованной в связи с праздником 24 мая Институтом болгарского языка им. проф. Л. Андрейчина БАН.

Примеров сохранения традиции исторических и культурных связей между Россией и Болгарией множество. Они свидетельствуют о том, что и сегодня Россию и Болгарию связывают по-настоящему глубокие, основанные на нераздельных исторических судьбах и переживаниях, отношения духовного, языкового и культурного родства.

Литература

Калиганов И. И. Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Русь // *Веков связующая нить*. М., 2006.

Карпенко Л. Б. Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2009. Т. 27, № 2.

Карпенко Л. Б. Исторический опыт отечественного славяноведения // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Филология. Филология*. 2007. № 2.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. Л., 1973.

Снегарев И. Културни и политически връзки между България и Русия през XVI–XVIII вв. София, 1953.

Стоянова Р. Българистиката в Санктпетербургския държавен университет: история и настояще // *Български език и литература*. 2018. № 6 (60).

Стоянова Р. Продължаваме с достойнство една богата традиция // *Лекторатите — български културни територии по света*. Ин-

тервьюта с лектори по български език, литература и култура в чуждестранни университети / Т. Дикова, М. Падешка (съст.). София, 2015.

Шанова З. К. Лекторы из Болгарии // XXI Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: Сборник статей по материалам XLV Международной филологической конференции. Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г. / ред. О. В. Васильева и З. К. Шанова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2016.

Н. В. Сивенкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ЯЗЫК И СТИЛЬ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА СМИ (на материале болгарского языка)

В медиалингвистике в наши дни выделяют несколько крупных направлений исследований: 1) определение внутрилингвистического статуса языка СМИ; 2) возможности функционально-стилевой дифференциации медиадискурса; 3) типология медиаречи; 4) лингвостилистические особенности основных типов медиатекстов; 5) экстралингвистические составляющие медиадискурса; 6) лингвомедийные технологии воздействия на индивидуальное и массовое сознание (лингвистическая составляющая техник пропаганды, манипуляции, приемов информационной политики и информационного менеджмента, связей с общественностью); 7) сопоставительное изучение лингвомедийных практик различных стран, см.: [Добросклонская 2016]. Из приведенной схемы очевидно, что объект медиалингвистики является также объектом ряда смежных дисциплин. И внутри самой медиалингвистики эти границы весьма условны: функционально-стилевая дифференциация и технологии воздействия имеют столь тесную связь, что выделять их в самостоятельные течения довольно трудно. Осложняет работу исследователей и то, что бурно развивается и меняется не только сама дисциплина, но и объект, который она исследует. Как провести границу между «языком

СМИ» и «языком общения посредством компьютера» (болг. *компютърно опосредствана комуникация*, КОК)? Язык «компьютерно-опосредованных» СМИ не только обладает большей свободой как в стилистическом, так и в грамматическом плане по сравнению с «докомпьютерной» эрой, но и поражает размытием нормы и тем, что это разрушение проводится целенаправленно, не по ошибке. Язык СМИ дополняется новыми каналами воздействия, т. е. читатель неизбежно выходит из сферы представления о языке как о вербальной системе на уровень системы семиотической, где в дополнение к вербальной компоненте существуют информационные «подсказки» и «помехи» иного плана. Исследователи обращают внимание на то, что для анализа КОК необходим междисциплинарный подход. *«За да могат обаче лингвистичните явления да бъдат ефективно описани, те трябва да бъдат разгледани в контекста на цялостното общуване, което протича във форума. Затова подходът, който ще се използва, ще бъде интердисциплинарен, включващ перспективата на дискурс анализа, прагматиката, функционалната стилистика и отчасти социолингвистиката»* [Тодорова 2015: 6].

Новые явления требуют новых наименований. В язык науки входят понятия КОК и КОД (*компютърно опосредствана комуникация* и *компютърно опосредстван дискурс* соответственно). На терминологический статус претендуют и лексемы «*виртуален*», «*реален*» (ср. *«Въпреки своето разпространение, понятията виртуален и реален все още не са намерили своята точна дефиниция. Те често се противопоставят, като се набляга на вторичността на виртуалното пространство, на разликите му с реалността офлайн...»* [Тодорова 2015: 10]). Говорится даже о «реальной виртуальности», с акцентом на то, что у виртуального опыта реалистическая природа. Компьютерно-опосредованные жанры СМИ в этом отношении также занимают пограничное положение: по своему смысловому наполнению они должны быть тесно привязаны к реальному миру, но в силу своей специфической подачи они весьма «виртуализируются», отрываются от реальности, что проявляется и в их языке. Но несмотря на этот отрыв информация, поданная через такие СМИ, воспри-

нимается как реальный опыт (собственно, это и лежит в основе манипуляций и пропаганды). Б. Тодорова обращает внимание на то, что жанры КОК занимают также промежуточное положение между устной и письменной речью и могут быть подразделены на синхронные и асинхронные. Виртуальная коммуникация может приводить к последствиям в реальности: *«перформънси», «флашмобове»*. В языке СМИ это пограничное состояние между устной и письменной речью, спонтанной и заранее подготовленной, гипотетической и фактологически выверенной заметнее, нежели в других типах текста. Нестабильна и форма такого текста: *«Те образуват езиков континуум, като има ситуации, в които езикът се доближава до най-формалните жанрове на книжовния език, а в други има типични черти, характерни за нестандартта»* [Тодорова 2015: 13].

Анализ КОД и КОК, интернет-языка и языка интернет-СМИ привел к появлению в лингвистической терминологии ряда неологизмов, часть из которых связана с необходимостью типологизации новых форм коммуникации: *«Така говорим за онлайн чат, блогове, социални мрежи, микроблогове и други видове социални медии. Всеки от тези софтуерни жанрове може да съдържа функционални жанрове, различаващи се по съдържание, насоченост и стил»* [Тодорова 2015: 19]. Мы можем дополнить этот перечень. Приведенные ниже лексемы собраны по материалам различных сайтов, мы приводим словоформы в их оригинальном написании): *аудио подкастите, аудиоблогът, биогинята, баргър, бизблог, блоадвъртайзинг, блог, блогвай, блогването, блогвърт, блогинар, блогирането, блогоспасяващи, блогосфера, блогосфери, блог-пожелания, блогрол, блогролове, блогър, видео, видеоблог, влог, глогинки, глогове, едублог, е-книга, лого, мапинг, медиа, медици, медийна, медия, метаблогове, метаезика, метафон, метафори, микроблогове, милблог, мрежата, мрежи, мултимодалност, платформи, пльгини, подкастове, рейтинг и социално маркиране, социални блогове, споделяне, техблог, уеб, уеббазирана, уебдизайн, уеб логове, уебмастър, уебписане, уеб-сайт, уикита, форумът, фотоблог, фотоблогъри.*

Не все из перечисленных форм относятся к языку СМИ. Но что из этого перечня является лишь формой подачи, технической чертой, а что задействовано в СМИ именно как

средство воздействия и имеет функциональную нагрузку? Даже если читатель ищет просто «новости» в надежде получить достоверную информацию, его мозг при чтении таких новостей воспринимает множество информационных шумов, помех — от случайной рекламы (а ведь есть еще таргетированная) до комментариев, не запланированных автором новостной заметки. При этом «язык» всех этих семиотических подсистем будет существенно отличаться. Существенно отличаются устная, письменная и устно-письменная форма языка СМИ, а в некоторых жанрах мы видим гибридные формы, где часть материала, например, интервью, является устной, текст под видеосюжетом — письменной, а комментарии под ними — устно-письменной. Более того, для телепередач характерен стиль «подчеркнутой демократизации». Болгарские исследователи отмечают наличие в медийном дискурсе *«характерната за разговорно-битовия стил фамилиарност и относителна симетричност в разпределението на комуникативната власт между участниците в общуването, изразяващи се в използването на ти-форми и говоренето на прякори, малки и умалителни имена, включително и към събеседници с висок социален статус [Добрева 2004]»* (цит. по [Александрова 2016: 67]). Предельным выражением этой «демократизации» являются комментарии к статьям в интернет-СМИ, в которых преобладает демонстративное разрушение языковой нормы, особенно при негативной оценке сообщения. На наш взгляд, в таких типах текста эксплуатируется понятие антитезы, которая с точки зрения грамматики текста получает новое, не присущее текстам «доинтернетной» эпохи, воплощение. Исследователи обращают внимание на такие примеры: «речникът на комуникантите, скрити зад маската на анонимността, е застрашен от обезличаване, екстремно огрубяване и вулгаризация, и/или технократизация» [Попова, Попова 2016: 96]¹.

¹ «Свидетелство за това е ескалацията на инвективи и експлетиви в коментарния форум по темата ‘Бойко Борисов освиркан в Благоевград — обижда хората!’, която е доминираща сред 53-те публикации (<http://spodeli.eu/>). Сред тях е малък делът на средства като прецедентност и словообразователна трансформация, в които водещ е стремежът към образност, колоритност, експресивност, срв. напр.: трябва да му викат „Разбойко”» (контаминация на разбойник и Бойко) [Попова, Попова 2016].

Одним из ключевых, если не самым важным для СМИ, является понятие «прецедент». Однако его толкование бывает неоднозначным. В статье, как правило, рассматривается факт, имевший место в реальном (не виртуальном) пространстве. Поэтому с лингвистической точки зрения нормой является использование форм изъявительного наклонения. Двадцать лет назад злоупотребление формами пересказа в публицистике являлось грубой стилистической ошибкой. *«Преизказните форми, изразяващи резервирано отношение на говорещия към излаганите действия, са присъщи предимно на разговорния стил <...> Те се допускат и в публицистическия стил — напр., в политически статии и съобщения (за да се изрази чрез тях резервирано отношение на говорещия към съобщаваните действия)»* [Станков 1994: 201]. Анализирую подкорпус новостных текстов по адресу http://ibl.bas.bg/en/BGNC_bg, можно заметить, что заметок, содержащих формы пересказа, даже при цитировании или косвенном указании на источник сообщения практически нет. Исследуя корпус, мы можем прийти к выводу, что данное правило стилистики соблюдается. Однако исследователи довольно часто обращают внимание на то, что современная пресса (и интернет-СМИ в том числе) злоупотребляют формами пересказа. Об этом же говорит и наш читательский опыт: из 10 заметок, выпадающих в «ленту новостей» или присылаемых по электронной рассылке, одно, два, а то и четыре будут содержать формы на -л: пересказ в чистом виде, перфект с оттенком предположения и т. п. Это может быть оправдано, если речь идет о полукриминальном сюжете: *«155 акта от 5000 лева, заради неспазване на мерките срещу разпространението на коронавируса, научи репортер на Plovdiv24. bg. За вчера бяха 92. 39-годишната Траянка Славчева се препичала спокойно на слънце с чаша кафе в ръка на улица „Крайречна“ 14 в Столипиново, когато униформени я забелязали и попитали защо седи безцелно на улицата, жената започнала да пелтечи и три пъти променила обясненията си пред полицията. Първо заявила, че ходила до аптеката, а след това тотално се объркала. Полицаяте съставили акт за 5000 лева на жителката на Столипиново. Цял ден служители от Специ-*

ализираните сили, моторизираното звено „Сигма“ и 6-то РУ следят положението в Столипиново. Полиции с кучета приканват ромите да се прибират по домовете си»¹. Почти весь текст изложен в специфических формах, придающих новостной заметке характер сплетни. Но к этой же стратегии прибегают авторы статей на политические темы, претендующие на способность формировать представления о межгосударственных отношениях на самом высоком уровне. Показательна заметка «Дезинформацията на Русия срещу Запада се завърна, се паника за коронавируса»². Заголовок подан в индикативе (хотя очень часто, когда речь заходит о России, именно в заголовке встречаются формы пересказа). Первый абзац (а именно он является наиболее значимым для восприятия) содержит формы перфекта (изъявительное наклонение) и цитирование «авторитетного» источника: «Руските медии са разгърнали „значителна дезинформационна кампания“ срещу Запада, за да влошат въздействието от новия коронавирус, да създадат паника и да посеят недоверие. Това се посочва във вътрешен документ на Европейския съюз, видян от „Ройтерс“». Эта же мысль, вербализованная уже дважды — в заголовке и первом абзаце, подается и в третий раз, в форме настоящего времени: «Продължава значителната дезинформационна кампания на руските държавни медии и прокремълските медии относно COVID-19, се подчертава във вътрешния документ от 16 март». Эта же мысль повторяется в различных вариациях с четвертого по седьмой абзац статьи, с использованием форм настоящего времени, между которыми вставляются яркие (иногда еще и выделенные жирным шрифтом) клише и другие словосочетания: *да влоши кризата, разрушаване устоите, лансирайки фалшиви новини, противоречиви, обърквачи и злонамерени информации, 80 случая на дезинформация*. Итак, с первого по четвертый абзац идет пересказ информации, полученной из нескольких источников, но формы глаголов при этом катего-

¹ <https://www.plovdiv24.bg/novini//send/950749.html>.

² https://news.bg/int-politics/dezinformatsiyata-na-rusiya-sreshtu-zapada-se-zavarna-see-panika-za-koronavirusa.html&redirect_uri=https://news.bg/int-politics/dezinformatsiyata-na-rusiya-sreshtu-zapada-se-zavarna-see-panika-za-koronavirusa.html.

рично «достоверные». В седьмом и восьмом абзацах как бы представлена противоположная точка зрения (длина абзацев при этом в два раза меньше предыдущих): *«Говорителят на Кремъл Дмитрий Песков коментира въпроса, като увери, че твърденията, че Русия провежда дезинформационна кампания за пандемията от коронавирус, били безпочвени и били израз на липсата на здрав разум. Песков отбеляза, че можел да каже нещо по-категорично за тези твърдения, ако името на поне една медия е било споменато в документа»*. Филолога такой подход ставит в тупик, т. к. непонятно, какой критерий является ключевым для обозначения эвиденциальности?¹

Поражает, когда подобные маркеры недостоверности вкрапляются в «научный» текст в СМИ. Рассмотрим пример, в котором репортер начинает беседу странными словами: *«Акад. Гълъбов, не е ли парадоксално, че генетиката се разминава с официалната историография на България?»* В ходе дискуссии выясняется, что *«По принцип по време на социализма въпросът за прабългарския ни произход беше ерес. Ние трябваше да доказваме, че сме напълно близки с братята славяни от изток. Добре, че беше академик Лихачов, та руснаците признаха Кирил и Методий. Дотогава смятаха, че дори азбуката е създадена от техни хора — писали на брезови кори»*². Научный факт существования берестяных грамот подвергается сомнению — форма пересказа указывает на то, что это «недостоверная» информация, все прочие высказывания категорично утвердительны и в рамках норм литературного языка. Заголовок

¹ Мы используем термин эвиденциальность, следуя за Р. Ницоловой [Ницолова 2009]. Е. Търпоманова в работе *«Евиденциалност в балканските езици»* обращает внимание на становление терминологии в данной области: *«Отделно във всеки език, в който се среща категорията евиденциалност и тя е обект на изследване и изясняване, се предлагат или се утвърждават разнообразни термини. В българския — приказно наклонение (Балан 1940), приказно наклонение (Андрейчин 1953), приказни времена, начин на изказване (Станков 1967), модус на изказването (Герджиков 1984/2003), вид на изказването (Куцаров 2007) и др., като едва напоследък се налага евиденциалност (напр. в Ницолова 2008). В албански почти няма отклонения от термина *të njëra habitore* (учудващо наклонение), а *evidencialitet* (евиденциалност) се използва като название за категория, която все пак е по-различна от албанската (Ismajli 2012: 477)»* (цит. по [Търпоманова 2015: 22]).

² <https://www.168chasa.bg/article/8179250>.

в индикативе (т. е. это как бы «не желтая пресса»). Заголовок данной заметки гласит: «*Акад. Ангел Гълъбов: Европейци сме, нямаме нищо общо с руснаците*» (противопоставление построено так, что из него логически вытекает «неевропейскость» России, которая потом «доказывается» текстом заметки).

Такое вольное и фривольное обращение с грамматическими конструкциями расшатывает не только языковую норму. Исследователи обращают внимание на тот тревожный факт, что *«медийте са мощен генератор и творчески модератор на въображаеми, прецизно селектирани и умело филтрирани компенсаторни светове, чиито измерения се трансформират екстремално, ловко и непредвидимо, за да отговарят адекватно на изискванията на властовия елит»* [Гецов 2016: 30]. Медийный язык оказался мощным средством формирования новой среды — виртуальной реальности, полуправды, броско именуемой ныне «постправдой». Болгарская статья на Википедии «*Политика на постистината*»¹ вслед за англоязычной и русскоязычной версией этой страницы отмечает, что *«Постистината се различава от традиционното оспорване и фалшифициране на истината с това, че първостепенно значение се придава на емоциите»*. В сознание культурного читателя и потребителя новостей вводится понятие, ранее отсутствовавшее в поле эвиденциальности: «неложь&неистина». Этот неологизм все прочнее входит в употребление, в 2016 г. слово *post-truth* использовалось так часто, что было объявлено Оксфордским словарем английского языка словом 2016 года. Ключевым моментом становится невозможность получить реальное представление о мире, т. к. *«медийте, като креативни „машини за илюзии“, го пренасят в митологизирана реалност, необратимо и безнаказано узурпирайки действителността»* [Гецов 2016: 30]. Как следствие возникает *«дезорентацията, апатията, социалния миметизъм, чувството за обреченост, афинитета към битов окултизъм»* [Гецов 2016: 30].

Но лингвокультурное отчуждение проводится СМИ не только путем «грамматических» нюансировок. Исследователь одно-

¹ https://bg.wikipedia.org/wiki/Политика_на_постистината.

го из форумов обращает внимание на то, что русизмы, которые были хорошо знакомы старшему поколению болгар, сейчас меняют свою стилистическую окраску. *«Тъй като русизмите не са характерни за публичния език от последните две десетилетия, те често са неразпознаваеми за по-младите потребители във форума. Ето защо употребата им е силно ограничена»* [Тодорова 2015: 158–159]. Среди примеров, указанных Б. Тодоровой, большая часть имеет иронично-пренебрежительную окраску: *«Просто ва осведомявам, че все още съм тука, не съм забегнал с деньгити»* [Тодорова 2015: 158]. В данном примере русское слово «деньги» (болг. *пари*) употреблено с артиклем, хотя и неправильным, подчиняясь правилам болгарской грамматики. Текст СМИ должен быть ярким, завлекать и продавать. В наши дни явно смещается акцент с информативной функции публицистического текста на его форму. Отклонение от нормы не только не порицается, оно приветствуется. Даже в теле текста (если мы не будем рассматривать заметку вместе с комментариями к ней как единое целое, а в сознание читателя они попадают именно в комплекте, иногда роль комментариев даже сильнее текста-опоры) все чаще встречаются те элементы языковой системы, которые были нежелательны, а то и недопустимы с точки зрения функционального стиля. *«Журналистите използват различни похвати, създадени чрез езика: гръмки заглавия; употреба на разговорна лексика дори при обяснението на сложни политически и научни факти. Журналистите допускат в текстовете цитирането на немаркирани от книжовното произношение реплики. „Героите“ на журналистическите текстове нахлуват със своето просторечие, диалектност и жаргонност в изказа. С висока фреквентност са жаргонните изрази, фразеологизмите и прякорите»* [Русева-Пеева 2016: 100]. И если в язык СМИ диалектизмы, просторечие и жаргон «вторгаются, врываются» (*нахлуват*), будучи там нежелательными, то для некоторых жанров КОК они могут оказаться главным параметром. Интересны наблюдения С. Мицовой над языком некоторых групп в сети Фейсбук, где использование того или иного диалекта обязательно: *«Ако преди навлизането на IT технологиите в ежедневието на обикновения българин диа-*

лектът беше възприеман като провинциална отживелица, то сега, когато заради интернет светът е превърнат в глобално село, той вече се възприема като „завръщане към корените“» [Мицова 2017: 38].

Эмоциональный накал, столь необходимый для артефакта в эпоху постправды, может быть достигнут и другими путями. Излюбленным стилистическим приемом для авторов публицистических текстов является метафора, которую, по наблюдениям филологов, некоторые используют для манипуляции общественным сознанием: *«Очевидно употребата на метафори в медиите има за цел и да забавлява техните аудитории. <...> често стремежът за манипулиране на общественото мнение е маскиран именно като езикова игра» [Досев 2016: 78].* В заметке, которая, видимо, в 2012 г. была размещена на сайте по адресу <http://setimes.com/>, но ныне недоступна, безобидно говорится о возрастающей роли социальных сетей.¹ *«...Фейсбук е безценен, защото там няма цензура. <...> „Фейсбук е платформа. Той позволява на всички да станат медия, а и всички искат да привлекат вниманието към себе си, затова толкова много хора го използват“, каза Михаил Михайлов, интернет предприемач и популярен блогер. Но и тук има капани. „Първоначално хората са склонни да вярват на всичко, което виждат. Много хора действат инстинктивно, когато видят нещо, и са готови да му повярват. Едва по-късно те проверяват достоверността му“».* Мы видим, что интернет-СМИ переняли у социальных сетей устно-письменную форму, стремление к синхронности передачи текста и, главное, акцент на эмоциональное воздействие в ущерб информативной достоверности. Под влиянием этих процессов в СМИ даже

¹ Заметка называется «Земетресението показва нарастващата роля на социалните медии», опубликована 24/05/2012 (цит. по подкорпусу новостных текстов). Издание, по данным Википедии, это «*Southeast European Times — информационный веб-сайт, спонсируемый Европейским командованием Соединенных Штатов, посвященный освещению Юго-Восточной Европы, который прекратил публикацию в марте 2015 года. В число охватываемых стран входили Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Греция, Черногория, Северная Македония, Румыния, Сербия и Турция <...> Некоторые материалы были выпущены в виде двуязычных корпусов для обработки естественного языка <http://nlp.ffzg.hr/resources/corpora/setimes/>».*

такая эвиденциальная категория как пересказ начинает трансформироваться, становясь в большей мере «удивляющим» наклонением, нежели «несвидетельским повествованием».

Многое в понятийном аппарате языка СМИ еще нужно уточнять. Например, говоря о политическом дискурсе, С. Петкова-Калева констатирует: «Как разновидность виртуального дискурса политический форумный комментарий (ФК) несет в себе основные характеристики виртуального дискурса в целом: гипертекстуальность, мозаичность, интерактивность, глобальность, анонимность, креативность, субъективность» [Петкова-Калева 2016: 88]. Нужно ли дополнять такими категориями грамматику текста или лингвистические словари? Как их измерять и дифференцировать? Подводя итоги, можно отметить, что при исследовании современных текстов интернет-СМИ филология, лингвистика, медиалингвистика, стилистика и другие дисциплины вынуждены вводить новый понятийный аппарат: использовать не только те неологизмы, которые фиксируют появление де-факто новых форм коммуникации (*подкаст, блог, форум* и т. п.), но новые текстовые категории, даже новые «экзистенциально»-бытийные понятия вроде «постправды».

Литература

Аврамова В. Н. Прецедентность или квазипрецедентность в языке массмедиа // Медиалингвистика. С. 22–23.

Александрова С. Н. За някои изследвания на четивостта в езика на българските медии // Медиалингвистика. Вып. 5. СПб., 2016. С. 66–68.

Гецов А. В. Медиите като средство за масова профанация // Медиалингвистика. С. 29–30.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика в структуре современного языкознания // Медиалингвистика. Вып. 5. СПб., 2016. С. 285–287.

Досев В. Т. Манипулативна употреба на икономически метафори в медийни текстове // Медиалингвистика. Вып. 5. СПб., 2016. С. 76–79.

Корпус от публицистични текстове за Югоизточна Европа. [Электронный ресурс]. URL: <https://dcl.bas.bg/BulNC-registration/#feeds/page/2> (дата обращения: 01.05.2020).

Медиалингвистика. Вып. 5: Язык в координатах массмедиа: Матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (6–9 сентября 2016 г. Вар-

на, България) / отв. ред. В. В. Васильева. СПб.: С.-Петербур. гос. ун-т, 2016.

Мицова С. Диалектът и социалните мрежи. Бележки за фейсбук // Езиков свят (Orbis Linguarum). Vol. 15, issue 1. С. 38–42.

Ницолова Р. Таксис в българском языке // Типология таксисных конструкций: колл. монография / Российская акад. наук, Ин-т лингвистических исслед.; отв. ред. В. С. Храковский. М., 2009.

Петкова-Калева С. Я. Грамматические аспекты политической оценки в наивном политическом дискурсе форумных комментариев // Медиалингвистика. Вып. 5. СПб., 2016. С. 88–90.

Попова В. А., Попова С. Д. Лексикални особености на масмедийния език // Медиалингвистика. Вып. 5. СПб., 2016. С. 94–96.

Русева-Пеева З. Й. Някои аспекти на колоквиализацията в медийния език // Медиалингвистика. Вып. 5. СПб., 2016. С. 99–100.

Станков В. Стилистични и модални особености на глаголни-те категории // Стилистика на съвременния български книжовен език. Велико Търново: Университетско издателство «Св. Кирил и Методий», 1994. С. 187–207.

Тодорова Б. Б. Лингвистични аспекти на компютърно опосредстваната комуникация (по материали от форумите на bg-mamma). Благоевград, 2015.

Търпоманова Е. Евиденциалност в балканските езици: български и албански. София: ИК «Ни плюс», 2015.

М. М. Степанова¹

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ЮМОРА В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ С БОЛГАРСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В настоящее время проблема передачи юмора в кино, телесериалах и телепередачах при переводе их с одного языка на другой стоит очень остро. В последние годы наблюдается уве-

© Степанова М. М., 2020

личение объемов развлекательного аудиовизуального контента, производимого в различных странах, и, соответственно, возникает необходимость его перевода для аудитории других стран. Сегодня очевидна тенденция сближения России и Болгарии, в том числе и в культурном аспекте, и знакомство российской зрительской аудитории с болгарскими фильмами и телесериалами, особенно в жанре комедии и мелодрамы, могло бы послужить укреплению отношений и улучшению имиджа Болгарии и ее народа в представлениях россиян.

Аудиовизуальный перевод (АВП) представляет собой перевод вербального компонента видеоматериала с обязательной синхронизацией вербальных и невербальных компонентов [Matkivska 2014]. Эта синхронизация является специфической характеристикой аудиовизуального перевода, отличающего его и от перевода устного, и от перевода письменного, поскольку переводчику приходится работать не только с текстом, но и с другими аспектами аудиовизуального произведения. Соответственно, и передача юмора в аудиовизуальных произведениях будет иметь свои особенности по сравнению с передачей юмора в печатном тексте.

Юмор, как известно, является одним из наиболее национально обусловленных языковых и культурных явлений. По мнению современных исследователей, чувство юмора является неотъемлемым атрибутом культуры и функционирует как механизм развития культурных норм в общественном и индивидуальном сознании [Иванова и др. 2008]. С точки зрения когнитивной психологии, чувство юмора определяется как способность человека понимать комическое, в том числе вербальный юмор, основанный на неоднозначности языковой единицы. Человек должен удержать в памяти одно значение слова или словосочетания, в то время как в процессе восприятия комического текста его внимание переносится на другое значение [Коншина 2006: 10]. В случае аудиовизуального произведения к вербальной составляющей добавляется визуальная, музыкальная и проч., и часто в фильмах юмористический эффект создается несоответствием вербального и визуального рядов, эффектом «обманутого ожидания».

Понимание юмора, как указывает А. А. Проскурина, зависит от трех факторов: ситуации общения, отправителя и получателя сообщения. Отправитель и получатель сообщения — это «сложные переменные», значение которых определяется множеством факторов [Проскурина 2004: 8]. В понимании юмора задействовано три типа схем: когнитивные, формальные и эмоциональные. Когнитивные схемы обеспечивают понимание семантики высказывания, владение формальными схемами позволяет распознать жанр юмористического дискурса или его семиотику, а эффективность эмоциональных схем означает настрой на соответствующее ситуации общение. В качестве наиболее общего критерия адекватности понимания юмора А. А. Проскурина называет поведение, соответствующее смыслу высказывания. Применительно к юмористическому акту таким желаемым эффектом выступает смех. Будет ли достигнут прагматический эффект шутки, т. е. раздается ли смех, зависит от компетентности адресата, его психологического настроения, соответствия его взглядов и ценностей взглядам и ценностям отправителя шутки [Проскурина 2004: 9].

В случае перевода ситуация существенно усложняется. Как указывает Л. И. Ихсанова, при переводе культурно-обусловленной комичной ситуации смыслы, которые приписываются ей в одной культуре, могут остаться непонятыми представителями другой культуры [Ихсанова 2017]. То, что кажется забавным и смешным представителям одной культуры, может быть абсолютно не смешным представителям другой. Так, многими болгарский юмор воспринимается как «грубоватый», «не интеллектуальный», слишком приземленный. По мнению болгарского исследователя М. Новкова, болгарский телевизионный юмор «низок, груб, вульгарен», физиологичен, он часто направлен на высмеивание различного рода меньшинств (национальных, сексуальных) и политиков [Новков 2008]. В то же время нельзя отрицать и существования вполне интеллектуальных и высококультурных образцов юмора в болгарской литературе и кино. Болгарская смеховая культура имеет богатые традиции, уходящие корнями в сокровищницу балканского фольклора и народного творчества. Смех издревле имеет большое значение в жизни

болгарского народа, шутки, анекдоты, а сегодня и сетевые мемы очень популярны в Болгарии. На первом месте по популярности в настоящее время находятся политические анекдоты, за ними следует бытовой юмор, анекдоты о тещах, дорожной полиции, пьяницах [Диманов 2019]. Можно отметить, что эти темы часто обыгрываются и в российских анекдотах и мемах.

В болгарских фильмах и сериалах можно встретить юмористические высказывания, которые не вызывают проблем при передаче на русский язык и будут восприняты русскоязычной аудиторией с той же смеховой реакцией, как и болгарской. Например, одна из героинь сериала *«Връзки»* рассказывает, что фильм, в котором она снималась, был запрещен. Поскольку речь идет о коммунистических временах, журналист уточняет у нее, по каким причинам: *«По политически ли причини?»* и получает ответ: *«Не, по еротични»*. В переводе на русский язык игра слов сохранена: *«По политическим причинам? Нет, по эротическим»*.

При переводе аудиовизуальных материалов юмористического содержания с болгарского на русский язык наиболее сложным оказывается передача таких моментов, как языковая игра, национальные реалии, аллюзии, а также элементы разговорной речи, характерные для болгарского, но отсутствующие или редко использующиеся в русском языке (например, эмоциональные междометия или прозвища персонажей). В ряде случаев языковую игру удастся передать при помощи схожей языковой игры в русском языке, но часто это невозможно, и переводчику приходится прибегать к различного рода заменам и транскреации, формированию нового высказывания на языке перевода, способного создать нужный юмористический эффект.

Например, в комедийном телесериале *«Господин Хи и море-то»* есть сцена, где главный герой — обаятельный проходимец, выдающий себя за учителя начальной школы, — проводит открытый урок по болгарской грамматике, а ему внимают влюбленные в него матери учеников. Он рассказывает об артикле, который в болгарском языке называется *«член»*. В сцене обыгрываются прямое и переносное значение фраз *«пълнен член»* (полный член) и *«кратък член»* (короткий член). Перевести

это дословно невозможно, поскольку в русской грамматике нет артиклей, а слово «член» используется лишь в значении «член предложения». В переводе придется создавать новую игру слов, используя именно термин «член предложения» и понятия «главный член» и «второстепенный член».

В фильме может встретиться большое количество безэквивалентной лексики или реалий, различные аллюзии, отсылающие зрителя к определенным явлениям национальной культуры, в том числе и юмористическим. Это могут быть отсылки к анекдотам, историческим событиям, персонажам или сюжетам фольклора, литературы или кинематографии — и эти персонажи и сюжеты, хорошо знакомые зрителям одной культуры, могут быть совершенно не известны зрителям в других странах. То же самое касается отсылок к политическим событиям или деятелям современности: обычный российский зритель вряд ли поймет популярные сегодня в Болгарии шутки, касающиеся текущей политической ситуации в стране. В этом случае переводчику рекомендуется делать отсылки к прецедентным феноменам культуры языка перевода, вызывающим аналогичную эмоциональную реакцию, улыбку или смех. Например, вместо цыган как типичных персонажей болгарских анекдотов, можно упомянуть чукчу как типичного персонажа анекдотов советских, имеющего примерно те же стереотипные характеристики.

Кроме того, существуют и определенные культурные ограничения, определяющие степень приемлемого на экране. Так, болгарская шутка, основанная на игре слов «спирка» (остановка) и «свирка» (минет), прозвучавшая в телесериале «*Етажна собственост*», скорее всего, покажется неуместной и неприемлемой для российского зрителя, тем более что сериал рекомендован для семейного просмотра. В этом случае переводчику придется создавать новую шутку, подходящую в контексте показываемого в кадре выступления кандидата в мэры перед горожанами.

Одним из ключевых понятий аудиовизуального перевода является псевдоустьность. Демонстрируемая на экране спонтанность и естественность речи персонажей представляет собой результат планирования и продуманной предварительной работы создателей фильма [Vanos-Pinero и др. 2009]. Псевдоуст-

ность при переводе фильма должна быть передана при помощи соответствующего инструментария псевдоустности в языке перевода. Этот инструментарий, как указывает А. В. Козуляев, затрагивает фонетическую, морфологическую, лексическую, фразеологическую, грамматическую, синтаксическую стороны языка и, что важно для переводчика, часто не совпадает в двух языках из-за различий языкового строя [Козуляев 2018]. В то же время следует отметить, что и близость языков часто вызывает дополнительные сложности. Как показывает анализ перевода с болгарского на русский язык ряда комедийных телесериалов последних лет, переводчики допускают ошибки, вызванные интерференцией близкородственных языков. Такая интерференция, в частности, приводит к нарушению принципа сохранения псевдоустности, характерного для аудиовизуального дискурса.

Классический пример — перевод традиционного болгарского застольного пожелания «*Наздраве!*» как «*На здоровье!*», тогда как в русскоязычной культуре застолья используются другие традиционные формулы. Такую ошибку мы наблюдаем в самой первой серии перевода болгарского телесериала «*Връзки*», где главные герои отмечают день рождения в ресторане. Нарушение принципа псевдоустности создает у зрителя ощущение искусственности, неестественности речи, что может привести к созданию нежелательного комического или раздражающего эффекта и при этом помешать передаче содержащихся в оригинале смыслов, в том числе и юмористического пласта.

Ю. Кудрявцева отмечает присутствие в болгарских фильмах и сериалах множества таких характерных для современной болгарской разговорной речи элементов, как эмоциональные частицы и междометия (*бре, бе, ма*), неформальные обращения (*нич, маце, брат, братче, батко, копеле* и др.), прозвища [Кудрявцева 2017]. Неформальные обращения имеют высокую частотность в болгарской разговорной речи, тогда как их русские аналоги (*чувак, пацан, братан*) не настолько распространены в разговорном русском языке в функции обращения и поэтому их слишком частое повторение может быть воспринято носителем русского языка как неуместное, что вызывает необходимость их опущения в переводе или замены другими лексическими единицами.

В то же время перевод прозвищ обычно не вызывает проблем, поскольку они, как правило, имеют ясную мотивировку, которая отражается и на экране: например, *Киро Христианина* (персонаж болгарского телесериала «*Пътят на честта*») подчеркивает свою набожность, в кадре постоянно видны его четки, он читает молитвы и т. д. Соответственно, его прозвище и в русском переводе может быть передано как *Киро Христианин*.

Еще одной сложностью, возникающей при переводе юмористических аудиовизуальных произведений, является передача национальных акцентов. Так, например, для болгарских комедий довольно типичным является персонаж «русская жена». Как правило, это активная женщина средних лет, выросшая в одной из республик бывшего Советского Союза, а затем вышедшая замуж за болгарина и живущая в Болгарии (см., например, телесериал «*Английска съсед*» или кинофильм «*Летовници*»). Этот комедийный персонаж отличают такие лингвистические характеристики, как русский акцент и присутствие в болгарской речи большого количества русизмов. Передача этих характеристик речи при переводе на русский язык закономерно вызывает сложности. Здесь можно предложить использовать какой-либо региональный акцент русского языка и речь, отличающуюся элементами неграмотности, наличием просторечных выражений, диалектизмов.

Можно сделать вывод, что перевод юмора в аудиовизуальных произведениях в близкородственных языках представляет собой весьма серьезную проблему, поскольку при кажущейся схожести и простоте чисто лингвистических соответствий различаются особенности речевого узуса целевых аудиторий, восприятие визуального ряда, а также общекультурный контекст. Поэтому «феномен обманутых ожиданий» достаточно часто оказывается смазанным тем, что зритель иной культуры не понимает или не сразу понимает комические различия. Нельзя не отметить, что аудиовизуальные произведения обладают свойством потóковости, т. е. темп подачи материала (в отличие от чтения, например, письменного текста или прохождения игры) задается не реципиентом. Поэтому при неудачном переводе может существенно затормозиться такое свойство юмора

и шутки, как мгновенность, интуитивность ее восприятия. Зритель при этом не переживает смешной момент так, как это запланировано создателями произведения. Таким образом, перевод смешного в близкородственных языках — это предмет отдельного изучения, имеющий культурологический аспект и завязанный на схожее понимание видеоряда целевыми аудиториями.

Литература

Диманов И. Социалната роля на сатиричната журналистика в България // Медии и обществени комуникации. 2019. № 41. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.media-journal.info/?p=item&aid=389>.

Иванова Е. М., Ениколопов С. Н., Митина О. В. Нарушения чувства юмора при шизофрении и аффективных расстройствах // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 45–57.

Ихсанова Л. И. Основные трудности перевода комического на основе аллюзий в комедийном медиадискурсе (на материале сериала «Friends» и его перевода на русский язык) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2 (77). С. 76–79.

Козуляев А. В. Понимание как составляющая процесса аудиовизуального перевода и методические инструменты обучения пониманию аудиовизуальных произведений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 4. С. 181–199.

Конишина С. Г. Комический текст в аспекте его структурирования и понимания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Кудрявцева Ю. О некоторых трудностях перевода болгарских художественных фильмов на русский язык // Филологический форум: Хуманитарно списание за млади изследователи. 2017. № 5. С. 32–37.

Новков М. Особенности на националния тв хумор // Култура. № 19 (2502), 2008, 23 май. [Электронный ресурс]. URL: <http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/14301>.

Проскураина А. А. Прецедентные тексты в юмористическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.

García-Escribano A. B., Díaz Cintas J., Massidda S. Recent trends in translator training — audiovisual translation and applied technologies at stake // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2018. Vol. 12, issue 2. Pp. 254–255.

Matkivska N. Audiovisual Translation: Conception, Types, Characters' Speech and Translation Strategies Applied // *Kalbu Studijos*. 2014. № 25. Pp. 38–44.

И. А. Устинова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

СТИХОТВОРЕНИЕ Н. ВАПЦАРОВА «ВЕРА» («ВЯРА»): ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ «ЧЕЛОВЕК» И «ЖИЗНЬ» И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Никола Вапцаров (1909–1942) — один из самых ярких, незаурядных и любимых болгарских поэтов XX в., он никогда не исчезал из болгарского сознания, интерес к его творчеству не ослабевает. Несмотря на его сравнительно небольшое творческое наследие (при жизни Н. Вапцарова был опубликован только один сборник стихов [Вапцаров 1940]), его произведения переведены на многие языки, в том числе на славянские. Единственный сборник стихотворений Н. Вапцарова, изданный при жизни поэта, открывает произведение «*Вяра*» («Вера»). Существует более десяти переводов этого стихотворения на русский язык. Интерес переводчиков к стихотворению «*Вяра*» можно объяснить тем, что оно фактически является заглавным в творчестве Н. Вапцарова. В нем содержатся основные мотивы всего творчества поэта: вера в людей и будущее, поединок с жизнью, противостояние любви и ненависти.

В данной работе представлен анализ двух переводов, выполненных Б. Слуцким (1959) и М. Замшевым (2009). Первый перевод переиздавался впоследствии в сборниках произведений Н. Вапцарова на русском языке. Перевод М. Замшева является последним, изданным на данный момент.

Обратимся к переводам, чтобы сравнить, как в них переданы те или иные особенности поэтики Николы Вапцарова. Что касается названия, то оба перевода полностью соответствуют оригиналу — «Вера» / «Вяра».

У Н. Вапцарова не соблюдается закон симметричного чередования рифм, и далеко не каждый стих заканчивается рифмой. Стоит обратить внимание, что в творчестве Н. Вапцарова рифма играет особую роль: она может усилить эмоциональный оттенок, образовать оппозицию по семантике, и происходит это именно за счет звукового сходства: *разнищен* («сокрушенный») — *нищо* («ничто»); *сразите* («сразите») — *дните честити* («счастливые дни»). Всего в стихотворении «Вяра» одиннадцать пар рифмующихся строк из общего количества в восемьдесят строк. Кроме того, необходимо обратить внимание, что рифмы являются спонтанными, что, в свою очередь, создает эффект неподготовленной речи. К такому приему Н. Вапцаров неоднократно прибегает в своем творчестве. Этот принцип у переводчиков сохраняется в разной мере: у М. Замшева количество рифмованных слов превышает оригинал практически в два раза (19); у Б. Слуцкого частотность более близка оригиналу (10).

Стихотворение «Вяра» демонстрирует особенность, характерную для всего творчества Н. Вапцарова: поэт сочетает в одном произведении различные по стилистике группы слов. Здесь присутствуют и просторечные выражения — *грубите лапи челични* («грубые лапы стальные»), и техническая лексика — *пробна машина* («испытательная машина»), *взривна ракета* («взрывная ракета»), *бронирана* («бронированная»), и даже употребляется библеизм — *пшеничено зърно* («пшеничное зерно»).

Все эти особенности оригинала отражены в русских переводах. М. Замшев использует нейтральное «руки», в то время как Б. Слуцкий экспрессивное, идентичное оригиналу «лапы». Перевод данной строки М. Замшевым далек от оригинала. Оригинальное «Дори да умирам, живота със грубите лапи челични аз пак ще обичам...» (букв. «Даже если буду умирать, жизнь с ее грубыми стальными лапами все равно буду лю-

бить...») М. Замшев переводит следующим образом: «И при смерти даже всей грубою кожей, руками стальными любить я продолжу...». Помимо добавления отсутствующего в оригинале сегмента (*всей грубою кожей*), переводчик меняет объект принадлежности — «*със грубите лапи челични*» в оригинале явно относится к «живота». Перевод этих строк Б. Слуцким: «Жизнь, что нас в лапы грубо берет, — как ни тяжка эта лапа стальная, — и умирая, буду любить!». Данный перевод по смыслу более близок оригиналу.

Техническая лексика передана в обоих переводах: «*пробна машина*» — М. Замшев использовал калькирование «пробная машина»; Б. Слуцкий использовал прием конкретизации, сохранив, впрочем, болгарское прилагательное — «пробная ракета». Кроме того, Б. Слуцкий использует добавочное прилагательное, характеризующее образ ракеты — «опытная».

Для стихотворения характерно обилие шипящих звуков (*дишам, живея, живота, челични, ще обичам, кажем*), что создает впечатление работающего мотора. Используя фонетические возможности русского языка, переводчики передали и эту специфическую особенность стихотворения Н. Вапцарова: тружусь, дышу, хорошо, существую, ненавижу, продолжу.

Хотелось бы обратить внимание на употребленный Н. Вапцаровым библеизм *пшеничено зърно*: М. Замшев использовал деминутив «пшеничное зернышко», Б. Слуцкий воспользовался приемом инверсии — «зерно пшеничное». Этот библеизм отсылает читателя к тексту Священного Писания, в котором говорится, что попав на землю, зерно не погибнет, а прорастет и взойдет, дав, тем самым, новую жизнь [Колобянина 2007: 81].

Слова с корнем *жив* (*живот* — «жизнь», *живея* — «жить») — наиболее частотны в стихотворении, встречаются десять раз. Их употребление значительно снижается после строки «*Но ето, да кажем*» (до этой строки — восемь употреблений, после — два). Это дает право фактически разделить стихотворение на две смысловые части, которые начинаются с вышеуказанной строки: 1) первые пять строф; 2) последние пять строф. Центральной темой первой части произведения являются человек и жизнь, их противостояние, их сосуще-

ствование, борьба человека за жизнь, ее ценность. Во второй же части тема меняется, в центре внимания поэта оказывается вера человека и ее роль в его жизни. Эта особенность отражена в переводах на русский язык следующим образом: у М. Замшева слова «жизнь», «живу», «жив» встречаются во всем тексте восемь раз, семь из них — в первой половине; в переводе Б. Слуцкого — девять раз, шесть из которых в первых пяти строфах, что всего лишь на одно употребление меньше, чем в тексте оригинала.

Художественный образ «жизнь», несомненно, является одним из центральных в стихотворении Н. Вапцарова. В этом произведении поэт прибегает к одному из наиболее характерных своих приемов — обращению к «абстрактно-монументальному» адресату — жизни [Томашевский 1959: 275]. В третьей строфе Н. Вапцаров употребляет слово *живот* («жизнь») с большой буквы. Этим автор одушевляет абстрактное понятие, буквально персонифицирует его:

*За него — Живота —
направил бих всичко.*

Б. Слуцкий передал эту особенность, употребив слово «Жизнь» с заглавной буквы. М. Замшев в своем переводе написал с маленькой буквы.

Говоря об особенностях перевода лексики, необходимо обратить внимание на перевод прямой речи в третьей строфе стихотворения: «*Как, искаш ли час да живееш?*» (букв. «Ну как, хочешь еще час пожить?»). Эта прямая речь отражена в переводах, однако переводчики нашли для нее соответствия, значительно отличающиеся и в стилевом отношении, и в семантическом. Так, М. Замшев расширил и значительно изменил текст оригинала, добавив часть предложения и употребив деминутив: «Не хочешь часок еще жить среди людей ты?» Б. Слуцкий изменил содержание: «Хочешь прожить хоть полдня?»

Интонационно стихотворение «*Вяра*» также демонстрирует наиболее характерные черты творчества Н. Вапцарова. Здесь представлены восклицания («*Свалете! Свалете!*», «*Аз пак ще обичам!*», «*Не! Неуместно! Не струва!*»), риторические во-

просы («*Какво ще остане от мене тогава?*»), прием самоисправления («*Миг след грабежа / ще бѣда разнищен. / И още по-ясно, / и още по-право — / миг след грабежа / ще бѣда аз нищо*»). В тексте двенадцать восклицаний и шесть вопросов, и переводчики сохраняют эту эмоциональную насыщенность оригинала, в некоторых случаях даже усиливая ее: М. Замшев использует десять восклицаний и шесть вопросов; Б. Слуцкий — одиннадцать восклицаний и пять вопросов.

Хотелось бы подчеркнуть, что Б. Слуцкий вошел в историю советской литературы как автор стихотворений о войне. Он лично был на полях сражений, активно занялся поэзией после окончания войны. Его как члена Союза писателей СССР не раз привлекали к поэтическому переводу. В 1965 г. в сборнике под редакцией Б. Слуцкого был опубликован его перевод стихотворения Н. Вапцарова «Вера». Из анализируемых переводов данный выделяется наиболее удачным подбором соответствий, более точной передачей эмоциональной нагрузки, смысла, заложенного Н. Вапцаровым.

Хотелось бы отметить некоторые особенности перевода Б. Слуцкого. Переводчик трижды обращается к приему использования лексического повтора, причем во втором случае это повтор омофонов:

«Жизни в глаза
исподлобья гляжу **я**.
Сколько есть сил,
ей не уступлю **я**».

«Как бы со мною
жизнь не была **зла**,
я не питаю
нисколько к ней **зла**».

«Но отнимите
зерно, не более,
зерно пшеничное
от моей веры!»

В болгарском оригинале Н. Вапцарова также неоднократно присутствуют лексические повторы, которые Б. Слуцкий

сохранил, добавив кроме них свои. Количество строк в данном переводе незначительно превышает оригинал (80/86). С точки зрения соблюдения ритма и передачи рифмы перевод Б. Слуцкого звучит более мягко, гладко по сравнению с отрывистым оригиналом. Связано это и с бóльшим количеством рифмующихся слов, и с добавлением нескольких строк ради созвучия.

<p><i>С живота сме в разпра, но ти не разбирай, че мrazia живота. Напротив, напротив! — Дори да умирам, живота със грубите лапи челични аз пак ще обичам! Аз пак ще обичам!</i></p>	<p>Как бы со мною жизнь ни была зла, я не питаю нисколько к ней зла. Наоборот, наоборот! Жизнь, что нас в лапы грубо берет, — как ни тяжка эта лапа стальная, — и умирая, буду любить! Буду любить!</p>
---	---

Рассматривая ритмику и рифмовку стихотворения, необходимо учитывать, что болгарский и русский являются языками разного строя — аналитического и синтетического соответственно. Порядок слов в болгарском языке вследствие наличия артиклей и клитик более строг, чем в русском. Поэтому рифма в русском языке является более типичным элементом по сравнению с болгарским языком. Наличие падежных форм и более свободный порядок слов в русском языке открывает более широкие возможности для рифмы. Кроме того, русская рифма является многозвучной, а потому дает широкий простор для всевозможных, в теоретическом отношении поучительных, звуковых комбинаций [Жирмунский 1975: 193].

Б. Слуцкий использует русские соответствия, имеющие более романтический оттенок, что создает соответствующее настроение в стихотворении. Ниже представлена строфа оригинала, буквальный/подстрочный перевод и соответствующий перевод Б. Слуцкого (жирным шрифтом выделены подобранные и добавленные переводчиком соответствия).

<p><i>За него — Живота — направил бих всичко. — Летял бих със пробна машина в небето, бих влезнал във взривна ракета, самичък, бих търсил в простора далечна планета.</i></p>	<p>Для нее — жизни я бы сделал все. — Полетел бы на пробной машине в небо, я бы вошел в взрывную ракету, один, бы искал в просторе далекую планету.</p>	<p>Все бы я сделал для Жизни — вот этой, — с опытной, пробной взлетел бы ракетой, сам бы в мотор обреченный полез — новые звезды искать меж небес.</p>
---	---	--

Из двух рассматриваемых переводов именно Б. Слуцкому удалось точнее — ближе к оригиналу передать смысл выражения, содержащегося в первой строфе: — *с живота под вежди се гледаме строго* (букв. «с жизнью из-под бровей смотрим друг на друга строго») — «жизни в глаза исподлобья гляжу я». В переводе М. Замшева эта строка звучит так: «а жизнь на меня хмуровато косится».

Таким образом, можно считать, что стихотворение «*Вяра*» достойно передано в обоих переводах. Это важный факт, учитывая значимость данного произведения для поэтического творчества Н. Вапцарова. Стихотворение «*Вяра*» открывает сборник «*Моторни песни*», а также большинство сборников переводов на русский язык.

Литература

Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975.

Колобянина М. А. К семантике слова *ненависть* в поэзии Н. Вапцарова (на материале стихотворения «Письмо») // Материалы XII Державинских чтений: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2007. С. 76–83.

Крылова Г. В. Словарное описание лексического фонда поэзии Николая Вапцарова // III Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова: Материалы между-

народной научной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 сентября 2001 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2002. С. 96–98.

Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959.

Список источников на болгарском языке

Никола Йонков. Моторни песни. Стихове. София: Печ. Андреев, Йотов, 1940. 64 с.

Никола Йонков. Моторни песни. Фототипно издание. София, 2017.

Никола Вапцаров. Избрани творби / Под редакцията на Лилия Кацкова и Бойка Вапцарова, предговор от Христо Радевски. София, 1969.

Никола Йонков. Моторни песни. Стихове. Фототипно изд., 2 изд. София, 1979. 67 с.

Переводы произведений Н. Вапцарова на русский язык

Вапцаров Н. Й. Песни о человеке. Избранные стихи / ред. В. А. Луговской; вступ. ст. А. Суркова; примеч. Н. Глен. М., 1952.

Вапцаров Н. Й. Стихотворения / пер. Б. Слуцкого. М., 1959.

Вапцаров Н. Й. Победим, построим! Избр. Стихотворения / пер. с болг. ред. Б. Слуцкого; вступ. ст. А. Суркова. М., 1965.

Вапцаров Н. Й. Есть у меня Родина. М., 2009.

Содержание

<i>З. К. Шанова</i> К 25-ЛЕТИЮ ДЕРЖАВИНСКИХ ЧТЕНИЙ	3
---	---

Часть 1 **ТЕМАТИЧЕСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ** **«ЭВОЛЮЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ** **РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ** **В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ»**

<i>А. В. Циммерлинг</i> ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. В ПОИСКАХ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ	9
---	---

<i>Кр. Сл. Алексова</i> КОНКЛУЗИВЪТ И ПРЕЗУМПТИВЪТ В СЪВРЕМЕННИЯ БОЛГАРСКИ ЕЗИК — ОБЩНОСТ И РАЗЛИЧИЯ	13
--	----

<i>Ц. И. Димитрова</i> БЕЛЕЖКИ ВЪРХУ ИЗГРАЖДАНЕТО НА КЛИТИЧНИЯ КОМПЛЕКС В ИСТОРИЯТА НА БОЛГАРСКИЯ ЕЗИК	22
--	----

<i>Е. Ю. Иванова</i> КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ С АППРОКСИМАТОРОМ <i>-ИНА</i> : СТРУКТУРА И СИНТАКСИС	30
--	----

<i>А. Г. Мосинец</i> БОЛГАРСКИЕ ПРЕЗУМПТИВНЫЕ ФОРМЫ В ТЕКСТАХ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА И ПЕРЕДАЧА ДАННЫХ ФОРМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	36
--	----

<i>М. Д. Москова</i> УПОТРЕБА НА КОНКЛУЗИВА В НАУЧНИ И ИСТОРИЧЕСКИ ТЕКСТОВЕ (ВЪРХУ МАТЕРИАЛ ОТ БОЛГАРСКИЯ ЕЗИК)	43
--	----

П. Осенова

ЗА НАЧИНИТЕ НА МАРКИРАНЕ И ИЗРАЗЯВАНЕ
НА КОМПЛЕМЕНТИТЕ В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК..... 54

T. Dimitrova, P. Osenova

TAGGING HISTORIC BULGARIAN TEXTS:
EXPERIMENTS AND CHALLENGES 61

Часть 2

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

М. А. Аникин

О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СМЫСЛАХ
В ЖИВОПИСИ БОЛГАРИИ XX В. 66

Н. Г. Голант, М. М. Рыжова

БОЛГАРИЗМЫ В БЫТОВОЙ ЛЕКСИКЕ ВЛАХОВ-ЦАРАН
ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ 70

О. В. Гусева

ПОЛЬСКОЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ МЕСТОИМЕНИЕ *SOŚ*
В НАРЕЧНОЙ И КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ
И СПОСОБЫ ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК 80

Н. М. Калашникова, Э. С. Банкова

О РОЛИ ПРИДАНОГО
В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ БЕССАРАБСКИХ БОЛГАР..... 86

Л. Б. Карпенко

РОССИЙСКО-БОЛГАРСКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ СВЯЗИ
В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ 90

Н. В. Сивенкова

ЯЗЫК И СТИЛЬ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА)..... 99

М. М. Степанова

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ЮМОРА
В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ С БОЛГАРСКОГО
НА РУССКИЙ ЯЗЫК 110

И. А. Устинова

СТИХОТВОРЕНИЕ Н. ВАПЦАРОВА «ВЕРА» («ВЯРА»):
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ «ЧЕЛОВЕК» И «ЖИЗНЬ»
И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК..... 118

Научное издание

XXV ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Современные и исторические проблемы
болгаристики и славистики**

*Сборник статей
по материалам*

XLIX Международной филологической конференции,
посвященной памяти
Людмилы Алексеевны Вербицкой
(1936–2019)

*Санкт-Петербург
2020 г.*

Оригинал-макет *М. А. Василенко*

Корректор *Н. М. Казимирчик*

Подписано в печать 02.06.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 7,44.

Тираж 100 экз. Заказ №

Филологический факультет СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб, д. 11.
Издательство «ВВМ».
198095, С.-Петербург, ул. Швецова, д. 41.